

**АСПЕКТЫ
ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО
КОНФЛИКТА**

7

**Материалы грузино-абхазской конференции:
“Пакт стабильности на Кавказе
и стратегия миротворческого процесса”**

Сочи, 19-23 марта 2001 г.

Ирвайн
2001

Аспекты грузино-абхазского конфликта
Aspects of the Georgian-Abkhazian Conflict

Editors: Paula Garb
Arda Inal-Ipa
Paata Zakareishvili

This publication was made possible by a grant from
The William and Flora Hewlett Foundation.

Copyright © 2001 University of California, Irvine

Social Science Plaza A 3151
Irvine, California 92697-5100
(949) 824-1227
(949) 824-1544 fax

СОДЕРЖАНИЕ

Foreword	5
Предисловие	6
Тинико Хидашели. Пакт стабильности Кавказа	7
Нателла Акаба. Пакт стабильности для Кавказа как модель общекавказской интеграции	20
Эмзар Джгереная, Заза Шатиришвили. Грузия – Абхазия: проблемы идентичности	61
Арда Инал-Ипа. Понимание интересов сторон – требование современного этапа урегулирования	86
Джон Пол Ледерах. Стратегии миростроительства в теории и на практике	121
Давид Бердзенишвили. Тбилиси – Сухуми: до и после промежуточного периода	141
Абесалом Лепсяя. К проектам урегулирования. Возможны ли промежуточные модели?	158
Зураб Чиаберашвили. Обреченные на совместную жизнь	221
Summaries	233

FOREWORD

This is the seventh volume in a series of publications resulting from dialogues on various aspects of the Georgian-Abkhaz conflict. The project is sponsored by the University of California, Irvine, with funding from The William and Flora Hewlett Foundation.

The transcripts in this volume were from the project conference held in Sochi, Russia, March 19-23, 2001. The transcripts were edited to avoid repetition and to enhance clarity. The editors made no substantive changes to participants' remarks.

The topics of discussion were: (1) The Stability Pact for the Caucasus; (2) an analysis of the interests of the parties in conflict; (3) approaches to developing interim agreements; and (4) peace-building strategies.

This was the first time that we invited an outside expert to participate in the conference. Our guest was John Paul Lederach, Professor of the Eastern Mennonite University in the United States, and an internationally known author of prominent books on the theory and practice of citizen peace-building. His expertise is based on his participation in and leadership of peace-building efforts in numerous conflict zones around the world. We asked him to comment on our project goals and activities and to make presentations on developing peace-building strategies and analyzing conflicts. Lederach's presentations prompted lively discussion. The transcript is published in this volume.

We welcome your feedback on this and other volumes as we plan future activities. The editors and project coordinators can be reached at the following e-mail addresses: CHPAbkhazia@yahoo.com, paatazak@mymail.com, pgarb@uci.edu.

All seven of the Russian publications and some English abstracts are available on the Internet at <http://hypatia.ss.uci.edu/gpacs/peacemaking/pubs.html>.

We are grateful to the staffs of the Caucasian Institute for Peace, Democracy and Development and the Centre for Humanitarian Programmes for their major contributions to the editing and publishing of this volume.

Arda Inal-Ipa,

Centre for Humanitarian Programmes

Paata Zakareishvili,

Caucasian Institute for Peace, Democracy and Development

Paula Garb,

Center for Global Peace and Conflict Studies, University of California, Irvine

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами седьмой выпуск серии публикаций, возникшей в результате продолжающегося диалога о различных аспектах грузино-абхазского конфликта. Спонсор этого проекта – Калифорнийский университет в г. Ирвайне, финансируется он Фондом Уильяма и Флоры Хьюлит.

Этот том составлен по записям дискуссий на конференции, проходившей в рамках нашего проекта в г. Сочи с 19 по 23 марта 2001 г. Во избежание повторов и невнятицы, записи были отредактированы, но высказывания участников конференции воспроизводятся без каких-либо существенных изменений. Основные темы, обсуждавшиеся на конференции: 1) Пакт стабильности для Кавказа, 2) интересы сторон в конфликте, 3) промежуточные модели урегулирования конфликта, 4) стратегии миротворчества.

Впервые на нашу конференцию был приглашен эксперт со стороны – нашим гостем был Джон Пол Ледерах, профессор Восточного меннонитского университета (США), всемирно известный автор замечательных книг по теории и практике гражданского миротворчества, имеющий большой опыт не только участия в миротворческих инициативах, но и руководства такими инициативами во многих странах мира. Мы попросили его поделиться своим мнением о наших целях и нашей деятельности, а также выступить по стратегиям миротворчества и анализу интересов конфликтующих сторон. Его сообщения вылились в оживленную дискуссию, публикуемую в данном выпуске.

Мы будем рады вашим откликам как на этот, так и на будущие выпуски нашего сборника – они пригодятся для планирования дальнейшей деятельности в рамках проекта. Вы можете связаться с редакторами и координаторами проекта по электронной почте – вот их адреса: CHPAbkhazia@yahoo.com, paatazak@mymail.ge, pgarb@uci.edu.

Полный текст всех семи выпусков на русском языке и английские резюме некоторых из них можно найти в Интернете на сайте <http://hupatia.ss.uci.edu/gracs/peacemaking/pubs.html>.

Мы благодарны сотрудникам Кавказского института мира, демократии и развития и Центра гуманитарных программ за их большую помощь при редактировании и издании этого выпуска.

Арда Инал-Ипа,
Центр гуманитарных программ

Паата Закареишвили,
Кавказский институт мира, демократии и развития

Пола Гарб,
Центр исследований миротворчества и конфликтологии, Калифорнийский университет, Ирвайн

ПАКТ СТАБИЛЬНОСТИ КАВКАЗА

Пакт стабильности Кавказа – широкомасштабный и всеобъемлющий документ, создающий великолепную возможность для многосторонней и плодотворной дискуссии самых разных деятелей и экспертов. Пакт охватывает широкий спектр вопросов, начиная с геополитического и стратегического значения Кавказа и кончая узконациональными интересами различных субъектов в регионе. Это, естественно, похвальная инициатива, так как она намеренно направлена на решение нашей проблемы, и, соответственно, мы не можем быть ею недовольны. Если исходить из тех общих принципов, что демократия, свобода слова и выбора и экономически устойчивое образование, основанное на принципах максимального самоуправления, сами по себе являются гарантиями стабильности и мира, то важнейшая часть этого пакта могла бы стать учебником, к которому мы будем обращаться в нашей повседневной жизни. В Пакте не говорится ни о чем таком, что не было сказано раньше, но его несомненным достоинством является то, что многие принципы, теоретические и практические, по возможности адаптированы к нашим реалиям и собраны в одном документе.

В моей презентации и в данной работе я сконцентрируюсь на тех вопросах, которые ближе к моим профессиональным знаниям, и начну с правово-политических аспектов. С моей точки зрения, все положения этого документа можно рассматривать в двух аспектах: политическом и правовом.

Пакт начинается с предложения и рассмотрения трех главных рычагов разрешения конфликтов на Кавказе. Это, во-первых, Евро-союз как потенциальный партнер и как нечто, к чему мы должны стремиться. Во-вторых, общая нормативная база, то есть законы, которые в нашем регионе должны соответствовать друг другу. И в-третьих, экономическая стабильность, или экономическое развитие в регионе как одно из главных условий политической стабильности.

Очень интересно и заманчиво было бы начать дискуссию с первого фактора, но, к сожалению, я думаю, что это вопрос далекого

будущего: как-то не верится, что сегодня, завтра или где-то в ближайшем будущем перспектива членства в Евросоюзе для стран Кавказа станет чем-то реальным. Второе, что акцентируется в Пакте – это участие самого Евросоюза в том потенциальном объединении, о котором здесь идет речь – то есть, общекавказском сообществе или государстве. В эту перспективу я тоже не верю, так как, хоть здесь и говорится, что Евросоюз мог бы нас поддержать – и экономически, и с точки зрения стабильности, и с точки зрения демилитаризации этой зоны – но ведь это все могло бы происходить и в рамках БИСЕКа, который существует уже несколько лет, однако на протяжении всего этого времени мы как-то не почувствовали сколько-нибудь серьезно вмешательства, сколько-нибудь серьезной поддержки от Евросоюза или каких-то отдельных европейских стран в отношении БИСЕКа. Я думаю, что так же будет в ближайшем будущем с любым сообществом, созданным на Кавказе.

Когда речь идет о нормативно-правовых аспектах урегулирования конфликтов, первое, что встает на повестку дня, это демократический конституциональный строй. В каких бы государствах мы ни жили и каким бы ни было будущее нашего государственно-территориального устройства и конфликтов на Кавказе, ясно одно – чтобы выжить, эти государства должны развиваться по тем моделям и общепризнанным принципам, которые установлены мировым демократическим сообществом. У стран и народов Кавказа (особенно южного Кавказа) нет другого выбора. Мы не Россия, не Соединенные Штаты и не какая-нибудь другая великая держава или экономический гигант, чтобы с нами считались с такими, какие мы есть. Все мы – маленькие государства, которые должны играть по одобренным общепризнанным правилам, чтобы выжить и развиваться.

Первым таким правилом является Основной Закон, т.е. Конституция, которая должна быть олицетворением нашей правовой системы и реальной жизни. Она должна провозгласить права человека, права меньшинств, право на мирное сосуществование различных общин и создать систему демократического и плюралистического правления, основанную на устойчивых прозрачных и подотчетных государственных институтах. Одной из главных предпосылок жизнеспособности таких конституций является провозглашение макси-

мальных полномочий местных самоуправлений, четкий перечень их эксклюзивных и серьезных компетенций с минимальным вмешательством со стороны центра. Для стран типа республик Кавказа, наверно, необходимо признание конституцией существования асимметричного государственного устройства.

Все вышесказанное отражено и в Пакте Стабильности и не претендует на оригинальность. В какой бы стране мы не жили, в едином грузинском государстве вместе с Абхазией, в союзном или ином государстве, эти принципы должно провозглашать и уважать любое государственное образование.

Тем не менее, рекомендации авторов Пакта Стабильности оставляют чувство неудовлетворенности. Несмотря на объем документа, по многим ключевым вопросам чего-то не хватает, остается ощущение, что авторы боялись затронуть более проблематичные вопросы. Взять, например, рекомендацию о введении множественного гражданства. Авторы Пакта нигде не упоминают, о каком множественном гражданстве идет речь: входит ли в эту модель Россия или нет, есть ли различия в статусе этих гражданств или нет, паспорт какого государства будет иметь силу для заграничного пользования и т.д.

Другой такой проблемой, на мой взгляд, является рекомендация о том, что федерализация и асимметрия в наших странах должны затрагивать, по крайней мере, финансово-бюджетную и налоговую политику. Однозначно, что это ключевой и важнейший вопрос, но до тех пор, пока у регионов не будет реальных материально-финансовых рычагов, их экономическое развитие, особенно в Грузии, представить трудно. Эта рекомендация выглядит скорее как перенесение решения трудного и проблематичного вопроса на будущее, чем как попытка ответа.

Для меня это самое неприемлемое предложение, потому что в условиях, когда мы говорим субъекту, что даем ему полную самостоятельность, то есть право на выборы местных органов, четко определенные компетенции и т.д. со всеми демократическими институтами, но добавляем, что финансы будем контролировать сами, потому что являемся центром и все налоги идут к нам – с моей точки зрения, это неверно, с таким подходом мы снова придем к той ситуации, которая сейчас в Грузии. У нас есть закон о самоуправлении, у нас были выборы в местные органы самоуправления, есть конститу-

ционные гарантии самоуправления, но ничего из этого не вышло, потому что всем этим так называемым самостоятельным местным органам приходится выклянчивать у центра каждый лари и каждый трансфер, который должен идти на развитие этих самых регионов. Наверное, желательнее были бы рекомендации о четко определенных бюджетно-финансовых правомочиях, чтобы было видно, на ком какая ответственность – кому принадлежит местное имущество, местные ресурсы и как происходит распределение финансов, как, например, принимаются решения между центром и регионом насчет использования стратегических ресурсов.

Очень жаль, что во многих местах Пакта чувствуется влияние мифа о демократичности южнокавказских республик. Там говорится о необходимости начать для гражданского общества на Северном Кавказе специальную образовательную программу по правам человека. Почему только на Северном Кавказе? Это очень тревожная тенденция, которая никак не способствует созданию демократического строя и поощрению защиты прав человека в Грузии. Такая позиция представителей различных правительственных и неправительственных европейских организаций служит поддержкой нашему правительству и создает барьеры для демократических сил в стране. Поэтому я бы не стала с таким уж воодушевлением переписывать все соответствующие пункты Пакта.

Когда вчитываешься в документ, вызывают удивление контрасты: некоторые темы рассматриваются крайне конкретно, а некоторые абсолютно поверхностно. Очень интересно, что там, где речь уже идет о конкретных моментах федерализации или конфедерализации кавказских государств, авторы много говорят о деталях, которые должны сопутствовать созданию такого сообщества: о единой валюте, о многостороннем и двойном гражданстве, о кавказском государстве, где будет единый паспорт и всякие государственные или этнические названия будут как бы номинальными именами для обладателя этого паспорта.

От той части, где речь идет об иностранных делах – взаимоотношениях с другими государствами, с ООН, с международными организациями – остается впечатление, что авторы Пакта взяли устав Евросоюза и переписали его для нас, даже не попытавшись учесть специ-

фику региона или проанализировать его горький опыт. А эта специфика, для меня во всяком случае, состоит в том что Кавказ, и этого нельзя забывать, – это та часть мира, в которой только что были горячие конфликты, это та часть мира, в которой конфликты все еще длятся, это – страны и народы, которые не когда-то в девятнадцатом веке и даже не в начале двадцатого, а сегодня, вчера, позавчера боролись за независимость, за собственную валюту, собственное гражданство, членство в ООН, за свои государственные языки, за свою территорию со своими границами на карте.

Предложенная перспектива может быть интригующей и интересной для Кавказа, но я очень боюсь, что кавказские республики не согласятся сказать «нет» тому, за что они боролись все эти годы и за что борются по сей день, то есть это очень болезненная тема.

Различия с Европой, где эти проблемы тоже существовали, но существовали давно, следующие: во-первых, у европейских народов очень долгая история построения и развития государственности; во-вторых, Европа, по сравнению с Кавказом, имеет настоящие, реальные, очень важные экономические интересы, которые так взаимосвязаны, что, наверно, доминируют над всеми остальными чувствами – национальными, этническими и т.д. То, что стало потребностью для европейских народов, к сожалению, пока еще не стало действительностью на Кавказе, а искусственное единство мы уже пережили и возвращаться назад никто не собирается.

Очень интересным, если вернуться к проблематике разграничения компетенций и полномочий, является положение о статусе полиции нового государственного образования. Согласно документу, иметь свою полицию – это эксклюзивное право всех субъектов. Полиция рассматривается как гарант безопасности местных этнических групп. Для меня это абсолютно неприемлемо, потому что, если мы говорим о стабильности в регионе, мы должны очень четко определить статус всех вооруженных сил – полиции и военных. Если мы говорим о стабильности и в то же время говорим, что у всех этих сепаратистских групп, и у грузинской, армянской, азербайджанской, то есть у доминирующих групп тоже, если у каждой из них будет свои полиция, которая, плюс ко всему тому, что у них сегодня уже есть, будет еще и поддержана НАТО и т.д., кто-то должен гарантировать (к со-

жалению, я не увидела этого в Пакте), что эти полицейские силы не станут завтра обыкновенными экстремистскими силами, но лучше вооруженными, то есть с лучшими средствами, чем сегодня. Не надо забывать, что конфликт в Абхазии начался именно с ввода на ее территорию полицейских, а не военных сил Грузии.

Я не могу перейти к чисто политическим аспектам Пакта, не коснувшись очень болезненной для меня темы, затронутой в самой слабой части документа. Авторы свалили в один котел Абхазию и Аджарию, Цхинвальский регион и Джавахети. С таким подходом к делу мы далеко не уйдем. Такой статус одинаково неприемлем для всех сторон. Я думаю, что решения для разных регионов не могут быть одинаковыми: разные регионы требуют разного подхода, потому что ситуация там сегодня абсолютно разная. Мы не можем говорить о единых структурах или о едином законодательстве или о принятии грузинским парламентом каких-то одинаковых статусов, например, для Абхазии и для Джавахети – это просто нереально, не говоря уже о практических последствиях таких шагов.

Очень важно отметить, что авторы Пакта ссылаются на соглашения, данные главами или министрами государств, как на инициативы, которые способствуют миру и стабильности в регионе. Человеку, проживающему в одном из этих государств, который каждый день слушает заявления своего правительства и наблюдает за его действиями, очень трудно поверить в честность таких заявлений. Надо быть очень наивным человеком, чтобы строить какие-то иллюзии на веру в существование политической воли. Читая этот Пакт, все время натыкаешься на цитаты: президент Грузии или министр иностранных дел Грузии заявил..., или министр иностранных дел Армении, или президент Азербайджана... Что это значит? К чему эти цитаты? Наши правители просто хотят выглядеть большими демократами, согласными на все ради мира и стабильности, но своей повседневной деятельностью точно не способствуют ни разрешению конфликтов, ни закладке первых камней для реализации хотя бы первых гарантий демократического развития.

Не менее важным является тот факт, что авторы цитируют заявления только глав трех государств Южного Кавказа. То есть, если министр иностранных дел Грузии, как это цитируется в Пакте, гово-

рит, что он согласен со всеми мерами для урегулирования конфликта, нам это ничего нового не дает – об этом они говорят уже восемь лет. Но почему-то никто не захотел, не счел нужным обратиться с теми же вопросами к остальным субъектам или остальным людям, которые представляют вторые стороны конфликтов во всех этих странах – в Армении, Азербайджане, Грузии и России. Нет сомнения, что ради сиюминутной выгоды наш политический истеблишмент на словах даст согласие на все, лишь бы ускорить разрешение конфликта, хотя налицо форс-мажорная ситуация, когда одной лишь воли президента или министра иностранных дел для реализации поставленной цели недостаточно.

К тому же очень интригующе выглядит формула «три плюс три плюс два». Эти «три плюс три плюс два» означают: «три» – Грузия, Армения, Азербайджан, второе «три» – это Турция, Россия, Иран, а «два» – это Америка и Евросоюз. К сожалению, и к моему большому удивлению, эта формула не учитывает остальных сторон конфликтов, то есть весь этот документ говорит о том, что сперва Америка, Евросоюз и Россия «...будут предлагать конкретные подходы, ...будут приглашать все остальные контактные группы к диалогу и будут представлять повестку дня для этого диалога и для разрешения конфликтов». А затем, после приглашения к диалогу стран региона плюс соседей – Турции и Ирана, будет разработан конечный документ и появятся конечные результаты. Эта система опять-таки какая-то не очень реальная, потому что это значит, что сперва кто-то будет диктовать нам, что делать, а потом мы – остальные стороны – будем решать, как это делать, опять-таки за других, без их реального участия. А это ничего не изменит, потому что такая модель работала и во время Советского Союза, просто тогда диктовали другие, а сам сценарий тот же: никто не спрашивает мнения тех, кто являются главными игроками в этом сценарии – сторон в конфликте. Говорить, что воля США, Евросоюза и России – это половина дела, а если к ней добавить согласие стран региона, то это уже конец проблемы – это же просто нереально. Это может хорошо смотреться на бумаге, но никогда не будет работать на Кавказе.

То есть самую большую проблему я вижу в самом подходе к этой проблеме. О какой бы модели мы после не говорили, это уже означа-

ет, что устранение от первоначального диалога тех, для кого это жизненно важно, тех, для кого она создается, уже является неправильным решением, а значит, мы рискуем провалить весь процесс. Мы говорили о том, что можно начать диалог двух равных субъектов, а какими будут результаты – покажет сам диалог. Но вот такой подход, который разработан в этом пакте, сам по себе уже настолько неприемлем, что он, я думаю, просто не доведет этот процесс до каких-то серьезных результатов.

В заключение еще раз повторю, причем не из вежливости – я очень серьезно благодарна тем, кто вложил свой труд в этот документ, потому что у нас хотя бы есть что-то, о чем мы можем говорить, рассуждать – можем соглашаться или не соглашаться, но все-таки есть что-то, с чего мы можем начать серьезный диалог.

И еще раз: без полного сотрудничества и гарантированного согласия всех сторон, участвующих в конфликте, ни о каком Пакте Стабильности говорить невозможно. И самое главное – чтобы субъекты осознали, что без учета их взаимных интересов (политических, экономических или стратегических) и строительства демократического государства все попытки установления стабильности и мира на Кавказе будут напрасны.

Абесалом Лепсая. Я хотел уточнить насчет единой нормативной базы. Что здесь имеется в виду? По мысли авторов этого проекта, должно создаваться единое правовое пространство?

Тинико Хидашели. Да, речь идет о едином правовом пространстве, а именно, о создании модели нормативной базы, которая потом будет служить моделью для всех этих государств. Предполагается, что каждая страна имеет свою конституцию, но эти конституции должны быть некоторым образом «модельно обработаны» с участием всех стран. И та же самая проблема – речь идет только о существующих странах, то есть над главными принципами, которые потом отразятся в наших конституциях, должны работать грузины, армяне, азербайджанцы и Россия. А потом каждая страна принимает свою собственную конституцию. И та же процедура по всем законам и всем

остальным нормативным актам, то есть предполагается единая правовая база, единая система, но разные правовые акты.

Даур Начкебия. Я не понял, кто создает эту полицию для усмирения недовольных? Сами создают?

Тинико Хидашели. Да, они сами себе создают.

Даур Начкебия. Они еще привлекают натовцев и других, кто согласен?

Тинико Хидашели. Нет, натовцев не привлекают, натовцы сами будут помогать в повышении профессионализма полицейских сил.

Нателла Акаба. Абхазия тоже будет иметь свою полицию.

Батал Кобахия. А мы против кого будем иметь? *(Смех в зале.)*

Абесалом Лепсая. Я хотел уточнить насчет Северного Кавказа. Было сказано, что эти законодательства или правовые акты должны быть проавансированы какими-то действиями на Северном Кавказе. Да?

Тинико Хидашели. Потому что Северный Кавказ рассматривается как часть этого общего государства или сообщества государств.

Абесалом Лепсая. В таком случае, предполагается, что законодательство в республиках Северного Кавказа тоже должно быть подогнано под эти общие балансы...

Нателла Акаба. Это общеевропейские стандарты...

Тинико Хидашели. Вся проблема в том, что этот пакт, по своей сути, создан для урегулирования проблем на Южном Кавказе, но почему-то потом в некоторых моментах там идет речь и о Северном Кавказе. Все это очень непонятно. Какую роль играет Северный Кавказ в этом создающемся общем государстве или сообществе государств? Здесь

нигде ничего не сказано о том, в какой форме Северный Кавказ будет в этом участвовать. Значит ли это, что Северный Кавказ выходит из России и становится частью этого нового сообщества? Или это значит, что Россия сама как таковая становится частью этого кавказского государства? Об этом авторы уже не говорят. Поэтому это очень проблематично. Где-то в начале документа перечисляются Грузия, Армения, Азербайджан и Северный Кавказ, а потом уже только Грузия, Армения и Азербайджан. О Северном Кавказе в разных местах что-то написано, но не очень четко.

Абесалом Лепсая. Насколько я понял из вашего выступления, вводится единая валюта, двойное гражданство. Внешнеполитическая деятельность тоже будет единой?

Тинико Хидашели. В пакте говорится, что все страны останутся членами ООН. Международные организации не усматривают членство непризнанных государств, но там же говорится, что остается возможность для двусторонних договоров и соглашений между международными организациями и частями этих государств.

Абесалом Лепсая. Значит ли это, что предлагаемые меры ущемляют или ограничивают суверенитет, например, Грузии?

Тинико Хидашели. Нет, я этого не говорила... Но, конечно, наше государство об этом думает. Если мы будем строить сегодня урегулирование конфликтов на Кавказе по той модели, которая здесь предлагается – введение двойного или тройного гражданства, общей валюты и т.д. – то это будет очень нереально. Потому что страны, которые только что боролись и продолжают бороться за свое гражданство, за свою собственную валюту, за свой собственный язык и т.д., так просто от всего этого не откажутся. Поэтому я была очень скептически настроена по этому поводу.

Давид Бердзенишвили. Что можно сказать о введении общей валюты? Что будет с национальной?

Тинико Хидашели. Это будет как «евро» – то есть валюта может быть номинальной, но единой, но потом складывается впечатление, что неправильно иметь даже номинальные названия.

Вот о языке в пакте почему-то ничего не говорится. Говорится обо всем, но не о языке. Наверное, авторы думали, что это очень болезненный вопрос и лучше его не касаться.

Даур Начкебия. А кто конкретно предложил создание этого пакта?

Паата Закареишвили. Это идея господина Ван дер Стула.

Нателла Акаба. Для того, чтобы стабилизировать ситуацию на Южном Кавказе, лидеры кавказских государств и Демирель обратились с призывом создать совместную программу действий.

Леван Рамишвили. Конкретно этот пакт подготовил Центр европейских политических исследований.

Нателла Акаба. Да, они разработчики, а провозгласил эту идею Макс Ван дер Стул.

Пола Гарб. Как все-таки будут строиться внешние отношения?

Тинико Хидашели. Международные организации – ООН, ОБСЕ и т.д. – не предусматривают членства непризнанных государств, но будут практиковаться двусторонние соглашения. В пакте перечислены области, в которых это можно сделать – спорт, культура и т.д. Проблемы же отношений с другими странами будут решаться самими этими странами. То есть если будет решаться вопрос о соглашении между Нагорным Карабахом и Бельгией, то это решать Бельгии.

Арда Инал-Ипа. У меня вопрос по поводу двойного гражданства. Имеется в виду гражданство объединенного и своего государства?

Тинико Хидашели. Очень хороший вопрос. Но я не могу на него ответить. Пакт нигде не отвечает на этот вопрос. Вначале речь идет о

том, что Азербайджан и Армению устраивает двойное гражданство обеих стран. В другой части речь идет о гражданстве своего государства плюс гражданстве объединенного кавказского государства. Потом уже, в специальном параграфе о паспорте, говорится, что должен быть введен единый паспорт объединенного кавказского государства, как в Евросоюзе. И в этом паспорте пятый пункт, пятая графа, будет графой «национальность», то есть там можно записать «грузин», «чеченец», «абхаз» и т.д. То есть в трех разных местах даются разные рецепты. Вначале приведены в качестве примера Армения и Азербайджан, потом идет информация о двух гражданствах – своего государства плюс общего, а дальше говорится о паспорте и четко указывается, что это единый паспорт объединенного кавказского государства для всех, в котором предусмотрена графа «национальность».

Арда Инал-Ипа. Про национальность я понимаю. Но при чем тут двойное гражданство?

Тинико Хидашели. Это действительно непонятно.

Нателла Акаба. Видимо, это какой-то поэтапный процесс...

Леван Рамишвили. Здесь речь идет о тройном гражданстве, то есть человек может быть одновременно гражданином Абхазии и Грузии и третьей страны.

Реплика. Для бюрократов будет много работы.

Абесалом Лепсая. У меня есть еще вопрос. Если предположить, что непризнанные государства – допустим, Абхазия – согласны на какие-то меры – предположим, на единую валюту типа «евро» или на двойное гражданство – может ли это послужить для Грузии некоторым стимулом для того, чтобы принять эти меры, или они все равно неприемлемы?

Тинико Хидашели. Для меня лично это самое главное. В этих вопросах я согласна с тем, что здесь предлагается, т.е. со всеми мерами,

которые приведут к реальной стабильности и миру. Но, к сожалению, у меня такое впечатление, что грузинская политическая элита отнесется к этим предложениям без энтузиазма. Но, возможно, она будет вынуждена согласиться под международным давлением. Я почти уверена, что если будет серьезное международное давление плюс согласие Нагорного Карабаха, Абхазии, Южной Осетии и т.д., то, наверное, и признанные государства на это пойдут. Потому что для них – во всяком случае, для Грузии – очень важна международная репутация. Это единственное средство, на которое мы можем сегодня положиться.

Батал Кобахия. Когда разговор идет о двойном гражданстве, то что имеется в виду, если там четыре стороны – Грузия, Армения, Азербайджан и, скажем, Россия? Скажем, гражданин Грузии может по выбору взять еще одно какое-то гражданство или он может взять гражданство всех остальных трех единиц?

Тинико Хидашели. Это неясно.

Леван Рамишвили. Я имел возможность лично общаться с авторами. Они имеют в виду, что есть гражданство общекавказское и вместе с этим есть гражданство, скажем, грузинское, а в случае таких образований, как Карабах, Абхазия, дополнительно еще абхазское, карабахское, осетинское.

Натела Акаба. Это, наверное, будет как в Швейцарии – три уровня гражданства.

Тинико Хидашели. Для разъяснения я прочту очень маленький параграф. Может быть, после этого станет понятнее. Здесь написано: «Паспорт будет иметь название «Южно-Кавказское сообщество», и в нем будет конкретизирована государственная принадлежность личности...» *(Запись прерывается.)*

Нателла Акаба

Центр поддержки демократии и прав человека

ПАКТ СТАБИЛЬНОСТИ ДЛЯ КАВКАЗА КАК МОДЕЛЬ ОБЩЕКАВКАЗСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Предыстория идеи

Привлекательность идеи общекавказской интеграции представляется вполне очевидной. Несмотря на то, что различные регионы Кавказа на протяжении веков попадали под влияние или входили в состав Ирана, Турции и России, ощущение общего культурного и духовного единства сохранилось. Осознание принадлежности к Кавказу, к кавказской цивилизации уже не раз инициировало попытки народов Кавказа объединиться в некую культурно-политическую общность, причем каждая из таких попыток происходила на новом историческом витке. Достаточно вспомнить планы создания Кавказской конфедерации, которые впервые были озвучены весной 1917 г. на Первом Горском съезде во Владикавказе, когда было заявлено о создании Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. Эти идеи получили свое дальнейшее развитие в последующие месяцы: в апреле 1918 г. Закавказский сейм объявил о создании независимой от России федеративной республики, правда сам сейм просуществовал лишь до мая того же года. Как известно, с 1922 по 1936 гг. существовала Закавказская федерация, куда входили Грузия, Армения и Азербайджан.

Как после падения царской России, так и после распада СССР идея объединения Кавказа обрела новую жизнь. Нельзя не увидеть аналогию между провозглашением Союза объединенных горцев Кавказа и Дагестана (1917 г.) и созданием Конфедерации горских народов Кавказа (КГНК), первый съезд которой прошел в 1989 г. в Сухуме. То обстоятельство, что создание КГНК происходило на фоне обострившихся до крайности грузино-абхазских отношений (кровавые столкновения июля 1989 г.), сделало невозможным участие в нем грузин.

Еще одна попытка объединения была предпринята в сентябре 1992 г., когда Дж. Дудаев и З. Гамсахурдиа провели в Грозном «круглый стол», на котором обсуждалась идея создания Кавказского Дома.

Участники встречи приняли коммюнике, в котором призывали все народы, государства, общественные и религиозные объединения, политические партии и движения Кавказа оказать всемерное содействие осуществлению этой идеи. Было заявлено, что в создаваемом Кавказском Доме каждому народу будут обеспечены безопасность и свободное развитие. Правда, в Тбилиси все происходящее в Грозном восприняли крайне отрицательно, поскольку по инициативе свергнутого президента З. Гамсахурдиа, находившегося в Грозном в изгнании, во время этой встречи было принято довольно резкое заявление об «осуждении военного переворота и преступных действий т.н. Госсвета Грузии во главе с Шеварднадзе и ответственности руководства Российской Федерации перед грузинским и абхазским народами», а также требование о «незамедлительном восстановлении конституционной власти в Грузии, вывода карательных войск с территории Абхазии».¹

Важно отметить, что в Армении с самого начала довольно прохладно отнеслись к попыткам такого рода, называя их «деструктивной интеграцией». В армянских политических кругах высказывались подозрения, что за всеми инициативами объединения Кавказа стоит Турция, мечтающая об усилении своего влияния в регионе.

Реальное объединение Кавказа еще никогда не осуществлялось снизу, а всегда происходило сверху, по инициативе тех или иных внешних сил и, естественно, в соответствии с их интересами. Как справедливо отмечает О. Дамения, раньше Кавказ воспринимался внешним миром как форпост какой-либо метрополии или же как ее окраина. Самостоятельной геополитической роли он не играл и находился как бы вне истории.² И это во многом обусловлено бесконечными и бесчисленными конфликтами, порожденными всей предшествующей историей региона, постоянно изменявшейся расстановкой сил на Кавказе и вокруг него. Хотя известный политолог чеченского происхождения А. Авторханов и предупреждал кавказцев, что, воюя между собой, они никогда не будут ни свободными, ни независимыми, вряд ли сегодня сами кавказцы в силах противостоять развернувшейся геополитической игре за господство в Кавказском регионе. Эту игру ведут такие серьезные акторы как Россия, Западная Европа и США при активном участии влиятельных региональных го-

сударств Востока – Ирана и Турции. Следовательно, не будет преувеличением сказать, что борьба за политический и экономический контроль над Кавказом является одним из определяющих факторов современной ситуации.

Стамбульский саммит и новая попытка

Итак, в последнее десятилетие была продемонстрирована неготовность кавказцев к объединению без вмешательства внешних сил. По-видимому, главным препятствием остается неумение сформулировать некие общие ценности или интересы, что невозможно компенсировать ни перспективой нефтяного процветания, ни другими заманчивыми обещаниями. Возможно, одна из причин кроется в том, считает политолог А. Искандерян, что сегодня на Кавказе не закончился процесс выработки национальной самоидентификации и становления национальных государств – процесс, который происходил в Европе на протяжении 15-19 вв. Поэтому, по мнению А. Искандеряна, попытки интеграции не могут быть успешными до тех пор, пока не закончилось оформление национальной государственности со всеми присущими ей атрибутами, такими, например, как национальная политическая культура.³

В настоящее время мы являемся свидетелями еще одной попытки объединения Кавказа. В ноябре 1999 г. на Саммите ОБСЕ в Стамбуле президент Азербайджана Г. Алиев озвучил, а лидеры Армении и Грузии Р. Кочарян и Э. Шеварднадзе поддержали идею разработки и принятия Пакта стабильности для Кавказа. Позже, во время визита в Грузию, в январе 2000 г., бывший президент Турции С. Демирель выступил в поддержку такого пакта, который способствовал бы безопасности и стабильности на Кавказе. Однако во всех этих выступлениях речь шла не о каком-то конкретном плане, а об общей идее. В ответ на этот призыв 28 января 2000 г. Верховный комиссар ОБСЕ по правам меньшинств М. Ван дер Стул предложил сформировать рабочую группу при «Центре европейских политических исследований» (ЦЕПИ), которая занялась бы подготовкой возможной модели политической и экономической интеграции Кавказского региона. Все лето продолжались активные дискуссии и поездки членов рабочей

группы ЦЕПИ по различным регионам Южного Кавказа, включая и т.н. горячие точки – Нагорный Карабах, Абхазию, Южную Осетию и относительно мирную Аджарию. К настоящему времени авторы-разработчики предлагают формулу интеграции 3+3+2, что означает: (Азербайджан – Армения – Грузия) + (Россия – Турция – Иран) + (США – Европа). Вот как выглядит в общих чертах модель, предлагаемая рабочей группой ЦЕПИ.

Три шага на Южном Кавказе:

1. урегулирование конфликтов в Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии;
2. обеспечение региональной безопасности под эгидой ОБСЕ;
3. инициативы по формированию Южно-Кавказского сообщества.

Три шага в направлении более широкого сотрудничества:

1. действия Евросоюза и России по развитию сотрудничества на Южном Кавказе;
2. усиление роли Черноморского экономического сотрудничества;
3. укрепление правовых основ для транзита нефти и газа (статус Каспийского моря, протокол по транзитным нефте- и газопроводам).

Плюс создание механизма для стратегии Пакта стабильности, консультаций и координации.

В результате консультаций членов рабочей группы и изучения реакции в регионе на основные принципы Пакта стабильности были сделаны следующие разъяснения.

1. Необходим всеобъемлющий, многосторонний подход, основанный на наличии связей между конфликтами на Южном Кавказе и некой кооперации в сторону параллельного решения. Эти связи становились все более очевидными по мере поездок разработчиков по региону. Так, Осетия ожидает урегулирования в Абхазии, а Абхазия наблюдает за тем, как это произойдет в Нагорном Карабахе. Годы проходят, а дипломаты ООН и ОБСЕ все еще

ведут один раунд переговоров за другим. Только великие державы могут осуществить отход от схемы противостояния, когда одна команда игроков считает себя находящейся под защитой России, а другая – Запада. Альтернативой такой схеме может стать урегулирование конфликтов под эгидой ОБСЕ, имеющей четко сформулированное задание достичь всеобъемлющего многостороннего решения для Кавказского региона. Авторы считают необходимым изменить существующий баланс сил, чтобы и Россия, и Запад продолжали успешно сосуществовать, но с разным весом. Сотрудничество может прийти с экономическими, политическими и социальными выгодами, когда Кавказ в целом выиграет от улучшения инвестиционного климата, что превратит его из региона, чреватого конфликтами, в мирный, постконфликтный.

2. Хотя приоритет и будет отдан разрешению конфликтов, международное сообщество не должно ждать, пока конфликты будут урегулированы. Напротив, элементы нового регионального устройства могут быть встроены в политическое урегулирование конфликтов. Появление новых перспектив экономического и политического сотрудничества будет способствовать интеграции. Эти элементы региональной интеграции, как считают авторы документа, могут открыть альтернативные пути для просвещенного политического лидерства в отличие от бесперспективной борьбы за «независимость» против «территориальной целостности».
3. Как пишут разработчики Пакта, использование современного европейского опыта в урегулировании этно-сепаратистских конфликтов возможно, как в странах с устойчивой демократией (Северная Ирландия и Бельгия), так и в слабых государствах бывшей Югославии, которые имеют некоторые общие с Кавказом черты. ЦЕПИ предлагает комплексно-инструментальный подход – использование таких механизмов как совместные полномочия, взаимозависимость, равенство этнических общин и культур, региональная интеграция и многоярусная система управления, иногда асимметричная (т.е. состоящая из государства и субгосударственных образований, сотрудничающих по определенным функциям). Авторы отмечают, что в ходе проведенных в регионе консульта-

ций, встречались и те, кто отмахивался от «неподходящих европейских моделей», но гораздо чаще проявлялся живой интерес и относительно неплохое представление об этих моделях.

4. Особенно важно найти оптимальный баланс между решением проблем Южного Кавказа и более широким региональным порядком с учетом интересов России, которая проявляет обеспокоенность в связи с будущим Северного Кавказа. В будущем Россия может выиграть от установления порядка на Южном Кавказе. Процветание и открытость данного региона, наряду с укреплением демократии и гражданского общества, могут оказать позитивное влияние на движение Северного Кавказа в этом же направлении. Стратегия такого рода может включать экономическую и финансовую поддержку юга России и Северного Кавказа со стороны Евросоюза и международных финансовых агентств, чтобы среди прочего создать инфраструктурную ось, соединяющую Северный Кавказ и Великий шелковый путь – Восток-Запад.

Другим важным инструментом может стать активизация Черноморского сотрудничества.

5. ЦЕПИ отмечает, что этот всеобъемлющий многосторонний процесс и должен быть идентифицирован как Пакт стабильности для Кавказа, и этот термин уже вошел в лексикон политических лидеров кавказского региона. В какую-либо жесткую структуру это пока не воплотилось, и Пакт стабильности для Кавказа – это не предлагаемая модель, а скорее всеобъемлющая многосторонняя региональная инициатива. В этой связи авторы формулируют следующие принципы:

- отделившиеся образования (Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах) не имеют оснований для требований о признании их полной независимости;
- такая политическая конструкция, как Пакт стабильности, может предоставить им наилучшие шансы для успеха.

Далее они более подробно рассматривают правомерность претензий «отделившихся единиц» на полную независимость, призна-

вая, что вокруг правовых вопросов подобного рода идут жаркие дебаты между политологами, разделяющими ценности либеральной демократии. Одни рассматривают право на самоопределение как демократическое право, и плебисцитарное право на сецессию, по их мнению, должно быть признано (Шотландия и Квебек – примеры недавнего времени, где большинство оказалось не склонно к независимости, хотя в случае иного решения Лондон и Оттава должны были бы его принять). Другие теоретики более консервативны и считают, что свобода сецессии чревата деградацией качества демократического правления. Если плебисцитарное право сецессии будет признано, повысится риск того, что стремящееся к сецессии меньшинство может постоянно шантажировать большинство и подобная система будет склонна к нестабильности. Наиболее же консервативные политологи установили перечень условий, необходимых для признания права на сецессию:

- это должны быть хорошо идентифицированные нация и территория;
- должна быть объективная причина для отделения, например, дискриминация в отношении меньшинства;
- должна быть возможность эффективного управления, включая гарантии для новых меньшинств, а также ответственность за возможные негативные внешние последствия.

Далее авторы Пакта указывают, что политические лидеры конфликтных регионов Кавказа, как и ожидалось, провели референдумы в пользу независимости среди своего «этнически очищенного» населения. Однако совершенно очевидно, считают разработчики, что мировые державы и международные организации не поддерживают их независимость. По мнению авторов документа, Абхазия и Южная Осетия не вполне отвечают данным условиям, а Нагорный Карабах подходит больше, но есть риск, что его независимость будет всего лишь шагом к полной интеграции с Арменией, на что новое независимое государство имело бы право претендовать. Такой прецедент отделения посредством войны был бы слишком серьезным сигналом для других территорий, претендующих на отделение. Это могло бы

привести к самым серьезным последствиям в посткоммунистических странах Европы. Принимая во внимание все вышесказанное, авторы делают вывод, что консерватизм международного сообщества имеет под собой весьма серьезную почву. Из этого, по мнению разработчиков документа, следует, что должен быть достигнут консенсус между суверенными государствами Южного Кавказа, Россией, другими державами и международными организациями относительно невозможности признания полной независимости данных образований.

Будущее Абхазии сквозь призму «Пакта стабильности»

По мнению авторов документа, Абхазия сейчас находится в тяжелейшем положении. Возврат к натуральному хозяйству, огромные разрушения, опустевшие курорты, заброшенные сельскохозяйственные угодья – таковы последствия войны. ЦЕПИ упоминает о двух подходах к урегулированию данного конфликта. Первый – т.н. план Хаиндрава, предлагающего поделить Абхазию по Сухуму на южную (грузинскую) часть и северную (абхазскую). Бельгийская модель федерализации Грузии (предложения бельгийских экспертов, в частности, Б. Коппитерса) имеет нечто общее с федеративной системой государственного устройства Бельгии. Данная модель предполагает такую систему правления, которая смогла бы гарантировать абхазам половину мест в правительстве. Президент должен говорить по-абхазски, а премьер-министр мог бы быть грузином. Кроме того, могла бы существовать и внутерриториальная система управления для основных культурных сообществ – абхазского, грузинского, а также армянского и русского, в зависимости от необходимости. Эти культурные сообщества имели бы компетенцию в области образования, культуры и представительства интересов сообщества. Они осуществляли бы свои компетенции по всей территории Абхазии. Абхазия также могла бы иметь свое представительство в южно-кавказском сообществе.

Таким образом, по мнению авторов документа, Абхазия получила бы высокую степень автономии. Она имела бы полную систему управления и конституцию. Международное представительство на самом высоком уровне осуществлялось бы через Грузию, но суще-

ствовало бы ограниченное право заключать международные соглашения и договоры и за пределами территории Абхазии. Это, разумеется, могло бы включать и связи с адыгским и черкесским сообществами, близкими абхазам, что особо подчеркивают авторы документа. В то же время беженцам должно быть предоставлено общее право на возвращение, поддержанное международным сообществом, которое должно взять на себя реконструкцию и восстановление. Что же касается регулирования иммиграционной политики (за исключением упомянутых вопросов возвращения беженцев), они могут находиться в сфере компетенции Сухума и Тбилиси. Это могло бы, по мнению авторов, дать абхазскому сообществу гарантированную защиту от массовой иммиграции других этнических групп. Гражданство может быть грузинским для заграничных паспортов и абхазским – для внутренних. Жители Абхазии могли бы также использовать и российские паспорта как альтернативный вариант, или двойное гражданство.

Предполагается, что Абхазия могла бы иметь некоторые вооруженные силы (национальную гвардию) и полицию. Однако на переходный период безопасность должна быть гарантирована международными силами по поддержанию мира. По мнению авторов Пакта, сегодняшний гибрид российских (СНГ) миротворцев и наблюдателей ООН должен быть пересмотрен. Они не в состоянии обеспечить безопасность возвратившихся беженцев. Решение, по мнению ЦЕПИ, может быть найдено с помощью миротворческих сил ОБСЕ.

Далее предлагается полностью отменить блокаду, вводя торговый режим и таможенные правила в соответствии с грузинским законодательством. Если бы Грузия имела эффективную свободную торговлю с Россией, считают авторы Пакта, это имело бы позитивное влияние на Абхазию. Что касается финансовой системы, отдельная абхазская валюта не предполагается, но возможно параллельное хождение российской и грузинской валюты. Возможны различия в различных регионах: на юге – преимущественно грузинская валюта, а на севере – российская. Абхазия сможет иметь значительную автономию в области финансовой политики, исключая тарифы и акцизные сборы, которые будут в основном грузинскими. Система социальной защиты и выработка микроэкономической политики будут в

ведении Абхазии. В то же время основные экономические инфраструктуры, такие как стратегические дороги, железнодорожные пути, порты и аэропорты, нефтепроводы и электростанции будут находиться в совместном ведении.

По-моему, нет ничего удивительного в том, что лидеры трех Закавказских государств и бывший президент Турции Демирель активно выступают в поддержку Пакта стабильности. В последнее время на Западе стали проявляться признаки некоторого разочарования в отношении новых независимых государств Южного Кавказа. Такие термины как «несостоявшееся государство», «синдром слабого государства» подразумевают погрязшие в коррупции режимы, слабые гражданские общества и произвол чиновников на всех уровнях управления. Реализация Пакта стабильности под эгидой ОБСЕ и при активном участии других европейских структур и США могла бы упрочить основы новых независимых государств и привлечь новые инвестиции. Для Турции эта идея тоже представляется весьма перспективной, поскольку может способствовать реализации давно вынашиваемых планов усиления ее роли в регионе.

Что же касается стран Запада, то их отношение к осуществлению Кавказского Пакта стабильности может быть не столь однозначным. С одной стороны, нельзя отрицать, что реализация подобного плана могла бы стать для Запада некой гарантией от появления разделительной линии вдоль Южного Кавказа. В то же время, есть указания на то, что в европейских политических кругах уже наблюдается некоторая усталость от всевозможных пактов стабильности. Иногда приходилось слышать от европейских аналитиков и сомнения такого рода: проект этот весьма дорогостоящий, согласятся ли европейские налогоплательщики платить за стабильность на Кавказе? Более того, нет полной уверенности даже в том, что Кавказ воспринимается европейцами как часть Европы. Общественное мнение на Западе довольно серьезно озабочено теми угрозами, которые исходят от Кавказа и кавказцев – наркотики, преступность, миграция.

В то же время между ключевыми фигурами Пакта – Грузией, Арменией и Азербайджаном – не столь уж безоблачные взаимоотношения. Ереван и Баку так и не достигли существенного прорыва в установлении добрососедских отношений. Некоторые политологи

видят потенциальную угрозу возникновения грузино-армянского конфликта в регионах компактного проживания армянского населения в Грузии.

Совершенно очевидно, что отношение России к Пакту стабильности будет иметь решающее значение, что прекрасно осознают и авторы документа. Последние призывают Россию четче артикулировать свои цели на Южном Кавказе. Однако есть основания сомневаться, что Россия готова ответить на этот вызов. Не отвергая в принципе идею общекавказской интеграции, Россия, по-видимому, предпочитает, чтобы инициатива исходила от нее, а не от внешних игроков. Как указывает высокопоставленный представитель МИД РФ Ст. Чернявский: «Внешнеполитическая линия в Закавказье направлена на то, чтобы сохранить сложившийся в регионе баланс сил и не допустить появления военных структур нерегиональных государств вблизи нашей южной границы. Причины для такой обеспокоенности у нас имеются». Далее этот же автор отмечает, что Москва готова приветствовать любые инициативы, не направленные на пересмотр военно-стратегического статус-кво и создание разделительных линий.⁴ Одновременно Москва выдвигает свои интеграционные инициативы – встречи «Кавказской четверки» (Россия, Армения, Грузия, Азербайджан) в рамках т.н. «Кисловодского процесса». Эта идея впервые была озвучена еще летом 1996 г. на встрече президентов трех закавказских государств и РФ («Кавказская четверка»). Среди приоритетных принципов этой инициативы: уважение системы региональной безопасности, суверенитета и территориальной целостности друг друга; признание недопустимости навязывания каких-либо приоритетов во внешней политике и экономическом развитии; неприемлемость действий, ведущих к изменению сложившихся интересов и баланса сил на Кавказе, в том числе за счет увеличения влияния извне, особенно военно-политического присутствия НАТО. Позже эта инициатива была поддержана и В. Путиным. Учитывая все вышесказанное, трудно ожидать, что на данном этапе Москва будет приветствовать попытки претворить в жизнь принципы Пакта стабильности, которые предусматривают, в частности, свертывание российского военного присутствия в регионе Южного Кавказа. Хотя дальнейший ход событий предугадать трудно.

Необходимо сказать и о причинах негативной реакции на данный документ в политических кругах Абхазии.

- Прежде всего, ОБСЕ не принадлежит к числу тех международных организаций, которые пользуются в Абхазии симпатией, а попытки ОБСЕ повысить уровень своего присутствия здесь вызывают, как правило, негативную реакцию.
- Предложения, сформулированные в Пакте, не несут ничего принципиально нового для Абхазии. Вхождение в Грузию ни в коей мере не становится более привлекательным от того, что это будет синхронизировано с вхождением Южной Осетии туда же, а Карабах – в Азербайджан. По сути дела, предложения в целом вполне укладываются в уже существовавшие в советскую эпоху (после смерти И. Сталина) схемы отношений между Грузинской ССР и Абхазской АССР, когда хоть и неофициально, негласно, но существовали некие договоренности о национальном составе органов управления.
- Возможно, если бы речь шла о создании некоего федеративно-конфедеративного образования (например, Южнокавказский Союз), куда в качестве равных субъектов входили бы шесть региональных единиц – Абхазия, Азербайджан, Армения, Грузия, Нагорный Карабах и Южная Осетия – это могло бы стать темой для серьезного обсуждения. Таким образом, формула 3+3+2 могла бы трансформироваться в формулу 6+3+2. Однако складывается впечатление, что авторы идеи Пакта стабильности пока не готовы к отказу от старых схем.
- Равенство сторон, являющееся для Абхазии приоритетным принципом, никак не вписывается в предлагаемую модель.
- Не предлагаются новые по сути формы внешнего представительства, которые могли бы серьезно заинтересовать существующие де-факто государства.
- Историко-культурное родство абхазов с некоторыми народами Северного Кавказа, как и вообще вопросы, связанные с определенными кавказскими ценностями, оказались на периферии вни-

мания авторов, сконцентрировавшихся исключительно на универсально-европейских ценностях, что делает эту идею менее привлекательной для Абхазии.

Если суммировать все, то можно с изрядной долей уверенности сказать, что в нынешнем виде данная инициатива и базовые принципы Пакта стабильности не отвечают интересам Абхазии. Ничто не свидетельствует о том, что данная модель учитывает жизненные интересы Абхазии в большей степени, чем другие схемы урегулирования грузино-абхазского конфликта.

Трудно рассчитывать, что Абхазия проявит столь высокую степень альтруизма и откажется от идеи своей собственной государственности ради того, чтобы помочь Грузии и двум другим государствам Закавказья в государственном строительстве.

В то же время Пакт стабильности для Кавказа содержит некоторые довольно интересные предложения. Возможно, ценность документа и в том, что он может стать отправной точкой для новых дискуссий и исследований о возможных подходах к проблеме общекавказской интеграции.

¹ Р. Алиев, «Кавказский Дом»: взгляд из Азербайджана, в сб. «Этнические и региональные конфликты в Евразии», кн. 1, 1997, стр. 162.

² О. Дамения, Народная дипломатия как феномен кавказской культуры: истоки и смысл, в сб. «Роль неофициальной дипломатии в миротворческом конфликте», Ирвайн, 1999, стр. 134.

³ А. Искандерян, Государственное строительство и поиск политической идентичности в новых странах Закавказья, «Центральная Азия и Кавказ», 2 000, №2(8), стр. 173-174.

⁴ Ст. Чернявский, Кавказский вектор российской дипломатии, «Центральная Азия и Кавказ», №5(11), стр. 106-107.

Эмзар Джгереная. Как вам представляется, какими должны быть связи с Северным Кавказом? Что должны предложить организации или отдельные государства? Что будет приемлемо в этом смысле?

Нателла Акаба. Тут всё упирается в проблему границы на Псоу. Эта граница, по сути, является и физическим, и психологическим барьером, препятствующим нормальным связям с Северным Кавказом. Для абхазов, как для малого этноса, эти связи могли быть некоторой гарантией того, что, несмотря на нашу малочисленность, мы не одни. Мне сейчас трудно ответить, какими именно могли бы быть эти взаимоотношения, как институционализировать эти связи, но об этом надо думать. Главное, чтобы было понимание необходимости этих взаимоотношений, а в этом документе, к сожалению, этого нет: считается, что абхазов вполне устраивает общение только с южнокавказскими народами, вскользь говорится о том, что абхазы более близки северокавказцам, но из этого ничего не вытекает.

Даур Начкебия. Как вы считаете, это прямое переложение стандартов Евросоюза или же что-то новое?

Нателла Акаба. Не прямое. Но чувствуется, что Пакт создавался в брюссельских кабинетах, очень далеко от Кавказа. Несмотря на то, что эти люди здесь бывали, мне кажется, они не очень хорошо понимают, что мы еще находимся на другом историческом этапе.

Давид Бердзенишвили. Огромное спасибо, я слушал вас с большим удовольствием. Вот вы сказали, что если бы речь шла о каких-то взаимоотношениях между шестью равными субъектами, то такой подход можно было бы обсуждать.

Нателла Акаба. Но это только мое личное мнение.

Давид Бердзенишвили. Да, мне интересно ваше мнение. Как вы считаете, лично для вас, для той среды, которую вы представляете, в чем преимущество общения шести равных субъектов? Чем такой подход лучше другого – установления двусторонних отношений между Грузией и Абхазией?

Нателла Акаба. Когда стороны конфликта являются настолько неравными, как Грузия и Абхазия, любая возможность как-то сбалансировать это неравенство для Абхазии выглядит довольно привлекательно. Этот подход может некоторым образом сбалансировать ощущение того, что мы остались один на один с Грузией.

Эмзар Джгереная. У меня не вопрос. Я просто хочу уточнить некоторые представления, которые отразились в вашем выступлении и которые можно услышать и в Грузии. В Грузии тоже многие говорят, что мы находимся на каком-то другом уровне развития, что мы не такие, как в Европе, что те нормы и законы, по которым живут на Западе, для нас бесполезны и неприемлемы. Я не хочу полемизировать в данный момент, но должен напомнить, что не грузины и не абхазы придумали, скажем, университеты, не мы придумали такие учреждения, как парламент. Может быть, мы могли бы иметь другие формы правления, но сейчас мы имеем именно эти, и все эти формы – европейские. Они, так или иначе, работают. Может быть, мы – и грузины, и абхазы – хотим показать себя в каком-то оригинальном виде, хотим показать, что здесь не действует то, что работает у других... Один мой друг, например, говорил, что психоанализ, психология Юнга и некоторые психологические процедуры на грузин не действуют. *(Смех в зале.)* Но это он шутил. Может быть, все-таки и нам, и вам стоит прочесть предложения пакта с другой точки зрения, может быть, в нем все-таки есть что-то полезное. Я говорю не только о данном моменте.

Нателла Акаба. – Конечно, мы давно имеем и университеты, и парламенты, и многое другое, но мне кажется, что наша политическая культура еще так далека от, допустим, швейцарской или бельгийской (хотя там тоже, конечно, есть свои проблемы). Мне кажется, что мы еще не готовы отказаться от того, что мы, прежде всего – абхазы или грузины...

Эмзар Джгереная. Нет, я не это имел в виду.

Нателла Акаба. У нас сейчас тот этап, когда мы еще не выросли из тех детских штанишек акцентирования своего какого-то националь-

ного государства, национальных институтов, гражданства. Тинатин говорила, что вряд ли Грузия сегодня готова отказаться от того, что с таким трудом было ею завоевано в борьбе. То же самое можно сказать и об абхазах. Мы еще, может быть, не испили еще эту чашу до дна. Может быть, в этой чаше ничего хорошего и нет, но мы должны через это пройти, чтобы более органично перейти на какую-то другую ступень.

Абесалом Лепсая. Нателла Нуриевна, вы в своем докладе сказали, что в этом проекте нет ничего нового...

Нателла Акаба. Это, может быть, преувеличение.

Абесалом Лепсая. Я хотел уточнить: ничего нового по сравнению с чем?

Нателла Акаба. По сравнению с тем, что предлагает Бруно Коппиртерс. Когда я писала свой доклад, я имела в виду именно его, потому что его идеи просматриваются в каждой строчке. Он – бельгиец и постоянно очень настойчиво ведет именно свою линию. Я это имела в виду. Конечно, есть что-то новое. Сама эта идея – достаточно новая для европейцев, но, тем не менее, я не увидела новых подходов, которых я так давно уже жду.

Леван Рамишвили. Новые предложения касаются отношения к Северному и Южному Кавказу, к грузино-абхазским отношениям.

Нателла Акаба. Да, для меня это было самым главным.

Леван Рамишвили. Я не осмелюсь комментировать выступления. Я хотел бы сказать несколько слов о самом Пакте стабильности.

Мне бы хотелось потом услышать от наших коллег их отношение к разным моделям интеграции. Интеграция, наверное, не может быть самоцелью. Она должна ставить себе целью нечто иное, и должна быть какая-то движущая сила, которая приведет в действие механизм интеграции. А без этого все эти идеи и конструкции останутся на бумаге. Политики могут из вежливости сказать, что они заинтересованы, но дальше дело не пойдет.

Мне лично идея южнокавказской интеграции сама по себе интересна, но мне очень трудно представить Кавказ или Южный Кавказ жизнеспособной политической единицей. Интеграция интересует меня с другой точки зрения – с точки зрения транзитной фазы, определенного этапа на пути к евроатлантической интеграции. Если мы посмотрим на другие регионы, скажем, на Центральную Европу или на Балканы, то там подобные пакты стабильности были определенным этапом на пути к интеграции этих стран в общеевропейские и атлантические институты. Надо отметить, что ни один из этих пактов стабильности не предусматривал создания супернациональных институтов – ни на Балканах, ни в Центральной Европе. В этом пакте есть определенные интересные идеи, но реализм, по-моему, не самая сильная его сторона.

Я хотел бы отметить некоторые моменты. Во-первых, если брать в качестве примера европейскую интеграцию, то там тоже пятьдесят лет тому назад было серьезное противостояние. Была найдена определенная сила против, например, исторического противостояния Франции и Германии. Но чтобы этот франко-немецкий консенсус состоялся, понадобилось создание такого института, как НАТО, и американское присутствие на континенте. Это можно считать гарантией стабильности. Мне трудно представить, какая сила может заполнить вакуум безопасности на Кавказе, чтобы дать гарантии безопасности той же Абхазии от Грузии или Армении от ...

Тинико Хидашели. Национальные полиции!

Леван Рамишвили. Сам формат «3 + 3 + 2» тоже мне кажется мало-реалистичным. По-моему, Грузия, Абхазия, Южная Осетия, Карабах, Армения, Азербайджан – они все могут договориться, но чтобы Иран, Турция и Россия нашли между собой точки соприкосновения, потребуется еще пятьдесят лет. Так что тут чересчур много игроков. По-моему, гораздо эффективнее будет формула «3 – 3 + 2». Но сама идея Южного измерения, наподобие северного, Балтийского измерения, мне кажется интересной, и если европейские или американские налогоплательщики будут вкладывать в это деньги, то идея может стать жизнеспособной.

Идея создания общего рынка или зоны свободной торговли, по моему, должна быть одной из целей нашего сообщества, потому что общий рынок, который будет состоять из пятнадцати миллионов потребителей – это нечто большее, чем пять, три или шесть миллионов. Инвестиций будет, наверное, гораздо больше, но тут придется решать проблемы, с одной стороны, блокад, с другой стороны – беженцев, потому что свободный общий рынок – это означает свободное перемещение капитала, продуктов, людей и идей.

Для этого можно создать определенную институциональную среду. Идея межпарламентской ассамблеи мне кажется интересной, но трудно представить организацию прямых выборов. Возможно, это будет нечто наподобие Парламентской ассамблеи Совета Европы, где заседают уже действующие избранные депутаты – это гораздо реальней. То же касается и совета министров. Это всё, наверное, будет способствовать интеграции. О каком-то супернациональном законодательстве говорить, наверное, не стоит. Более правильно будет ставить своей целью гармонизацию законодательств, в особенности, создание более или менее единого налогового режима, таможенного режима, общих стандартов для продуктов, общих правил для банков или для страховых компаний. Все это будет способствовать росту инвестиций, но надо понимать, что это связано с очень многими проблемами. Европейский Союз – не единственная модель, не единственная форма интеграции. В пакте предлагаются разного рода модели. На мой взгляд, более всего к региону подходит модель Нафта – без создания наднациональных институтов, предусматривающих общего игрока на общем пространстве. Вместо этого, по моему, гораздо более эффективным будет создать общие правила игры, оставив при этом всё множество существующих игроков. Потому что мне кажется маловероятным, что на данном этапе удастся достичь большего уровня интеграции.

В пакте еще отражена идея о создании гражданской ассамблеи, бизнес-ассамблеи. Всё это, наверное, можно и нужно делать, но главное – надо ставить реалистические цели. Если начать с каких-то больших идей и их реализация не получится, то возникшая после этого фрустрация надолго затормозит процесс, т.е. интеграционные инициативы будут наталкиваться на этот негативный опыт.

Поэтому от самой идеи интеграции отказываться не надо, но надо быть очень скромными в интеграционных амбициях. Эти проблемы гораздо легче решать поэтапно. Лучше действовать постепенно, шаг за шагом, чем сразу наваливаться на самые трудные проблемы, которые сейчас, это всем известно, никто не способен разрешить, а из-за этого и эти маленькие вопросы не решаются. И наоборот, если будут прецеденты позитивного конкретного сотрудничества в решении этих маленьких проблем, то накопится позитивный опыт сотрудничества, и потом гораздо легче будет решать и трудные проблемы – например, вопросы политического статуса (по-моему, эти вопросы необходимо отложить на неопределенное время, потому что сейчас их решение нереально).

Арда Инал-Ипа. Леван сказал, что модели должны предлагаться в расчете на определенную цель. Сами по себе они вряд ли представляют особый интерес, хотя обсуждать их интересно. Из самого названия этого документа, «Пакт стабильности», видно, что он для того и предлагается, чтобы попытаться добиться устойчивого равновесия в регионе. И мне кажется, эта цель достойна того, чтобы о ней думать.

Действительно, когда, например, в сфере бизнеса конкурирующие фирмы решают проблемы не через подавление друг друга, а находят возможность сосуществовать и взаимодействовать в единой корпорации, то это идет на пользу обеим сторонам. Тем более, если мы вспомним об этих «плюс три» – Иране, России и Турции. Мы часто используем понятие «третьей силы», говорим о том, как эти третьи силы умеют сеять раздор между малыми странами. Если мы на самом деле верим в возможность кавказской интеграции и действительно есть серьезные объединяющие моменты, то подобная интеграция была бы очень сильным козырем против таких манипуляций. Во всяком случае, наверное, легче было бы противостоять и искать союзников в ближайшем окружении.

Понятно, что даже если бы была найдена прекрасная формула и все стороны с ней согласились, то все равно невозможно одновременно перейти на совершенно новый уровень взаимодействия. Но уже сама атмосфера размышлений об этой интеграции имеет позитивный смысл.

Может быть, имело бы смысл попытаться выделить какую-то отдельную сферу – пусть это будут, например, транспортные коммуникации или почтовые системы или еще что-то, что не касается впрямую политического статуса. Во всяком случае, можно было бы попытаться выделить эти вопросы из сферы политических проблем и ввести какую-то отдельную единую систему взаимодействия и функционирования на всем Южном Кавказе. Я думаю, что это имело бы позитивное влияние на ход переговоров об интеграции и, может быть, потом было бы легче найти формулу, которая удовлетворила бы всех.

Абесалом Лепсая. Я думаю, что, во-первых, нужно, чтобы о пакте как можно больше знали в сообществах, для которых он предлагается. Действительно, как сказала Нателла, может быть, некоторые власти – я не говорю о Грузии, но в Абхазии, может быть – его не читали, не анализировали, а вот взяли и сразу сказали – не хотим.

Во-вторых, все-таки не стоит, наверное, забывать, что, как зафиксировали сами авторы и отметили докладчики, этот пакт открыт для изменений, дополнений и предложений. То есть, я надеюсь, что это не какая-то застывшая, окончательная форма, не подлежащая никаким изменениям. Насколько мне известно, никто из тех, для кого этот пакт предназначался, над ним не работал, не вносил никаких предложений и т.д. Его просто взяли и отвергли.

Нателла Акаба. Почему ты говоришь, что отвергли?

Абесалом Лепсая. По крайней мере, у нас произошло именно так.

Нателла Акаба. У нас – да, но в других местах никто ничего не отвергал.

Тинико Хидашели. ...Государственная комиссия работает.

Абесалом Лепсая. Ну, это уже хороший прецедент.

Я думаю, что пакт оказался отражением неспособности этих государств установить стабильность в регионе. За прошедший период обнаружилось, что на самом деле эти возникшие на Кавказе квазиго-

сударства и непризнанные государства не могут принимать серьезные решения по урегулированию конфликта. Поэтому выход на такого рода международные гарантии, международные организации, всегда полезен. Это помогает создать такую ситуацию, при которой становится возможным принятие решений. Я думаю, что это надо использовать. И хотя может предлагаться – и действительно предлагается – много нереального, отвергать или оптом отмахиваться от всех предложений все-таки не стоит. Для того, чтобы принять решение по таким важным вопросам, нужна инстанция, способная принимать решения. Оказалось, что новые кавказские квазигосударства не могут принимать таких решений, потому что они именно квазигосударства, поскольку не имеют в своем распоряжении соответствующих институтов. Им очень трудно на что-то опереться, трудно принимать решения, трудно их реализовывать, трудно контролировать выполнение тех решений, которые могут быть приняты. Они боятся принимать решения, потому что нет эффективных механизмов контроля.

Это и вызывает необходимость появления таких международных инициатив, с которыми, я думаю, все-таки надо работать. Я сейчас говорю о принципиальном моменте.

Что касается каких-то конкретных вещей, то мне, например, представляется, что там действительно много нереального. Во-первых, предлагается как бы какой-то окончательный вариант. Можно пойти поэтапным путем – выделить из этого пакта какие-то моменты, которые в принципе уже существуют в реальности, и узаконить это состояние. Например, что касается тех пунктов, где признается, что непризнанные образования имеют право на свои вооруженные силы. Они их действительно имеют, и это можно узаконить. Это элемент государственности для этих образований – иметь свои вооруженные силы уже на законном основании, если это будет признано.

Еще какие-то подобные моменты можно там выделить. Есть какой-то прогресс в отношении, может быть, двойного гражданства. Можно не распространять этот принцип на все население, но предусмотреть какие-то частичные меры в этой области. То есть можно выделить из этого пакта какой-то рациональный экстракт, который отражает уже сложившуюся ситуацию, и легитимизировать ее. Сле-

лать такого рода поэтапную схему, которая сможет потом вывести на что-то новое и, может быть, заставит посмотреть по-новому и на какие-то другие вещи.

Батал Кобахия. Мне это немножко напоминает собрание, осудившее Пастернака: «Я его не читал, но он неправ». Мы тоже пакт не читали, и спасибо, Тинатин и Нателла, что вы, мы надеемся, точно нам изложили, что там написано. Иначе странным было бы всё наше обсуждение.

Я думал о вопросе, который тут был задан: в каком контексте все-таки может проходить кавказская интеграция? Здесь говорилось, что можно было бы выделить какие-то отдельные сферы или этапы, и я вспомнил о Кентерберийском процессе, в рамках которого шел поиск урегулирования конфликта между Приднестровьем и Молдовой. Очень многие эксперты тогда говорили, что достигнут большой успех, потому что удалось уйти от проблемы статусов, от политических споров, и выделить сферы, которые представляют общий интерес для приднестровцев и молдаван. В течение пяти лет участники процесса собирались и пили пиво. Это все началось в Кентербери, поэтому процесс и называется кентерберийским. Потом они собирались в других местах, договаривались об общих номерах машин, каких-то общих документах, каких-то мелочах, которыми можно было заниматься совместно. А в конце концов все сегодня видят, что они находятся практически на стадии коллапса. Потому что не сработала схема, по которой поэтапно, через решение отдельных проблем, можно подойти к самой главной проблеме и решить ее, когда всё остальное будет решено.

Я боюсь, что мы тоже таким образом рассматриваем процессы южнокавказской интеграции, думая решить, например, вопрос гражданства или паспортов и т.д. Все это будет выглядеть очень эфемерно на данном этапе, когда все-таки национальные интересы преобладают над всеми остальными интересами.

Опять-таки, этот пакт о стабильности нам дает Европа. Но если вспомнить про проблему европейской интеграции – то европейцы ее все-таки решают, исходя из своих собственных интересов. Они ее долго обсуждали, у них был свой, отличный от нашего, историчес-

кий опыт, другие условия. Мне кажется, что они больше учитывали свои реальные возможности. Что интересно – и мне кажется, в этом тоже какой-то знак – пакт о стабильности пишут в Бельгии, и вообще постмодернистские модели абхазо-грузинского государства к нам приходят из Бельгии. При этом они сами, на мой взгляд, разваливаются. Я воспринимаю это так – если нам плохо, то и вам будет хуже. То есть у них опыт не получился, так они хотят, чтобы то, что у них не получилось, получилось у нас.

Мне кажется, что единственная возможность общекавказской интеграции (может быть, южнокавказской) – это интеграция на уровне гражданского общества: тут уже был реальный результат. Насколько я знаю, любые переговоры, касаются ли они вопроса возвращения беженцев или других каких-либо моментов, связанных с политическим статусом, заходят в тупик и проблема не решается. Всегда очень сложно выделить регион – Грузия, Абхазия, три или шесть – это всегда проблема. Но на уровне гражданских организаций в последние пять лет был достигнут такой практический консенсус, когда все приходят к согласию о том, чтобы оставить в стороне статусы и договориться о том, что гражданское общество – это общество без границ, полагая, что построение доверия для большей стабильности может быть достигнуто через объединение людей.

Тем более, что и исторический опыт был, Нателла напомнила, что была Закавказская Федерация. Мы уже это имели, но сейчас предлагается, как бы в новой форме, но практически то же самое. Потому что в Закавказской Федерации тоже не были особенно учтены регионы, которые сегодня являются как бы самопровозглашенными, и поэтому, я считаю, эта федерация в общем-то и развалилась. Если бы шесть государств на юге Кавказа были в равном положении, может быть, Закавказская Федерация сумела бы отделиться в свое время от России, и сейчас мы с вами обсуждали бы совершенно иные проблемы. Но так получилось, что учли не все интересы. И Горская Конфедерация, о которой абхазы всегда любят говорить, что «у нас был опыт»... Ну какой это был опыт? Очень малый по времени. И в принципе, он у нас только в плане воспоминаний, приятной памяти о прошлом, что мы все-таки сумели это сделать. И в 1989 г. разговор шел не о возможном государстве. Насколько я ощущал тогда, разговоры

велись больше в плане духовного единства, нежели какой-то территориальной единицы. Это в России иногда выгодно представить все в ином свете. Сейчас, например, там ставится вопрос о великой Черкесии: якобы все адыги и абхазы хотят объединиться и отхватить Краснодар. Удобно политикам, они об этом и говорят.

Как мы могли бы реагировать на Пакт стабильности? Может быть, действительно, нам работать в том направлении, в котором мы реально что-то можем сделать? Я думаю, может, нам действительно думать о построении гражданского общества, чтобы оно соответствовало общепринятым европейским нормам? Может быть, тогда и людям легче будет воспринимать эти модели, которые приходят с Запада. Потому что на сегодняшний день все, что приходит с Запада, вызывает сопротивление. В Грузии – нет, потому что Грузия ориентирована на Запад. А Абхазия мучается, ищет ориентир, никак не может найти. Она балансирует – то России, то Турции угрожает, что переориентируется. С другой стороны, может быть, она была бы готова к какому-то прочному союзу и с Грузией, если бы видела там возможность для своей стабильности. Я к этому отношусь с каким-то скепсисом.

Конечно, было бы желательно перевести этот Пакт стабильности на русский язык, чтобы люди имели возможность подумать. На это надо время. Сейчас мы не такие эксперты, чтобы со слов Тинатин и Нателлы быстренько решить, принять нам пакт о стабильности или нет, или выразить свое отношение. Я просто немного сомневаюсь.

Тинико Хидашели. Информация об этом пакте есть в Интернете.

Батал Кобахия. Грузия ведь оторвала нас от Интернета. Нет Интернета в Абхазии, нет.

Нодар Сарджвеладзе. Я тоже хочу поблагодарить Нателлу и Тинатин, потому что много раз приходилось слышать, что существует такой пакт, который называется «пактом стабильности», но ни разу не приходилось слышать о нем конкретно, и до сих пор я его еще не читал.

Из сегодняшних докладов я получил какое-то элементарное представление о том, что собой представляет этот документ. В моем по-

нимании, стабильность здесь равняется интеграции, и можно было бы, наверное, назвать его пактом об интеграции. Как говорила Нателла, раньше уже предпринимались попытки реализовать идею интеграции на Кавказе. Хотя в нашей истории уже существует некоторый отрицательный опыт, тем не менее, интеграция – это тот процесс, к которому мы должны стремиться. Потому что, даже в плане разрешения конфликтов, вероятность разрешения конфликта больше в рамках какой-то целостности, чем если мы будем изолированы друг от друга. Поэтому сам процесс интеграции можно только приветствовать, даже если он существует в качестве пока не реализованного документа, но существует как идея.

Наверное, нельзя сказать, что тот вариант, который здесь представлен, какой-то окончательный. Это даже немыслимо, если мы тут напишем такой окончательный вариант и полный сценарий того, что должно произойти, в самых подробных деталях. Но, видимо, это действительно надо представить, как говорил Абесалом, как открытую, а не окончательную систему, надо идти в этом направлении и все время корректировать, добавлять и дополнять.

Что касается идеи поэтапности и о том, как осуществлять процесс интеграции. Действительно, трудно представить, что кто-то напишет абсолютно универсальный, идеальный вариант интеграции, который сегодня же надо осуществить симультанно, в одном временном отрезке. Видимо, это какой-то процесс, к которому мы должны стремиться и поэтапно, поочередно решать вопросы – как эти государства должны не только регулировать отношения друг с другом, но и как они должны вписаться в общемировой контекст.

Мы не сможем вписаться в общемировой контекст, если не будем рассматривать себя в кавказском контексте. Если, например, Грузия будет рассматривать себя вне кавказского контекста, она не будет являться Грузией. Не только в географическом плане, но и в культурном плане, в экономическом плане Грузия должна представить себя в рамках кавказского контекста, кавказской интеграции. Так же и Абхазия, и Азербайджан, и Армения и т.д.

Я, безусловно, согласен с Нателлой, что нельзя не учитывать момент Северного Кавказа. Но тем не менее, представленный вариант на этом этапе тоже достаточен, потому что если бы авторы

включили Северный Кавказ, они бы, наверное, вошли в большую конфронтацию с Россией, и это вызвало бы не интеграцию, а дезинтеграцию, явилось бы каким-то деструктивным элементом. Но даже если осуществить интеграционный процесс в рамках Южного Кавказа, он будет как бы своеобразной опорой для всего Кавказа, в том числе и для северокавказских народностей, чтобы они сориентировались и двигались в направлении этого интеграционного процесса.

Кто-то должен начать. Всё сразу не происходит. Поэтому я считаю, что саму эту идею, даже если она не осуществится и даже если она имеет колоссальное количество каких-то недостатков, отвергать все-таки не стоит. Наоборот, надо ее обдумать и распространять. Надо ознакомить людей с этими идеями, распространять подобные документы и даже призывать к тому, чтобы кто-то что-то дополнял. Я считаю, что если мы внесем какие-то дополнения, свои конструктивные мысли в этом плане, то мы тоже будем способствовать этому процессу интеграции.

Батал Кобахия. Кто внесет?

Нодар Сарджвеладзе. Любая идея ценна. Надо сначала изучить этот документ детально, и не только мы, но и другие тоже должны изучить. Мы должны опубликовать его в своем сборнике.

Олег Дамения. Я хотел бы сразу заявить, что я противник всякой дезинтеграции и сторонник интеграции, тем более когда речь идет о Кавказе. Сегодня мы имеем факт разделенности Кавказа. И более того, протекающие процессы – геополитические, социальные – они еще более углубляют дезинтегрированность.

Кавказ всегда был достаточно интегрированным в социальном, культурном, духовном, экологическом, во всех отношениях. Кавказ представлял собой единое пространство. К сожалению, сегодня этого нет. Поэтому, когда речь идет об общекавказской идее или пакте стабильности, я к подобного рода высказываниям и идеям отношусь положительно. И я с удовольствием, с интересом слушал обоих наших докладчиков.

И, кстати говоря, несмотря на критику в адрес этого документа со стороны тех или иных аналитиков, наблюдателей – я с пониманием отношусь к подобной критике, но в то же время с удовлетворением хотел бы отметить, что я вижу какой-то определенный прогресс в понимании Кавказа со стороны западных аналитиков. Если те же авторы, которые составляли этот документ, принялись бы за него буквально несколько лет тому назад, вряд ли там появились бы даже эти куцые фразы, скажем, о родстве или о необходимости сохранения каких-то отношений, связей абхазов с северокавказскими народами. Я думаю, что общественно-политическая мысль Европы развивается в этом направлении, и думаю, что это надо приветствовать.

С другой стороны, сама идея, как мне представляется, пока еще слишком эфемерна не только для Европы, но и для нас самих. Обычно такая политическая интеграция или, скажем, какие-то альянсы военно-политического, экономического, культурного или экологического характера – они наступают после того, как достаточно четко осмыслены, осознаны текущие реалии и вообще реалии.

Вот, скажем, европейский альянс базируется на базе общего европейского менталитета, общей, характерной для всех европейских народов системы ценностной ориентации, общего для всех европейских народов архетипа поведения. То же самое мы можем сказать о тех или иных восточных альянсах. Это не просто чья-то прихоть – скажем, политические амбиции или политические интересы; несомненно, они тоже присутствуют, но они формируются на основе каких-то базовых данных. И думаю, что когда мы будем говорить о политической интеграции теперь уже Кавказа, она тоже должна опираться на такие базовые данные. Они есть, но, к сожалению, они не осмыслены. И нам, по всей вероятности следует усилить свое внимание к осмыслению, к пониманию, к изучению этих реалий.

Было бы, на мой взгляд, желательно (я здесь разделяю мысли, которые уже высказывались до меня), если бы эту работу продолжали не только европейские специалисты-аналитики, а к ней были бы подключены и представители самого Кавказа. Используя тот эмпирический материал, который имеется здесь в наличии, наши люди могли бы принести пользу, если они вместе со своими европейскими коллегами будут работать над таким проектом.

Вместе с тем, здесь явно наблюдаются два подхода. Я хотел бы сказать, что в принципе здесь могут быть разные подходы. Но от одного подхода я хотел бы предостеречь своих коллег, и самого себя в первую очередь – это конъюнктурный подход. Нам важен другой – академический подход. Если мы будем разрабатывать академический подход и генерировать политическую правовую модель, она может оказаться исторически перспективной. Вот, пожалуй, у меня всё.

Батал Кобахия. Можно задать вопрос? Я хочу знать – когда, в какое время Кавказ представлял единое пространство, если вы имеете в виду стабильность?

Олег Дамения. В политическом смысле или культурном?

Батал Кобахия. В каком-нибудь. Географически, я знаю, мы все время вместе.

Олег Дамения. Скажем, если даже мы возьмем Российскую империю... Конечно, в восемнадцатом, девятнадцатом веках Кавказ был разделен, пока здесь шли войны. Но потом в составе Советского Союза Кавказ оставался как бы единым.

Батал Кобахия. В чем это выражалось?

Олег Дамения. Скажем, сегодня мы переходим государственную границу. Нам приходится преодолевать какие-то границы, верно? Мы не только разделены со своими соседями, родственными племенами, но есть единые народы, которые оказались разделенными. Например, лезгины, осетины: фактически один и тот же этнос оказался разделенным.

Батал Кобахия. Получается, что единственное время, когда Кавказ был единым и стабильным – это эпоха Советского Союза.

Олег Дамения. Нет, и раньше тоже. Кавказ не всегда был разделен.

Батал Кобахия. Олег Несторович, я задал вопрос не из вредности. Вы сказали, что сегодня мы имеем факт разделения Кавказа, хотя раньше он представлял собой единое пространство. В какой форме, в каком формате это было?

Олег Дамения. В культурно-цивилизационном смысле слова, в экологическом смысле слова Кавказ представлял единое пространство...

Батал Кобахия. Я сомневаюсь насчет цивилизационного, тут такие исторические дебри... Взять, например, Азербайджан...

Олег Дамения. Кстати, Батал, ты правильно упомянул об Азербайджане. Азербайджанцы в кавказский контекст меньше вписываются.

Батал Кобахия. А армяне относят себя к Азии.

Олег Дамения. Да, армяне тоже. А вот грузины...

Батал Кобахия. Короче, остались грузины и абхазы. *(Общий смех.)* Вы куда нас толкаете?

Олег Дамения. Грузины, абхазы и северокавказцы – это, действительно, на самом деле Кавказ.

Нателла Акаба. Я чувствую, что Олег Несторович более оптимистичен в отношении этого документа и вообще этой идеи. Как вы думаете, как можно преодолеть, на мой взгляд, самое главное и трудно-разрешимое противоречие – между интересами России и Запада? Если не суметь преодолеть эти противоречия, то Кавказ все еще будет раздираться ими.

Олег Дамения. Я с вами согласен, но с другой стороны, сегодня Кавказ дезинтегрирован, и Россия получает возможность, конечно, оказывать большее влияние. Если Кавказ в самом деле пойдет по пути интеграции, России, конечно, придется считаться с кавказским фактором гораздо больше, нежели сегодня.

Реплика. В этом смысле нас легче дезинтегрировать, чем интегрировать.

Нодар Сарджвеладзе. Можно задать еще один вопрос? (Я и сам себе его задаю.) Кому будет выгоден интегрированный Кавказ? России? Кавказу? Западу? Востоку?

Олег Дамения. Если эта интеграция будет происходить силами внешними, то, конечно, по всей вероятности это будет выгодно им. Но если и мы будем принимать участие, если Кавказ примет участие в этом процессе, то Кавказ, естественно, учтет свои собственные интересы. Игнорируя интересы внешних сил, внешнего мира, мы с вами никаких проблем решить не сможем. Но в процессе этой интеграции и установления общей политико-правовой модели, мы, естественно, будем учитывать свои собственные интересы. Иначе, как в данном случае, наши интересы, естественно, не будут учитываться.

Арда Инал-Ипа. Я тоже хотела спросить, кому это выгодно. Мне кажется, в краткосрочном плане – это достаточно выгодно Западу в связи с «Шелковым путем». Ведь говорят о необходимости обеспечения стабильности в регионе для того, чтобы можно было спокойно перекачивать нефть. А в долгосрочном плане, мне кажется, это выгодно и самому Кавказу. Я не думаю, что западные державы тратили бы много денег с учетом того, что эта интеграция фактически создаст силу, с которой придется считаться. Но в ближайшем будущем, имея в виду перспективы нефтяного пути, если этот пакт будет гарантировать стабильность, то это, наверное, будет выгодно прежде всего Западу. В этом смысле России это, напротив, невыгодно.

А еще я хотела предложить данное обсуждение пакта перевести на английский язык и передать его авторам с нашими вопросами и предложениями, и в наши местные организации тоже.

Даур Начкебия. Я не политолог, не такой опытный человек, как все присутствующие здесь. Я могу рассуждать только исходя из здравого смысла. Вот сам спор, который сейчас здесь возник, говорит о том, что внутри самих сообществ достаточных оснований для такой ин-

теграции нет. Поэтому если бы авторы этого текста преследовали цели, которые нас действительно интересуют, стабильность и т.п., и рассматривали бы Кавказ как нечто единое, то они обязательно включили бы и Северный Кавказ, невзирая на Россию. Если Кавказ – это единое целое, то не может быть, чтобы Южный Кавказ отдельно создал бы какую-то интеграцию, а Северный Кавказ остался бы за бортом. Это какой-то нонсенс, это абсолютно непонятно.

Нателла Акаба. Может, они и хотели, но боялись России.

Даур Начкебия. Если бы они, действительно, преследовали не какие-то политические цели, а другие – цивилизационные и т.д., то, мне кажется, что они включили бы и Северный Кавказ. Здесь непонятно – вот, скажем, Пакт одобрили главы трех ведущих государств – имеются в виду Армения, Азербайджан... все одобрили, но Абхазия, Карабах, Южная Осетия не включены в его обсуждение и его принятие. Так ведь выходит? Если же они включены в принятие этого решения, то они должны быть включены только на равных условиях со всеми.

Нателла Акаба. Я же сказала, что наши представители вообще не захотели его обсуждать. Они сказали, что это для нас неприемлемо.

Даур Начкебия. Нет, я имею в виду – как сами составители планируют принимать этот пакт?

Тенгиз Пачкория. Они, наверное, считают, что его будут принимать международно признанные государства.

Даур Начкебия. Значит, мы имеем просто советскую систему, только в другой форме – всё ту же иерархию народов, ранжир. Это советская автономия, только название другое. Вот почему я сомневаюсь. Они говорят об игроках, но у меня такое чувство, что игроками являются сами составители этого пакта. Они – игроки, которые, наверное, преследовали более прагматические, ближайшие политические цели, а не искреннюю заботу о стабильности и мире хотя бы в юж-

ной части Кавказа. Из того, что я знаю, у меня создается такое впечатление – это просто какая-то перетасовка. Потом там шла речь о каких-то полицейских органах для усмирения сепаратистов...

Нателла Акаба. Это не так. Они допускаются в каждом из этих образований...

Даур Начкебия. Да, но потом вот эта вся сложная система гражданства. Запутаться просто. Мне кажется, что предлагать идеи и составлять такие проекты должны сами кавказцы – с привлечением, конечно, специалистов из мировых и международных институтов. Но сами кавказцы, включая Северный Кавказ, должны быть включены в этот процесс.

Интеграция – это очень хорошо, это прекрасно. Но для чего? Мы же больше знаем, для чего это надо кавказцам, чем кто-то другой, как бы он ни был знаком с ситуацией здесь, как бы долго ни общался с нами.

Батал Кобахия. Вы так говорите, как будто вам европейцы предлагают стрелять друг в друга.

Леван Рамишвили. О кавказской интеграции и включении Северного Кавказа в этот процесс: Северный Кавказ – это составная часть России, и включение Северного Кавказа в этот процесс будет означать включение России, а любой интеграционный процесс, включающий Россию, абсолютно неприемлем для Грузии.

Батал Кобахия. Так вот где собака зарыта.

Леван Рамишвили. Грузию интеграция, по-моему, интересует в той степени, в какой будет способствовать ее окончательной интеграции в какие-то европейские или натовские структуры. То есть интеграция как создание какого-то фона стабильности, который будет обеспечивать жизнеспособность грузинского государства, и не более того.

Сама идея создания какого-то кавказского образования мне представляется абсолютно бесперспективной, потому что в регионе нет

для этого ресурса. Интеграция означает, что будет гомогенизация какого-то региона, и все неравномерности будут кем-то выровнены. В регионе нет таких ресурсов, чтобы все это выровнять.

Мне очень трудно представить себе кавказские ценности, которые могли бы стать фундаментом кавказской интеграции. Единственные ценностные ориентиры, которые приемлемы для Грузии, это европейские ценности – демократия, верховенство закона, права человека и т.п. Альтернативы этим ценностям нет. Если взглянуть с экономической точки зрения, общий рынок – это хорошо, но не настолько, чтобы из-за этого отказаться от европейской интеграции. Так что, мне совсем не ясно, возможно ли это вообще.

Нателла Акаба. Я хотела бы спросить – а не допускаете ли вы, что завтра или через год, через два в Грузии может смениться власть, ее политическая ориентация совершенно изменится и пребывание в едином пространстве с Россией будет восприниматься даже грузинским обществом очень положительно?

Мне кажется, то, что вы говорите – это еще не мнение всей Грузии. Потому что, например, Нодар видит какие-то общекавказские ценности и какое-то единство. Я правильно сформулировала?

Леван Рамишвили. Я тоже бы рад видеть, но... Что касается общекавказских ценностей, по этому поводу можно спорить. Но о внешнеполитическом курсе, по-моему, в Грузии никто не спорит, кроме абсолютно маргинальных политических сил. Власть может смениться, но вектор грузинской политики останется без изменений.

Те партии, которые ратуют за более теплые отношения с Россией, не набирают на выборах и двух процентов – я имею в виду Единую коммунистическую партию Грузии. А все остальные политические силы – да, может быть, между ними очень сильные разногласия, но то, что Грузия должна стремиться в Европу, это ни у кого не вызывает сомнений.

А что касается этих кавказских ценностей, то, может быть, это какая-то специфическая форма гостеприимства – это характерно для кавказцев. Но то же самое можно вычитать у Тацита в отношении германских племен. Мне очень трудно представить себе конкретно,

что такое «кавказские ценности». Если кто-нибудь сможет сформулировать, то можно будет высказаться более конкретно.

Тенгиз Пачкория. Леван, вы сказали, что для Грузии неприемлемо участие России в этом процессе. Известно ли вам, что Шеварднадзе, комментируя эту инициативу Демиреля, прямо заявил, что без участия России этот процесс невозможен? Это один момент. И второй вопрос, как бы в развитие темы, которую затронула Нателла – вы говорите: два процента населения. На чем основаны ваши прогнозы? У меня другие данные о том, какой примерно процент населения (я не говорю о политических кругах) высказывается за какую ориентацию (я здесь не говорю о той партии, которую вы назвали). На чем основаны ваши слова?

Леван Рамишвили. Я сказал, что я имею в виду Единую коммунистическую партию. Это единственная партия... Ну да, еще «Партия лозы» – новая партия, только что созданная, но это несерьезно.

Тенгиз Пачкория. Вы не ответили на мой второй вопрос, где я говорил о том, что заявил Шеварднадзе об участии России.

Леван Рамишвили. Шеварднадзе много чего заявлял. Он глава государства, и ему приходится делать какие-то тактические уступки, но эти тактические уступки – часть большой стратегии, а эта стратегия в национальных интересах Грузии, чтобы Грузия состоялась как государство. Единственный шанс для этого – стать частью европейского сообщества, и исторически Грузия всегда стремилась к Европе.

К сожалению, это не всегда находило отклик со стороны Европы, но сейчас у нас есть шанс и, по-моему, этот шанс никто не упустит.

Джон Пол Ледерах. В основном, все дискуссии были вокруг приемлемости предложенного Пакта. Как я понимаю, этот Пакт является одним из вариантов разрешения проблемы. Здесь мы встречаем определенный подход к рассмотрению данной проблемы. И мне хотелось бы знать, согласны ли вы с тем, как формулируется в этом доку-

менте абхазская проблема: ключевое решение этой проблемы должно опираться на удовлетворение требований Абхазии на получение политических полномочий в регионе (естественно, наряду с возвращением и размещением беженцев). Это может немножко насторожить грузинское демографическое большинство.

Проблема формулируется как бы в двух частях: политическое признание Абхазии тесно увязывается с процессом возвращения беженцев из Грузии. Является ли это ключевым решением проблемы?

Батал Кобахия. Одним из ключевых.

Джон Пол Ледерах. Просто мне было интересно. Потому что в основу решения проблемы Абхазии они взяли вот эту формулировку.

Нателла Акаба. Я думаю, что, может быть, мы этот вопрос потом обсудим, потому что он очень важный.

Батал Кобахия. Я думаю, что это очень большой вопрос и мы не уложимся во времени. Я предлагаю этот вопрос обсудить позже, а сейчас закончить свои рассуждения по поводу Пакта стабильности, которого мы не знаем.

Тинико Хидашели. Я хотела бы ответить на непрямой вопрос Нателлы. Она спросила, думаем ли мы о том, что власть в Грузии может смениться, т.е. надеемся ли мы на то, что власть в Грузии сменится. Я просто хочу сказать, что не то что надеемся, а это единственная наша надежда. Но я согласна с Леваном, что, наверное, еще долго в Грузии к власти не придут силы с другим вектором ориентации.

Но я хотела сказать и о другом. Один из ключевых вопросов для меня – это вопрос, почему эти страны – и признанные, и непризнанные, государства или государственные образования – должны объединиться? То есть, что должно стать мотивом для объединения, кроме того, что нам всем необходима стабильность и мы все хотим мирного сожительства? Это ведь можно как-то решить и без того, чтобы жить в одном государстве. Мы все можем просто перестать стрелять друг в друга, и на этом конец всей этой проблеме. Потому что, срав-

нивая с Европейским Союзом, мы не должны забывать, и я хочу себе и всем нам напомнить, что Европейский Союз сформировался как конечный этап развития сотрудничества по небольшим вопросам, которое началось уже после Второй мировой войны, но и до того, конечно, тоже было. То, что сказал Леван про НАТО – это одно, а я хочу сконцентрироваться на другом. Там создалось Сообщество угля и стали – то есть это была одна очень конкретная проблематика, или один бизнес-план. Был вопрос, была проблема – и эти страны объединились вокруг данной проблемы.

Поэтому то, о чем говорила Арда о почтовой или транспортной... или, например, телефонно-коммуникационной связи, имеет смысл. То есть здесь очень много маленьких бизнес-планов, которые можно осуществить сегодня, завтра, в следующем году или в течение двух лет. Одно – это экономическая сфера, которая очень важна. А второе – это политические сдвиги, которые могут начаться в наших странах. И я абсолютно согласна с Баталом, когда он говорил о неправительственных организациях. На мой взгляд, в политической сфере есть три вопроса, которые наши страны, наши образования могут решать уже сегодня. И эти решения сами собой могут вести к стабильному демократическому Кавказу, который завтра, может быть, и объединится.

Во-первых, это местное самоуправление, которому ничто не мешает. Это не федерализм, не конфедерализм, это не общее государство, это просто села, города, районы, которые должны развиваться и содействовать демократическому развитию всей страны. То есть это не большая политика, это нечто другое, если мы, эти страны, займемся о своих государствах. Во-вторых, это неправительственные организации, то есть гражданское общество, о котором говорил Батал, и поэтому я больше об этом не буду говорить. И в-третьих, это свобода слова, или свободные масс-медиа, которые тоже не должны зависеть от того, какие будут отношения у нас с абхазами или у армян с азербайджанцами. Для этого не требуется ни общего государства, ни каких-нибудь пактов. То есть мы все должны договориться, как сказал Леван, о правилах игры, каких-то хороших, демократических правилах игры. Но почему этого не происходит в экономике? Мы приходим к проблеме курицы и яйца. То есть если мы говорим о

свободной экономической зоне, то это свободное передвижение людей, если говорим о развитии общего транспорта – авиа или железнодорожного, то это уже, само собой, предполагает стабилизацию, потому что это должно быть без угрозы жизни и т.д. Наверное, в этом вся проблема, что мы должны избрать темы, не связанные с передвижением людей, потому что это уже относится к той главной цели, которая называется абсолютной стабильностью и абсолютной безопасностью. Можно затронуть другие вопросы – например, ту же почтовую связь или коммуникации, которые меньше касаются человеческих передвижений, а больше движения товаров и информации. Всё это в конечном итоге зависит от политической воли наших государств и политиков, которые должны прийти к согласию по этим вопросам и договориться о соблюдении тех обещаний, которые они дают на разных конференциях и встречах.

По поводу вопроса г-на Ледераха. Я уверена, что наши абхазские коллеги ему ответят... Я не думаю, что Грузия так ставит вопрос: возвращение насильственно перемещенных лиц – исключает ли оно или облегчает признание, альтернатива ли это или параллельное движение к признанию? Такого я в Грузии никогда не слышала, поэтому я не думаю, что для Грузии это ключ к решению вопроса о признании или непризнании.

Батал Кобахия. Леван все-таки еще раз вернул меня к проблеме интересов. Уж коли мы говорим о Пакте стабильности, об общекавказской интеграции, мы все время возвращаемся к вопросу – существуют ли общекавказские ценности. В принципе, общекавказские ценности, конечно, исследовались, но я не знаю (может быть, кто-то из вас знает) таких кодифицированных ценностей, общих ценностей на Кавказе, которые были бы приемлемы для всех народов Кавказа. Может быть, они есть, но, во всяком случае, они не изучены. Тем более не изучены общекавказские интересы, то есть не изучено что-либо, что могло бы представлять интерес для всех представителей Кавказа.

А вот что касается фактора России, я задавал вопрос, почему речь идет о Северном Кавказе, а не о России? Европа и тут как бы забывает географическое положение... В последнее время сложилась такая

тенденция и на уровне неправительственных организаций – Грузия, Армения, Азербайджан и Северный Кавказ. Как-то в Пятигорске я спросил у представителей Датского совета по беженцам: «А что, Северный Кавказ провозгласил себя независимой республикой?» Почему не смотреть правде в лицо? Это Россия, если говорить как есть, то есть фактически. И возникает проблема.

Но я хотел спросить вас, Леван, как абсолютно порядочного человека и абсолютно уверен, что вы мне честно ответите. Вы говорите, что Пакт стабильности может быть скорее южнокавказским, потому что Грузия не приемлет участия России. Я понимаю озабоченность. Я спрашиваю: как вы думаете, положила руку на сердце – если все-таки включим Северный Кавказ в Пакт стабильности и, разумеется, Россия будет включена в эти процессы, как вы думаете, у кого из народов Кавказа больше шансов договориться с Россией, чтобы контролировать эту стабильность – у Грузии, Армении, Абхазии, Осетии, у кого? Я не хочу сейчас возвращать вас к историческому прошлому. Но мне кажется, что вы зря так болезненно опасаетесь того, что в случае участия России Грузия будет иметь меньше, чем кто-либо. Я опасаясь, что наоборот. Потому что всегда бывало так, что проблемы России на Кавказе решались с помощью Грузии. И я думаю, что вы сейчас как бы овечкой прикинулись: мол, Грузия боится России, а вот абхазы сейчас скажут: «Нет, их тоже включим».

Что еще представляется мне опасным в этой ситуации. Почему Пакт стабильности для меня неприемлем, когда говорится только о юге Кавказа? У абхазов единственная поддержка в плане психологическом, духовном, экономическом, военном и любом другом – это родственные народы, которые проживают на Северном Кавказе, а значит, в России. Исключать эту часть из Пакта стабильности на Кавказе, я думаю, нереально, потому что, по крайней мере, Абхазия никогда не будет себя чувствовать уверенной в этом южнокавказском отрезке, в котором вы исключаете интересы Северного Кавказа.

Давид Бердзенишвили. Я люблю и часто употребляю те слова, которые вспомнил Абесалом – и «квази», и «псевдо». В такой ситуации часто бываем и мы. Я сейчас выступаю как квазипредседатель квазипартии, полугражданин псевдогосударства. Думаю, что эти опре-

деления абсолютно точно описывают ту ситуацию, ту среду, в которой мы находимся.

Я отвечаю честно за самого себя. Если Грузия поднимет руки и скажет, что мы фрагментарное государство, что мы привыкли жить под покровительством других стран – под покровительством Тегерана, Москвы, Стамбула и т.д., что мы упустили возможность создания независимого государства, независимого демократического общества – десять лет как-то старались, и вроде бы ничего не вышло... Если грузинское руководство и грузинский народ признают такое поражение, и вот – это я отвечаю вам и Баталу – допустим, Грузия принимает такое прагматическое решение: Грузия возвращается в родную обитель – в лоно России, тогда абсолютно прав Батал, когда напоминает нам об истории. Тогда, естественно, иерархическая триада – Москва, Тбилиси, Сухуми – будет восстановлена. В такой ситуации, когда Грузия не может примириться с дезинтеграцией того государства, которое, хоть и на бумаге, но существует, и Абхазия, и Южная Осетия числятся за Грузией (если грузины принимают такое решение), и Абхазия вновь становится частью Грузии, а сама Грузия и, посредством Грузии, и Абхазия – обе становятся частью России... Я хочу надеяться, что грузинский народ не поменяет ориентацию – в первую очередь, демократические структуры в Грузии, которые не очень сильны, но тем не менее пока удерживают Грузию от такой ориентации... У нас, у нашего руководства, ориентация такая: северо-западная. Я думаю, что северо-западная ориентация себя исчерпала. Этой ориентацией то на Север, то на Запад грузинское правительство, грузинское руководство как-то сохранило себя в конце двадцатого века, и вообще сохраняет себя. Наш Моисей – Шеварднадзе – уже правит больше тридцати лет, но, тем не менее, его возможности исчерпаны. Он не дотянет, я надеюсь, до сорока лет правления.

Так что, я надеюсь, что Грузия еще постарается выйти из этого замкнутого круга и создать демократическое общество. Но, с другой стороны, у меня нет особых надежд на то, что она сможет решить эту проблему. Если она не сможет решить эту проблему, то тогда она, конечно, войдет в сговор с Россией, а российские реваншистские настроения ныне очевидны. Россия ведет довольно успешную реван-

шистскую кавказскую политику. Это сказывается и на Северном Кавказе, и на Азербайджане, и вообще по всему «южному периметру». И на Украине у России достаточно мощная и успешная реваншистская политика. Я надеюсь, что абхазам от этого будет не легче, потому что Грузии в тоталитарной России, конечно, дадут возможность контролировать Абхазию далеко не демократическими методами.

Я думаю, что наши совместные действия (правда, я мало надеюсь на это) могли бы способствовать тому, чему более или менее приличное общество в Грузии само по себе будет способствовать – созданию приличного демократического общества и в Абхазии, и наоборот. Эти вопросы связаны друг с другом. Не только Грузия оказывается неспособной решить свои главные проблемы без урегулирования ситуации с Абхазией (я сейчас говорю не о территориальной целостности, а хоть о каком-то приемлемом урегулировании), но, думаю, что и над Абхазией, как дамоклов меч, висит угроза со стороны Грузии. Может, быть, иногда это псевдоугроза, миф, но такая проблема на самом деле существует. И мне кажется, если говорить честно, проблема территориальной целостности для подавляющего большинства более или менее национально-демократических привлекательных политических общественных групп в Грузии пока еще, к счастью, не является тем единственным параметром, из-за которого они готовы были бы отказаться от свободы, от независимости и от перспективы достойной жизни.

Еще несколько слов о Пакте стабильности. Я тоже скептически отношусь к возможности существования единого Кавказа. Проблема армян на Кавказе – это проблема, и проблема идентичности Армении, насколько они себя считают кавказцами – это тоже серьезная проблема. Грузины и северокавказцы достаточно отличаются друг от друга, есть много общего, но много разных ориентиров. Это во многом разделяет и нас с вами – Грузию и Абхазию, грузин и абхазов. Но, тем не менее, мне кажется, что эта открытая книга может дать какие-то конкретные результаты. Мы не работали для себя, для нас поработали европейцы. Естественно, они не могут дать исчерпывающего ответа на болезненные вопросы, и мне кажется, что мы должны включиться в работу над этим документом... Мне кажется, что мы должны учесть все предлагаемые варианты. Будет ли это еди-

ный Кавказ или двустороннее урегулирование грузино-абхазских или армяно-азербайджанских проблем – там будет видно.

Леван Рамишвили. Я очень коротко отвечу на вопрос о проблеме территориальной целостности для национально ориентированных людей. Я это могу выразить словами Аденауэра: «Лучше, чтобы часть страны была свободной, чем вся страна была бы несвободной, но единой». Так что лучше построить демократическое общество на той территории, которую сейчас контролирует наше правительство, чем...

Насчет Северного Кавказа. Вот в этом я и вижу самую большую опасность. Если наладятся отношения между Грузией и Россией и Грузия вернется к той исторической роли, какая была у нее в девятнадцатом веке, то это всё будет во вред грузинским национальным интересам. Мы не сможем построить национальное государство, как, скажем, в Турции или Австрии. Мы не можем построить гражданское общество, свободный рынок, демократию и правовое государство в наших собственных регионах, и абсолютно нереально, чтобы мы это еще и экспортировали куда-то. Мы не можем навести порядок в собственном государстве, а как мы можем это делать на Северном Кавказе?

Батал Кобахия. Чтобы сохранить достоинство, мы должны отказаться от родственных народов, что ли?

Леван Рамишвили. России, наверное, будет выгодно, если Грузия поможет что-то там регулировать на Северном Кавказе. Но выгодно ли это для Грузии – отвлекаться от собственных национальных интересов? А национальный интерес номер один для Грузии – это построить демократическое общество в Грузии.

Эмзар Джгереная, Заза Шатиришвили

ГРУЗИЯ – АБХАЗИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Философ Мераб Мамардашвили, размышляя о грузинской независимости, часто цитировал высказывание Махатмы Ганди о значении независимости для Индии. Как отмечал Ганди, он сознает, что после обретения независимости место просвещенного британского бюрократа займет коррумпированный индийский бюрократ; но без независимости индийцы никогда не узнают, кто они на самом деле и чего стоят.¹

Во времена всплеска национального движения в Грузии мы почти не думали о грядущем грузинском бюрократе, а значит, не размышляли о реальной независимости, о том, что реальная независимость – это не скандирование лозунгов и повторение цитат из грузинской поэзии, а нечто более прозаическое – государственный бюджет, проблемы с энергетикой, запущенное сельское хозяйство и т.д., и т.п. Но это и реальная независимость каждого гражданина, без ожидания милости со стороны опекающего его государства. Пятнадцать лет назад людей, размышляющих об этих проблемах, было крайне мало – в публичном пространстве, захлестнутом и переполненном неоформившимися желаниями и неартикулированными ожиданиями, их голос был почти неслышен.

Через 15 лет появилось огромное количество людей, которые тем только и занимаются, что размышляют об этих проблемах, и именно в публичном пространстве, но на пути к их решению мы не продвинулись ни на пядь. Мы, оглядываясь, видим лишь руины или, выражаясь фольклорным языком, горы трупов и море крови. Думаем, на протяжении нашей недолгой независимости многие из нас так и не поняли, кто мы на самом деле и чего мы стоим.

XX век, среди многих нетрадиционных явлений, был отмечен и стремительным ростом национального самосознания. Если сравнить современную русско-чеченскую войну с русско-кавказскими войнами XIX столетия, в последнем случае мы не обнаружим (на началь-

ном этапе) пресловутого “национального фактора”, наоборот – “национальный фактор” возник именно вследствие этих войн.

Нужно учесть и то, что т.н. “национальное государство” – сравнительно новое явление, не имеющее ничего общего с традиционными феодальными царствами и княжествами. Национальная идентичность внутри феодальной культуры осознается через религиозную и языковую общность. В этом ее принципиальное отличие от западного национального государства, основывающегося на идее суверенности нации и суверенного гражданина.

Абхазская идентичность уже существует, и не имеет никакого значения, когда она возникла. В Грузии этого понимать не хотят, хотя мы не уверены, что понимание существует и в самой Абхазии. Дело в том, что национальная идентичность не зависит от “исторического аргумента”, т.е. от того, кто раньше построил свои национальные памятники. Именно “исторический аргумент” заставляет грузин говорить, что “нынешние абхазы” заселили Абхазию в XVI-XVII вв. (или что абхазы – это не абхазы), а абхазов – искать следы своего перманентного там присутствия с доисторических времен.

Здесь возникает очень интересный парадокс: “исторический аргумент” не только разобщает абхазов и грузин, но одновременно и “привязывает” их друг к другу, ставя на один и тот же уровень самосознания. И грузины, и абхазы одинаково доверяют “историческому аргументу”, верят в его ценностное значение, отличаясь друг от друга лишь в одном: для грузин Абхазия – историческая провинция Грузии, а для абхазов – независимая от исторической Грузии национально-государственная единица, то и дело на протяжении своей истории терявшая независимость из-за грузинских имперских амбиций.

“Исторический аргумент” не только делает этот спор бесконечным, но уводит его в дебри истории, а дебри истории – это уже мифология и мифотворчество. Возникают абхазские мифы и мифы грузинские. Для грузин “несуществующая” Абхазия – нечто вроде “маленькой России”, которая хочет отнять у Грузии независимость; для абхазов же Грузия – “малая империя”, пытающаяся отнять у независимой Абхазии и независимость, и национальную идентичность. Но, позвольте, спросите вы, а ведь грузины и не скрывают свою мечту – любым способом вернуть Абхазию в лоно единой и неделимой Гру-

зии? А с другой стороны, и абхазы не скрывают своих, мягко выражаясь, симпатий к России? Какое же здесь мифотворчество, раз и у тех, и других свои резоны и весомые аргументы?

Но миф – это ведь не просто ложь и неправда, миф имеет огромную объяснительную силу, так как выстраивает целостную картину мира, не допускающую никакой другой точки зрения. В этом мире абхазы только “пятая колонна” и ничего больше, а грузины – агрессоры и больше ничего! Миф – это когда уже все ясно и не нужно никаких дальнейших объяснений.

Андрей Дмитриевич Сахаров, определяя Грузию как “малую империю”, имел в виду, в первую очередь, ее территориальную разнородность и гетерогенность, не касаясь при этом идеологического вопроса. Но если можно говорить о Грузии как об империи, то первый признак империи – это наличие имперской идеологии. В данном случае налицо идеология в чистом виде – идеология несостоявшейся империи.

В чем же заключается эта идеология, и почему мы описываем Грузию как несостоявшуюся империю? Начнем со второго вопроса. Империя западного образца подразумевает четкое разделение “управляющих” и “управляемых”. Так, метрополию представляют те, кто управляет и владеет техникой самоуправления, а колония, наоборот – это то, что управляется извне, поскольку жители колонии не владеют техникой самоуправления. Эта мысль совершенно ясно и недвусмысленно была высказана лордом Бальфуrom в 1910 г. в палате общин, где он выступал с докладом «О состоянии имперских дел в Египте». ²

С этой точки зрения, Российская империя – это империя совершенно другого порядка, так как в ней с самого начала национальное и имперское вступили в неразрешимый конфликт, который длится по сей день. Как на причину данного противоречия можно указать на амбивалентный характер петровских реформ, наряду с модернизацией России упрочивших абсолютную монархию. С западной точки зрения, в Российской империи не было самоуправляющейся метрополии и управляемых колоний – управляемыми были все: и гордый росс, и угрюмый финн, и друг степей калмык.

Такая разобщенность между государственной властью и обществом требовала компенсации (в психоаналитическом смысле). Вы-

ход был найден в изобретении риторики жертвенности: русский народ не меньше страдает от абсолютистской власти (а, может, даже больше), чем угнетаемые имперские народы. В XX веке, во времена коммунистического режима, это риторика претерпела определенную модификацию: русский народ не меньше остальных народов пострадал от большевиков. Крайним выражением данной риторики было заявление Бориса Ельцина (еще при горбачевском правлении), что Россия – как одна из союзных республик – тоже может (по конституции) выйти из Советского Союза.

Таким образом, можно заключить, что государственная власть в России всегда воспринималась как “чужая власть” или власть “чужих” («Романовы – немцы», «большевики – евреи»), поэтому русский народ не несет никакой ответственности за эту власть, виноваты всегда другие.

В грузинской культуре нетрудно заметить отголоски той же риторики: мы не несем никакой ответственности за насильственное переселение абхазов-мусульман в Турцию в XIX в. – такова была имперская политика; мы не несем никакой ответственности за то, что Берия делал в Абхазии – грузинская интеллигенция не меньше пострадала от Берии в 37-ом. Но кто тогда несет ответственность за карательные меры против восставших абхазов и осетин при краткой грузинской независимости? Конечно же, меньшевики – от них мы пострадали еще больше, чем абхазы и осетины вместе взятые: именно по вине меньшевиков мы потеряли независимость. Продолжая в том же духе, можно заключить, что в развязывании недавних осетинских и абхазских конфликтов повинны, соответственно, режимы Гамсахурдия и Шеварднадзе.

Империализм грузинской идеологии обнаруживается в псевдолиберальных высказываниях типа «на нас лежит больше ответственности», «от нас больше требуется». Во всем этом больше “малоимперского шовинизма”, чем в одиозном утверждении, что абхазов не существует в природе. На самом деле риторика жертвенности оказывается оборотной стороной псевдолиберального страдания к “малым сим”. Именно здесь скрывается несостоятельность и нищета грузинской идеологии: в бесконечном самоумилении и выставлении себя жертвой внешних демонических сил на

фоне неспособности управлять собой, не говоря уже об управлении другими.

Грузия на данном этапе провалила экзамен на независимость, не выдержала испытание независимостью по одной простой причине: общество не смогло осознать, что новое независимое государство, новая государственная власть – это его государство, это его власть, а не чья-нибудь еще. Точно так же не было осознано, что если Южная Осетия и Абхазия – составные части единой и неделимой Грузии, то абхазы и осетины – это наши граждане – не чьи-нибудь чужие. Считая их исполнителями (даже бессознательными) чужих (читай: российских) козней, мы практически вытеснили абхазов и осетин из пространства нашей государственности в сфере нашего же мышления.

Но почему тогда сама мысль, что Абхазия может выйти из состава Грузии, вызывает такое исступление среди большей части нашего общества? Потому что, хотя мы уже давно не рассматривали абхазов как составную часть нашего общества (впрочем, кажется, такое ощущение было взаимным) – но территория Абхазии в сознании «простого грузина» всегда оставалась исконно грузинской землей. Очень своеобразная ситуация: территория – наша, а “титульный” народ – чужой, если не сказать враждебный.

Абхазский ученый О. Н. Дамения довольно удачно уловил данное противоречие: «Суть этого противоречия состоит в следующем: абхазы по самосознанию грузинской стороны – это отдельный народ и не являются частью грузинского этноса, но Абхазия (территория) – это часть Грузии. Грузинская сторона вынуждена признавать, что абхазы – аборигены на этой территории, но сама территория – грузинская!»³ Видимо, данное противоречие аналогично “двойному историческому статусу” Абхазии внутри грузинской и абхазской культур. Можно сказать, что в каком-то смысле “существуют” две Абхазии – Абхазия как “часть” Грузии и Абхазия как самостоятельное целое. Тот же О. Н. Дамения отмечает: «...В понимании феномена “Абхазия” и “абхазы” существуют две полярные концепции... Одни понимают Абхазию как часть Грузии, другие же понимают ее как самостоятельное этнокультурное или культурно-историческое образование. При этом я хотел бы сказать, что и те, и другие, если взять,

скажем, уровень науки, в общем, ссылаются на одни и те же источники... Фактически материал один и тот же. У Абхазии не может быть двух историй. Одна история, одна реальность. Двух и более реальностей не бывает ни у грузин, ни у абхазов. Реальность одна и та же».⁴ Именно в данной точке и возникает проблема абхазской идентичности – каким образом можно восстановить “изначальное единство” и преодолеть нежелательную раздвоенность? Абхазский ученый пытается преодолеть это противоречие с помощью расширения контекста, вводя и Абхазию, и Грузию в более широкое, общекавказское целое: «...Абхазия и в самом деле является частью какой-то другой, более крупной общности, но не Грузии – а общекавказского социокультурного пространства. Впрочем, такую же часть этого пространства является и сама Грузия... И абхазы, и грузины идентифицируют себя как на собственно этническом уровне, так и на уровне общекавказской социокультурной общности... Но абхазы никогда не осознавали себя через грузинскую социокультурную общность».⁵

Здесь возникает не менее сложный вопрос: что такое кавказская идентичность? Когда мы говорим, например, об европейской или о западной идентичности, более или менее понятно, что в данном случае подразумевается какое-то пространство общих ценностей, общие представления о правах человека, более или менее однородное экономическое и правовое пространство, можно говорить об общих культурных ценностях и т.д., и т.п. С этой точки зрения, кавказская идентичность – понятие довольно проблематичное и расплывчатое. Если это означает единое культурное пространство, нужно вычленить какую-то инвариантную культурную модель для таких феноменов, как армянская культура, Северный Кавказ, Осетия, Азербайджан и т.д. Об едином правовом или экономическом пространстве, по моему, говорить еще рано, не говоря уже об общих либеральных ценностях. Если кавказская идентичность подразумевает этническую или языковую общность, то здесь дела обстоят еще сложнее. Единственный признак некоторого единства – это колониальное прошлое внутри Российской империи и внутри Советского Союза.

Таким образом, Кавказ как социально-культурный феномен имеет определенный исторический контекст. Он возник в начале XIX века как концепт имперского мышления. Кавказ – это то, что управляется,

а Россия – это то, что управляет. Только в таком контексте можно непротиворечиво говорить о кавказской идентичности. Но тогда окажется, что Грузия отнюдь не идентифицировала себя на общекавказском уровне, напротив – в составе российской империи Грузия активно боролась против кавказских горцев, идентифицируя себя с Россией. Именно здесь берет начало грузинская имперская идеология.

Если по отношению к Северному Кавказу российская политика была типично колонизаторской, то с Грузией дела обстоят посложнее. Во-первых, на официальном языке всегда подчеркивалось, что Грузия добровольно “вручила себя” единой России, спасаясь тем самым от мусульманского порабощения. Во-вторых, Грузия (как Восточная, так и Западная) была присоединена к России как царство, российский император принял титул “царя грузинского”, а в Тифлис был направлен царский наместник. Таким образом, статус вхождения кавказских народов в российскую империю был неодинаков, отсюда привилегированность одних и непривилегированность других и при советском режиме.

Идентичность – явление историческое, оно меняется от эпохи к эпохе. В IV-VII вв. по Р.Х. Грузия осознавала себя в сиро-армянском контексте, а начиная с IX в. она уже часть византийского мира. Давид Строитель (XI-XII вв.), создавая свою империю, оглядывался на византийский образец. В XVI-XVIII вв. можно говорить о тройкой идентичности. Это, во-первых, очень сильная православная идентичность (отсюда и тяга к единой России), более слабая общехристианская идентичность (отсюда западные миссии Н. Ирубакидзе (Ирбаха) и С.-С. Орбелиани, распространение католичества в Грузии), еще более слабая “восточная” идентичность. Именно самая сильная идентичность (православная) и предопределила грузинско-российские отношения.

На современном этапе существует уже целая вереница идентичностей: культурно-языковая (она самая сильная, так как грузины, в основном, принадлежат к трем вероисповеданиям – православному, мусульманскому и римско-католическому, хотя существуют довольно сильные общины баптистов, свидетелей Иеговы и множество других), западная, православно-националистическая и кавказская (самая слабая).

Между этими самоидентификациями существуют гетерогенные отношения: например, культурно-языковая идентичность включает в себя все остальные самоидентификации, западная и православная или дополняют, или отрицают друг друга, а кавказская может служить придатком ко всем трем. Если мы рассмотрим их по следующим признакам: глубинное/поверхностное, актуальное/неактуальное, глобальное/локальное, то получим следующую картину: культурно-языковая идентичность – глубинная, актуальная, глобальная (т.е. может разделяться и православными, и мусульманами и т.д.); западная – поверхностная, актуальная, глобальная; православная – глубинная, актуальная, локальная; кавказская – поверхностная, неактуальная, глобальная.

Что такое кавказская идентичность для “современного среднего грузина”? Очень грубо – это ландшафт, “характер” (гордость, воинственность, уважение к старшим и т.д., и т.п.), антропологический тип (“лицо кавказской национальности”) – т.е. тривиальный набор поверхностных признаков, который никем не отрицается. По О. Н. Дамения, для абхазской культуры общекавказский контекст и кавказская идентичность – вещь отнюдь не тривиальная. В отличие от современной Грузии, данную идентичность в абхазском контексте можно квалифицировать как глубинную, актуальную и глобальную.

Таким образом, если исходить из принятых нами критериев, невозможно найти ни одну идентичность, в контексте которой Грузия и Абхазия соприкасались бы на глубинном, актуальном и глобальном уровнях. Более того, думается, поверхностные пересечения с течением времени тоже будут стираться. Единственное, что пока еще связывает абхазов и грузин – это именно то, что их разделяет – территория.

С абхазской стороны, здесь все ясно – это исконная территория абхазов, и у них нет никакого другого отечества, а грузины – гости (это в лучшем случае). Грузинская сторона не согласна только в одном – грузины не гости, Абхазия – общее отечество абхазов и грузин. Нам кажется, что грузинская сторона должна радикально переосмыслить феномен “Абхазии как территории”. Ниже мы попытаемся изложить свой вариант такого переосмысления.

Наш исходный тезис – не исторический, а философский, или, если хотите, культурологический. Абхазия и этнические абхазы, с

данной точки зрения – это те, кто создал общегрузинскую государственность, они были в начале и началом общегрузинской государственности: Леон II – был и абхазским царем, и царем Западной Грузии.

Таким образом, в момент конфликта (или войны) Абхазия для Грузии находилась не на политической, а на исторической карте. Вступили между собой в конфликт и стали воевать карта историческая и карта политическая. Грузия с помощью войны попыталась вернуть свою собственную историю, которая в тот момент вся “ушла” на территорию Абхазии. Но абхазов там уже не было, были “чужие”. Отсюда новая мифология: «Те абхазы были грузинами, а эти “абхазы” – не абхазы, потому что не грузины».

Для Грузии Абхазия оказалась той маткой, откуда она вышла и куда необходимо было вернуться, а то “отнимут”. Очень важно, что тогда, как и сейчас, грузины Абхазию воспринимали только в терминах “возвращения”, признавая тем самым свой отрыв от “первоначал”. Таким образом, все происходило строго наоборот по отношению к тезису О. Н. Дамения – «один народ, одна история, одна реальность». На самом деле (если “на самом деле” на самом деле существует) «там пели две клавиатуры / на двух различных языках». (Н.Заболоцкий)

Тут нужно сказать, что реальностей бывает сколько угодно. Это тоталитаризм говорил нам, что реальность – одна, истина одна. Нет одной глобальной истины, есть множество локальных истин, которые тем или иным способом коммуницируют (или не коммуницируют) друг с другом в глобальном пространстве.

Так вот, существует множество миров, множество реальностей, множество Грузий и Абхазий, некоторые из них воюют друг с другом, некоторые знать не знают друг друга, а некоторые разрабатывают совместные проекты и получают гранты от западных фондов, трансформируя конфликт из военно-политического фактора в фактор экономический, пользы от которого, говоря словами Михаила Булгакова – целый вагон.

Но вернемся к “первоначалам”. Так вот, “первоначало” захотело отделиться, отказаться от “первоначальства”. В каком-то смысле, с культурологической точки зрения, это то же самое, как если Грузия

отделилась бы от Грузии (как в свое время выразился М. Мамардашвили) или Пруссия вышла бы из Германии, объединенной ее же усилиями (в создании общегерманского государства пруссы, будучи этнически не германцами, а балтами, сыграли главную роль). Ведь, выражаясь философски, это Грузия была частью Абхазии, а не наоборот. Но начало неисторично, история всегда забывание первоначал, отрыв и отделение от них. История – это всегда история отделения, потери, забвения.

Таким образом, Абхазия захотела выйти из Грузии и “войти” в историю, но для этого необходимо было создать свою собственную историю, “отдельную историю”, историю, отдельную от Грузии, историю отделения от Грузии. Когда в VIII-IX вв. Грузия попыталась выйти из сиро-армянской ойкумены, она “забыла” свое обращение в христианство, “забыла” своего общего с Арменией просветителя Григория Парфянского и заново создала историю своего обращения.

Когда мы говорим, что Грузия должна переосмыслить концепт “Абхазии как территории”, это значит, что она должна отказаться от понимания истории как территории, как утопического ландшафта, где царит первоначальное единство (я думаю, что точно такая же утопия – представление о первоначальном кавказском единстве). Не только Абхазия должна отделиться от Грузии, но и Грузия должна отказаться от своего “изначального” понимания истории, уйти от территориального к ней подхода и, в конечном итоге, отделиться от Абхазии. Необходимо, чтобы и тот, и другой народ остались наедине с собой, со своей независимостью, отказавшись от образа врага и утопических идентичностей.

Готовы ли мы к такому повороту событий? Как отмечает Б. Кобахия, «если Грузия откажется от территориальной целостности, то тогда возникнет проблема в Абхазии, потому что, честно говоря, война за независимость в какой-то мере дала абхазам возможность идентифицироваться и осознать, что они хотят отделиться. На сегодняшний день мне даже кажется, что мы не готовы к тому, что Грузия скажет: “Мы признаем вашу независимость” и нас вдруг признают. Что мы будем делать?»⁶

Может быть, мы забегаем вперед, но нам кажется, что возникли смутные предпосылки к признанию абхазской независимости: во-

первых, абхазский вопрос потерял былую остроту, в некоторых слоях общества возникло определенное равнодушие к этой теме; во-вторых, появляются все больше и больше публикаций, где рассматриваются разнообразные компромиссные варианты урегулирования грузино-абхазского конфликта, вплоть до полного признания независимости Абхазии, если будут возвращены все беженцы; в-третьих, прозападная политика Грузии – это не прихоть отдельных политиков, а прагматичное стремление влиятельных кругов нашего общества. Любой народ может на протяжении своей истории, в зависимости от разных обстоятельств, менять свою ориентацию, идентичность, контекст, отказываться от собственного прошлого и т.д. Грузия, как в недалеком прошлом Турция, переориентировалась на благосостояние и процветание западного образца, для нее сейчас важна не абстрактная духовность (которая, на деле, часто оборачивается насилием по отношению к более слабым народам), а конкретное благосостояние своих граждан.

Не имея значительных природных ресурсов, такие страны, как Грузия, могут рассчитывать только на быстрое овладение западными технологиями. Это требует переустройства всей системы образования. К сожалению, на этом пути у нас возникли большие трудности. Мы считаем, что все современные проблемы Грузии, начиная от полной коррумпированности высших эшелонов власти, кончая развалом сельского хозяйства, связаны с отсутствием образования нового типа и неимением положительного опыта частного труда. Стремление к обновлению всё время декларируется, но на деле общество терпит огромные трудности в осуществлении переустройства работающих по инерции социальных систем (системы образования, культурных институций, сельского хозяйства, здравоохранения, пенитенциарной системы и т.д.). Необходимо научиться новым навыкам, а не уповать на остатки советской, большей частью непригодной в новых условиях, образованности.

На этом пути невозможно сразу же добиться всевозможных успехов. Но важно не замкнуться в себе после определенных неудач (вполне естественных), компенсируя неудачи ощущением собственной уникальности и исключительности. Именно это происходит сейчас в Грузии.

Западную ориентацию мы понимаем как приверженность совокупности трех основополагающих элементов – это либеральные ценности (т.е. суверенность личности, защита прав человека и меньшинств – национальных, религиозных, сексуальных и т.д.), демократия в процедурном смысле и свободный рынок. Мы в Грузии часто ставим телегу перед лошастью, когда объявляем главной нашей целью вступление в НАТО и Евросоюз, забывая, что главное – это освободить частный труд и поддержать отдельного человека.

Не нужно забывать и о том, что некоторые западные механизмы, будучи “импортированными“, или вовсе перестают работать, или начинают работать в другом режиме, приспосабливаясь к местным условиям. В первую очередь, это касается демократических процедур (многopатийность, всеобщие выборы), которые перенимаются легче, чем либеральные ценности, но и больше подвержены эрозии (об этом неоднократно писал грузинский политолог Г. Нодия).

Так, парламентские и президентские выборы в Грузии превратились в последние годы в чистую формальность из-за того, что существующая власть легко манипулирует их результатами, не стесняясь даже фальсификаций. Но что особенно настораживает – это повальная нетерпимость по отношению к религиозным меньшинствам, среди которых козлом отпущения стали свидетели Иеговы. Национальная нетерпимость превратилась в религиозную. К сожалению, из всего вышесказанного некоторые наши сограждане заключают, что раньше было лучше; ошибки нашего правительства они приписывают Западу и делают вывод о его “глетворном влиянии”.

Лично для нас Запад – это не высокая культура, перед которой нужно стоять в страхе и трепете, ровным счетом наоборот – это, в каком-то смысле, “грязный” труд, «без божества, без вдохновенья», труд, обращенный в первую очередь на землю, а уже потом на небо.

Выше мы говорили о множестве реальностей и истин, о том, что Грузий и Абхазий – тоже множество. Между ними могут существовать определенное число корреляций. Мы описали случай, когда они воюют друг с другом. Второй вариант, или вторая реальность, когда они мирно сосуществуют – это мы с вами, здесь и теперь. А свои рассуждения хотелось бы завершить на том варианте, когда они знать не знают друг о друге.

Первое, что сразу приходит в голову – это мысль о тех абхазских и грузинских мальчиках и девочках, которые родились уже после конфликта. Им, наверное, лет 8-9. Пройдет время, и наши с вами внуки и правнуки будут (или не будут) представлять себе, что же это такое – Тифлис/Тбилиси и Сухум/Сухуми. Очень интересно было бы подумать здесь и теперь о них, об их представлениях и реакциях, в формировании которых мы уже сейчас принимаем участие. В голову приходят разные аналогии – например, молодой калькуттский интеллигент, шагающий по лондонским улицам (в принципе, представить нетрудно); или вот такое: 2010 г., Москва, молодой грузинский мелкий бизнесмен свободно продает мандарины на Цветном бульваре (это в аспекте свободы представить трудно, если, конечно, речь не идет о “тайной свободе” – излюбленном виде свободы в русской литературе). А можно представить и более точные аналогии: поляк в современном Вильнюсе или саксонец в Риге. Или, может быть, об этом не надо думать – другие, те, кто поумнее нас с вами, будут думать об этом завтра?

Но думается, есть более интересный случай, когда Грузия и Абхазия знать не знают друг о друге. Этот пример не из будущего, а из прошлого. Я опять процитирую О. Н. Дамения: «В созданных грузинами и абхазами культурах зашифровано мало информации друг о друге. Об абхазском нартском эпосе грузины мало что знают, как и абхазы – о грузинском эпосе «Амираниани». И зачем надо было абхазскому народу создавать свой собственный этнокультурный мир, если исторические абхазы всегда жили в грузинской культурной среде, почему они не стали носителями этой грузинской культуры?»⁷ Мне кажется, что это очень продуктивная и точно сформулированная мысль, которая провоцирует к дальнейшим размышлениям.

Развивая подход абхазского ученого, можно было бы провести разграничение между типологией культур и теорией межкультурных коммуникаций. Мы часто говорим о сходствах между различными культурами, об общих инвариантах и т.д. Но такие сходства, даже очень наглядные и весомые, могут существовать (и существуют) без всякой межкультурной коммуникации; такая коммуникация иногда просто невозможна из-за пространственной отдаленности, а иногда, наоборот, из-за временной необратимости.

Нужно учесть и одну методологическую тонкость – сходство между определенными культурами всегда фиксирует внешний наблюдатель (путешественник, ученый), и поэтому обнаруженные им сходства – это не факты самосознания данных культур, а факты наблюдения, часто опосредованные той культурой к которой принадлежит наблюдатель.

Что же касается культурных коммуникаций, здесь все происходит наоборот – факты коммуникации в первую очередь осознаются внутри данных культур, внешний наблюдатель узнает эти факты только потом и только с помощью этих культур. С точки зрения типологии культуры, мы можем обнаружить сколько угодно сходств между грузинской и абхазской культурами, но, действительно, как говорит О. Н. Дамения, факты культурной коммуникации будет найти очень трудно.

Эти факты обнаруживаются по другим векторам: Грузия – Армения, Грузия – Палестина, Грузия – Византия, Грузия – Иран, Грузия – Россия, Грузия – римско-католическая миссия и т.д., и т.п., с одной стороны, а с другой – Абхазия – Северный Кавказ, Абхазия – Россия, Абхазия – скифы, Абхазия – осетины, Абхазия – Турция, Абхазия – Генуя и т.д., и т.п.

Таким образом, мы можем описать как минимум три Абхазии: одна – о которой грузинские источники говорят как о инициаторе создания грузино-абхазского царства, другая – независимая Абхазия, подвергающаяся на протяжении всей своей истории нападениям со стороны Грузии, третья – неизвестная Абхазия. Видимо, первая из них — грузинский фантазм, продукт грузинского нарциссизма, который видит в волнах Черного моря лишь свое отражение, лишь собственную тень, а не реального “другого”, не своего соседа, у которого свои достоинства и свои недостатки. Именно в этом заключается имперское высокомерие нашей культуры.

P.S. Кажется, получилась достаточно пространная картина, изображающая три реальности грузино-абхазских взаимоотношений. Эта картина принципиально неполная, она не может охватить все множество реальностей и локальных истин. Не скрою, когда мы писали эту свою статью, я все время держал в голове ситуацию, описанную

в одном горячо любимом мною тексте. Я имею в виду рассказ Хорхе Луиса Борхеса «Сад расходящихся тропок». Мне кажется, что Борхес с поразительной точностью уловил суть грузино-абхазских отношений – с этой точки зрения, я назвал бы его единственным грузино-абхазским писателем.

В этом рассказе китаист Альбер говорит своему будущему убийце буквально следующее: «Он верил (речь идет о писателе Цюй Пэне, вымышленном борхесовском персонаже. – *3. III.*) в бесчисленность временных рядов, в растущую, головокружительную сеть расходящихся, сходящихся и параллельных времен. И эта канва времен, которые сближаются, ветвятся, перекрещиваются или век за веком так и не соприкасаются, заключает в себе все мыслимые возможности. В большинстве этих времен мы с вами не существуем; в каких-то существуете вы, а я – нет; в других есть я, но нет вас; в иных существуем мы оба. В одном из них, когда счастливый случай выпал мне, вы явились в мой дом; в другом – вы, проходя по саду, нашли меня мертвым; в третьем – я произношу эти же слова, но сам я – мираж, призрак... Вечно разветвляясь, время ведет к неисчислимым вариантам будущего. В одном из них я – ваш враг».⁸

3. III.

¹ М. Мамардашвили. Введение в философию. Тбилиси, 1992, с.12 (груз.).

² Edward W. Said. Orientalism. New York, 1978, pp. 32-33.

³ О. Н. Дамения. Абхазско-грузинский конфликт: проблемы и перспективы урегулирования // Аспекты грузино-абхазского конфликта, вып. 5, Ирвайн, 2001, с.327.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 328.

⁶ Там же, с.182.

⁷ Там же, с.106.

⁸ Х. Л. Борхес. Соч. в трех томах, т. I, сс. 328-329.

Давид Бердзенишвили. Мне интересно более подробно узнать ваше мнение по поводу разных ориентиров. В докладе вы упоминаете грузинские ориентиры, абхазские ориентиры, грузино-византийские, грузино-русские и т.д. В чем вы видите особую разницу в ориентирах? Меня интересует фундаментальная разница между грузинскими и абхазскими ориентирами.

Эмзар Джгереная. Вопрос весьма трудный. Я не знаю, на что ориентировалась Абхазия. Но если учесть, что она была в составе Грузии (хотя это не всегда было так), то окажется, что у нас были общие ориентиры. Проблема в том, что если мы ориентируемся на Запад, то абхазы думают, что это во вред Абхазии. Грузины же думают, что если у нас будет ориентация на Россию, тогда проиграет Грузия. Проблема в том, что у нас разные ориентации, и мы не можем найти что-то общее, приемлемое для обеих сторон – для нас и для абхазов. Можно представить и такую картину – при политической ориентации на Россию культурное развитие ориентируется на Запад. Но это нереально, мы получим какого-то кентавра.

Нателла Акаба. Это очень сложный момент. Не кажется ли вам, что любая ориентация все-таки определяется чисто прагматическими интересами? Абхазов всегда упрекали за то, что они ориентировались на большевиков, на советскую власть, в то время как Грузия ориентировалась на другие силы. Но, как верно заметил абхазский историк Станислав Лакоба, если бы Грузия ориентировалась на большевиков, то абхазы обязательно стали бы ориентироваться на меньшевиков. А в современной ситуации, если вообразить чисто гипотетически, что Грузия начнет ориентироваться на Россию, исключается ли возможность того, что Абхазия вдруг начнет склоняться к западной ориентации, как вам кажется?

Эмзар Джгереная. Чисто гипотетически такое вполне возможно. Но насколько это будет реально? Этот вопрос весьма сложный. Нынешний статус Абхазии не позволяет решить вопрос ориентации полностью прагматически. Если мы будем ориентироваться на Россию, сможет ли Абхазия противопоставить России другую какую-нибудь ориентацию?

Нодар Сарджвеладзе. Я предполагал, что у вас в докладе будет поднят вопрос по поводу идентичности. Я ждал этого момента и хотел бы, чтобы вы в двух словах этот момент отметили.

Эмзар Джгереная. В докладе у меня отмечен этот момент. В частности, этот вопрос затрагивается в моей полемике с г-ном Дамения, который утверждает, что кавказская идентичность когда-нибудь каким-то образом объединит нас. Когда француз говорит, что он принадлежит европейской культуре, сразу ясно, какие ценности он подразумевает. Он подразумевает европейскую культуру, где функционируют демократические институты, где соблюдаются права человека, где университеты были еще четыреста-пятьсот лет тому назад, где латинский язык был общим и т.п. На Кавказе я не вижу никаких культурных универсалий, которые нас объединяют, кроме тех, которые существуют везде – и в Европе, и на Кавказе. Я думаю, что если мы будем ориентироваться на кавказскую идентичность, то создадим лишь очень хрупкую мифологию, которая при первом практическом применении развалится и ничего не даст. Кавказская идентичность у меня вызывает сомнения как таковая. Мы стараемся выйти из положения и цепляемся за что-то непонятное, неартикулированное, ненаписанное. Некоторая грузины говорят, что мы оригинальные, уникальные, и когда я задаю вопрос, в чем именно наша оригинальность, в чем именно наша уникальность, чем мы отличаемся от других людей, в конце концов оказывается, что наши ценности одновременно оказываются и общечеловеческими ценностями. Проблема еще и в том, что иерархия ценностей радикально меняется в грузинском обществе. Тому доказательство – вчерашнее выступление, когда было подчеркнуто, что для определенной части наших граждан свобода личности и права человека стали теми ценностями, за которые нужно бороться и которые нужно защищать. То есть происходит трансформация ценностей.

Тенгиз Пачкория. У меня два коротких вопроса к Эмзару. В вашем докладе есть фразы о том, что некоторые деятели грузинской культуры, как бы оправдываясь, утверждают, что мы не несем никакой ответственности за насильственное переселение абхазов-махаджиров

в XIX в. в Турцию. Но, насколько известно, выдающиеся деятели грузинской культуры в девятнадцатом веке, тот же Илья Чавчавадзе, неоднократно публично выступали с осуждением политики царизма, которая вынудила значительную часть абхазов переселиться. Кроме того, часть грузинских священников, содействуя распространению христианства среди определенной части абхазов в Очамчирском районе, например, как бы защитили их перед царем и от переселения.

И второй вопрос. У вас в том же докладе прямо ставится вопрос о том, кто же несет ответственность за карательные меры против восставших абхазов и осетин во время короткого периода грузинской независимости (имеются в виду 1918-21 годы). Вы всерьез думаете, что это были карательные меры против этих народов? Но ведь меньшевики точно так же подавляли просоветские и пробольшевицкие восстания и в других регионах Грузии – в Душетском, Ланчхутском и др. К тому же, часть абхазов поддерживала меньшевицкое руководство, а другая часть поддерживала большевиков. Здесь, наверное, более был проявлен не этнический, а классовый подход и вопрос власти, хотя они и пересекались.

Эмзар Джгереная. Я постараюсь ответить на эти вопросы. Когда я писал, что никто не взял на себя ответственность за переселение абхазов в девятнадцатом веке, я подразумевал, что мы всегда (и особенно Грузия) стараемся освободиться от ответственности. Это какая-то стратегия появилась у нас, что мы не виноваты, всегда виноват кто-то другой, какие-то внешние силы. И мы постоянно ссылаемся на это. Если внимательно рассмотреть, скажем, исторические факты, то можно согласиться с тем, что Россия мешала нам осуществить свою независимую политику или Турция мешала какое-то время, или Персия, или другие государства мешали нам провести такую свою независимую политическую линию. Но я думаю, что под такими высказываниями скрывается лишь одно – желание снять с себя ответственность за то, что происходило в нашем пространстве. Конечно, были некоторые люди, допустим, Илья Чавчавадзе, который писал об этом. И некоторые другие грузинские деятели культуры того времени писали об этом, но в целом не было никакой реакции. Из их реакции ничего не вышло, потому что она не получила развития.

А что касается вашего вопроса о нашей короткой независимости, проблема состоит в том, что ни тогда и, может быть, ни сейчас мы не спрашивали, скажем так, наших друзей, наших партнеров – абхазов и осетин: а чего хотят они? Никто не вел диалога с ними, не было такого разговора. Я могу сказать, что без диалога, без общения, без взаимного понимания всякие меры, которые предпримут противники друг против друга, можно считать карательными мерами. Культура диалога – это большая культура. Но если мы не разговариваем с нашим населением или с нашими партнерами, с абхазами или с осетинами, и собираемся и дальше так жить – без диалога, без дискуссий, то есть угроза, что результат, к которому мы придем, опять же будет насильем. Я это имею в виду.

Леван Рамишвили. Я бы хотел задать вопрос об ориентации. Это касается не внешнеполитического курса, а, скорее всего, внутренней политики. Вообще-то, для маленьких стран, каковой является Грузия, я считаю не очень актуальной внешнюю политику. Это все-таки та роскошь, которую могут себе позволить большие страны (я имею в виду серьезную внешнюю политику). Для меня Запад – это только верховенство закона, частная собственность, демократия, права человека, гражданское общество, и тут, по-моему, никаких компромиссов быть не может. Что касается Абхазии, мне было бы интересно послушать наших друзей – как бы они сформулировали те ценности, которые для них незыблемы и компрометация которых не может быть оправдана ни в каких условиях никакими прагматическими соображениями.

Батал Кобахия. Я так понял, что западные ценности неоспоримы, не подвергаются никаким сомнениям, и компромиссов не может быть, и это – ориентация Грузии, а вы спрашиваете точку зрения абхазской стороны.

Эмзар Джгереная. Моя точка зрения такая же, как и твоя, Леван.

Абесалом Лепсая. У меня такой уточняющий вопрос. Вот здесь у вас интересное рассуждение, но я, может быть, не совсем понял. Вы написали, что Сахаров определял Грузию как малую империю, и вы интерпретировали это высказывание в том смысле, что он имел в

виду территориальную разношерстность и гетерогенность. Мне кажется, что это в принципе правильное объяснение этого высказывания, я тоже с этим согласен. Но дальше, когда вы касаетесь идеологии, что вы имеете в виду? Если говорить о Грузии как об империи, то первый вопрос – это вопрос имперской идеологии. Вы считаете, что не было никакой идеологии, которая могла бы придать ей статус малой империи? Мне хотелось бы уточнить. Я не все здесь понял.

Эмзар Джгереная. Да, здесь был поставлен вопрос идеологии. Я имел в виду националистическую идеологию, которая использовала сразу два исторических аргумента. Согласно первому, под грузинами подразумевают всех, в том числе и вас. И второе – это утверждение о том, что абхазцы – пришельцы, они только что появились в этих краях, то есть они – не аборигены Абхазии и т.д. Это было частью той имперской идеологии, которая тогда оформлялась. Определенные круги выражали это мнение, и вы, наверное, об этом слышали. Я думаю, что это фрагмент той идеологии, которую не успели построить. Но всегда есть возможность того, что такая идеология будет сформирована, и в конце концов такое мировоззрение, такая философия не дадут возможность увидеть проблему, которая есть на самом деле. И тогда опять будет насилие. Здесь, конечно, важен вопрос идеологии. Звиад Гамсахурдия хотел построить какую-то общую идеологию. Я знаю, что в нашем правительстве предпринимались попытки создания официальной национальной идеологии и об этом была дискуссия. Слава Богу, большая часть грузинской интеллигенции не приняла такую попытку, сразу было заявлено, что это какая-то шизофрения. Я имел в виду, что империя всегда нуждается в какой-то теории, какой-то идеологии. Попытка построить такую идеологию была, и идея, согласно которой абхазцы только что появились там, где они сейчас проживают, должна была стать частью большей идеологии, которую тогда пытались создать. Была такая попытка.

Даур Начкебия. У меня к вам такой вопрос. Когда я читал вашу статью, у меня было такое впечатление, что в ней много ностальгии и печали.

Эмзар Джгереная. Вы не совсем правильно поняли.

Даур Начкебия. Но я говорю об этом в хорошем смысле слова, как о расставании с каким-то мифом. Вы сами напрямую говорите об этом, правда, привязывая к какому-то конкретному случаю, конкретному отрезку истории, но мне кажется, что это можно обобщить: Абхазия как фантазм, как вымышленный, выдуманный грузинами, Грузией, миф. Как вы считаете, было ли в грузинском обществе и сохраняется ли до сих пор такое далекое, может быть, от реальности, идеализированное представление об абхазах? И не в том ли причина, что грузины так болезненно переживают потерю Абхазии, что они не могут расстаться с этим мифом – может быть, из-за какой-то ложной гордыни? Что эта проблема – скорее их внутренняя, чем существующая в реальности? В общем, Абхазия как ваш фантазм.

Эмзар Джгереная. Это очень глубокая проблема. Конечно, я не смог полностью ответить на этот вопрос. Я не проводил эмпирические опросы, чтобы понять, насколько это фантазм, насколько реальность, и что сейчас думают грузины. Может быть, это война, в которой состреаются и борются не люди, а какие-то уже исторически сложившиеся представления. Сейчас я могу сказать, что мы живем в реальном мире, люди вовлечены в каждодневную жизнь, идет борьба за хлеб, за существование. Все это возвращает нас к реальности, то есть люди, наверное, осознают реальные проблемы. Люди могут быть сентиментальными и иметь какие-то мифы, но реальная, жестокая, строгая жизнь, наверное, не оставляет место политическому сентиментализму или мифотворчеству. Наверное, население смотрит реально на эти проблемы. Но образ абхаза как, допустим, носителя рыцарского этоса или морали, может быть, и сохранился где-то в тех краях, где я проживаю, в Мингрелии. Но нельзя говорить об общем таком взгляде, по-моему.

Батал Кобахия. У меня два вопроса к Эмзару. Леван говорил о западной ориентации, о том, что для Грузии – это единственный выход из того коллапса, в котором она находится. Вы говорили, что кавказская идентичность хоть и может быть объединяющим началом, но является очень хрупкой, эфемерной и непонятной. Как вы думаете, если Грузия и Абхазия и все кавказские народы действительно свято

поверят в западную ориентацию, сможет ли это стать объединяющим началом на Кавказе? Это первый вопрос.

И продолжение этого вопроса. Вы пишете, что нет одной глобальной истины, что это тоталитаризм нам диктует, что реальность и истина может быть только одной, то есть тоталитаризм утверждает наличие одной истины. Я не во всем согласен с вами. Я думаю, что есть одна глобальная истина. Другое дело, что мы с вами к ней, может быть, не стремимся, но стремление к ней – есть движение к прогрессу, вперед. Не кажется ли вам, что отрицание вообще какой-то глобальной истины и предпочтение неких маленьких чередующихся истин может ввести нас в заблуждение? (Разговор сейчас не идет о конфликте.) Мы просто затеряемся в этих малых истинах и начнем придавать неким локальным истинам очень глобальный характер. Вы предполагаете, что вообще нет истин? Я понимаю, вы – неверующий человек, но неужели настолько? Я нисколько не сомневаюсь, что я к истине не подошел и не подойду, но все-таки стремлюсь.

Эмзар Джгереная. Что касается вашего первого вопроса о том, могут ли нас объединить европейские ценности – наверное, этот вопрос вы задаете не только мне, но и себе. И, может быть, это нас объединит. Если прагматически отнестись к этому вопросу – что могут принести эти ценности каждому человеку – то прагматизм подсказывает положительный ответ. Если нам придется строить прагматическое общество, в котором будут защищены все права каждого человека, то гипотетически такие ценности должны нас объединять. Но я не знаю, насколько кавказские субъекты готовы это принять. Политическая элита, я думаю, готова. В Грузии часто говорят: когда, в конце концов, наступит демократия? Я всегда анализирую такие выражения. У людей по отношению к демократии такие же ожидания, какие были по отношению к коммунизму. Демократия никогда не наступит без нашего участия. Если мы на индивидуальном уровне не будем бороться за наши права, демократия никогда не наступит. Ни один бюрократ или чиновник не скажет нам: «Пожалуйста, берите ваши права». Мы должны все изменить, должны бороться за эти права на индивидуальном уровне. Тогда, может быть, мы и построим какой-то общий мир. Готовы мы или не готовы, но проблема в том,

что мы можем формировать свое государство, общество только на западных ценностях.

А что касается истины, то две тысячи лет тому назад одному неординарному человеку задали вопрос: «Что есть истина?», и он тогда промолчал. Я имею в виду Христа. Что такое истина? И вообще существуют ли общие стандарты в этом смысле? Я думаю, что европейские ценности, даже права человека, допускают возможность существования многих истин. Скажем, я могу быть свидетелем Иеговы и верить в Бога согласно их представлениям или быть ортодоксальным представителем грузинской церкви, или мусульманином. Эти ценности гарантируют нам право верить в различные истины. Я говорю о личных истинах. У каждого из нас есть личные, персональные истины, и эти истины должны как-то существовать. Я это имею в виду, когда говорю, что истин много. Конечно, их много.

Батал Кобахия. То есть вы допускаете, что все истины, которые реально существуют, должны сосуществовать?

Эмзар Джгереная. Конечно. Обязательно.

Батал Кобахия. Но есть и фашистские истины.

Эмзар Джгереная. Нет, тут я хочу внести уточнение: если эта истина угрожает моему существованию или заявляет, что должна существовать только она, что только она имеет право на существование, то такие истины мы должны обуздать.

Джон Пол Ледерах. Насколько я понимаю, этот доклад был направлен на то, чтобы дать социологическое определение некоторым понятиям. В принципе же всем понятно, что идентичность заложена генетически. И в докладе, и в дискуссиях мое внимание привлекло то, что идентичность абхазов и грузин сильно зависит от образа врага, от наличия образа врага. Прежде чем судить о том, кто я такой, надо посмотреть на то, кто мой враг. Этот стереотип у абхазов – присутствие Грузии и Запада, у грузин – присутствие России и Востока. Мой вопрос заключается в следующем. Можно ли представить себе,

что когда-нибудь наступит такое время, когда станет возможным конструирование идентичности, не прибегая к образу врага, а исходя из каких-то позитивных положений? Какие изменения должны произойти, чтобы такая возможность стала реальной?

Эмзар Джгереная. Мы отличаемся от животного мира тем, что человек не полностью определен генетическими данными. Мы можем менять свою идентичность. Волк, допустим, не может стать обезьяной или другим существом, а я могу стать другим человеком. Христианство допускает это. Допустим, Савл превращается в Павла, а Шеварднадзе превращается в Георгия Шеварднадзе. Лично я верю в такие человеческие изменения, я думаю, что это возможно. Но что касается социального конструирования мира, когда каждое утро мы восстанавливаем мир, наша каждодневная философия подсказывает нам, куда идти. Когда абхазы или грузины конструируют нашу каждодневную философию или наше мировоззрение, то обеим нашим сторонам мешает то, что у нас нет достаточной информации друг о друге, в этом я согласен с г-ном Дамения. Просто мы исторически соприкасались, и печально то, что большая часть нашего населения друг друга не знает. Здесь рядом со мной сидит мой друг Тенгиз. Но он, к сожалению, не умеет говорить по-абхазски, хотя и жил в Сухуми.

Тенгиз Пачкория. Ну, по-абхазски не умела говорить и определенная часть абхазов. Здесь очень много моментов.

Эмзар Джгереная. Тогда нужно сказать и то, что другая часть абхазов умела говорить по-грузински, но это по другим причинам. Может быть, они это скажут за нас.

Давид Бердзенишвили. Испанцы, которые живут в Каталонии, прекрасно владеют каталонским языком. Иначе им трудно будет там жить.

Тенгиз Пачкория. Лично я через прессу в 1988-89 гг. ставил вопрос о том, чтобы ввести на добровольной основе факультативное изучение абхазского языка в грузинских школах и грузинского языка – в абхазских, таким образом предлагал ввести эти предметы в школь-

ную программу. Это вызвало бурную реакцию. При соответствующей политике можно было создать условия для того, чтобы грузины, живущие в Абхазии, могли в школах добровольно изучать абхазский язык, и абхазы в абхазских школах могли бы добровольно изучать грузинский.

Эмзар Джгереная. Если грузины сейчас переживают, что Абхазия отделена от Грузии, то в этом мы должны винить себя. Когда я бывал в Сухуми, я видел, как мои друзья часто смеялись над абхазским произношением или абхазскими словами. Вот такие, казалось бы, мелочи глубоко ранят человека, и это надо хорошо осознать. Мы всегда смотрели свысока, но сейчас нам приходится смотреть и снизу тоже. И я сказал бы, что позиция снизу не очень приятная: когда смотришь снизу, на тебя смотрят сверху. Когда мы смотрим сверху, мы не замечаем, как другие из-за этого переживают. Так что проблема весьма сложная. Что может нас объединить? Трудно ответить на этот вопрос – есть ли что-то позитивное с обеих сторон, за что мы должны держаться, и что поможет объединиться.

Давид Бердзенишвили. Вопрос был поставлен так: можно ли построить идентичность без образа врага, просто на позитивном опыте?

Эмзар Джгереная. Без образа врага идентичность можно построить только на позитивном опыте, но это весьма трудная задача. Строить же идентичность на образе врага – это очень легкая задача. Но когда она строится без образа врага, то нужна такая же работа, какую мы сейчас здесь проводим. Я встречаюсь с вами во второй раз, но думаю, что мы уже что-то знаем друг о друге и у нас, может быть, что-то внутри изменилось. Так что такие встречи нужны. Может быть, есть и другие опоры, на которых можно строить идентичность. Я не знаю, что это такое, но что-то должно быть – наверное, что-то можно найти.

Арда Инал-Ипа
Центр гуманитарных программ,
Сухумский дом юношества

ПОНИМАНИЕ ИНТЕРЕСОВ СТОРОН – ТРЕБОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Мы сегодня приступили к очень важной и сложной теме – интересы сторон. Проблема действительно неподъемная для того, чтобы ее глубоко проанализировать и обсудить в рамках одной встречи. В чем необходимость обсуждения этой темы? Мы все являемся свидетелями того, как тормозится переговорный процесс. Мы наблюдаем, как время от времени происходят в общем-то уже ставшие ритуальными двусторонние встречи по установлению мер доверия под эгидой ООН. Официальные переговоры, в основном, зафиксировались на той стадии, когда обсуждаются вопросы, которые могут стоять на повестке дня будущих переговоров. Но позиции сторон, насколько мы можем судить, очень давно не менялись и остаются противоположными и взаимоисключающими. В этой ситуации, которую Гия Нодия назвал «неустойчивой тупиковой стабильностью», нужно искать новые пути, которые могли бы привести к переосмыслению современного процесса урегулирования. Сегодня мы стоим перед задачей – найти более приемлемую и продуктивную стратегию урегулирования, чем периодическое (почти риторическое) предъявление позиций. Данное выступление посвящено рассмотрению одной из возможностей обновления грузино-абхазского диалога через его смещение в русло анализа интересов сторон.

Есть несколько причин, тормозящих переговорный процесс. Самая очевидная из них – это невозможность на данном этапе найти взаимоприемлемую формулу, которая могла бы примирить обе стороны. Слабость мотивации, стимулирующей переговорную деятельность, может быть объяснена и недостаточной осознанностью сторонами взаимозависимости. Но, на мой взгляд, более глубокой причиной является неясное представление не только об интересах противника, но и об интересах своей страны. Почему мы считаем, что такой подход – строить урегулирование на основе понимания и ана-

лиза интересов будет более продуктивным? Как мы знаем, позиции сторон – это, в общем-то, требования, это уже конечные формулы желаемого решения конфликта для каждой стороны. Но позиции, как известно, надстраиваются над интересами, в которых отражаются и более глубокие нужды. Чем значительнее конфликт и чем острее противостояние, тем большее влияние на его развитие и возникновение оказывают общественные, т.е. надличностные интересы и потребности. Не вызывает сомнений тот факт, что одним из самых сильных факторов, способствующих манифестации конфликта, как раз и является противонаправленность, или столкновение интересов. Поэтому стратегия разрешения конфликта должна включать в себя и поиск способов установления баланса интересов. На ранней стадии зарождения конфликта его развитию способствует и различие ценностных установок. Если конфликтная ситуация может сформироваться на основе противоположных ценностей, то на пути к формированию зрелого конфликта ценностные противоречия превращаются в противоборство интересов. По мере формирования конфликта происходит своеобразная кристаллизация интересов сторон, непримиримость которых все яснее начинает осознаваться противостоящими группами. Интересы объявляются, над ними надстраиваются позиции, которые, в свою очередь, диктуют конкретные цели и действия. Таким образом, в реальности, движение от ценностных различий через осознание интересов к позициям обозначило развитие конфликта. Поэтому логично предположить, что в процессе урегулирования обратное движение: от позиций к интересам, а затем и нуждам и ценностным установкам поможет снизить остроту конфронтации. Когда обсуждаются позиции, в силу того, что они даются в достаточно жестких формулировках, складывается не всегда позитивная и конструктивная атмосфера для диалога. Возможно, нам было бы легче понять друг друга, если бы мы перешли на язык интересов, опасений сторон и ценностных различий, поскольку этот язык – более глубокий. Он менее способствует конфронтации, чем язык позиций. Это могло бы дать стимул и переговорному процессу.

Интересы необходимо анализировать и обсуждать еще и потому, что у нас, без сомнения, есть не только противоположные, но и сосуществующие интересы, которые не предполагают взаимного исключения.

Более того, можно найти и общие интересы. И вот, если мы сумеем определить и ясно представить некоторые сосуществующие или даже общие интересы, то это, возможно, позволит нам прийти к переформулировке наших позиций в более конструктивном ключе. Знание и понимание интересов другой стороны позволит нам так сформулировать неразрешимую сегодня задачу, чтобы решение все-таки стало возможным.

Однако сложность ведения подобного диалога, как уже отмечалось выше, состоит не только в необходимости понять интересы противника. Достаточно трудной задачей является понимание и формулирование своих собственных интересов. Это требует, по меньшей мере, владения полной информацией об актуальном состоянии в различных сферах жизни, а также о тенденциях развития или регресса. Для раскрытия глубинных, не всегда осознанных интересов полезно было бы отталкиваться от сформулированных национальных интересов, т.е. от осознанных потребностей государства. Однако, если мы будем говорить о национальном интересе, то приходится признать, что отработка самих критериев его определения и осмысление геополитического, социально-экономического, культурного, конфессионального и других параметров формирования национального интереса представляет собой достаточно сложную проблему. Насколько нам известно, обе конфликтующие стороны еще не дали четких ответов на эти вопросы.

Казалось бы, говоря практически о любой проблеме, мы, так или иначе, касаемся вопроса интересов. Но при более серьезном обсуждении действительно сталкиваешься с большими сложностями. Мы, в основном, конечно, будем говорить о политических интересах. И под политическими интересами будем подразумевать осознанное обобщенное понимание потребностей национальных и социальных групп и других акторов политической деятельности и политических отношений. В интересах есть субъективная и объективная стороны. Объективная составляющая интересов – это та реальная социально-политическая ситуация, в которой мы живем. Интересы, которые могут быть и неосознаваемыми, проявляются в нашей жизни уже в виде идеологии, в виде национальных символов. И мне кажется, было бы полезно осознать источник происхождения этих символов, потому что, несмотря на свою субъективную природу, они очень реальны и вполне реально действуют на политику, которая далеко не всегда руководствуется только сознатель-

ными действиями и часто подвержена влиянию стихийных процессов. Таким образом, субъективная составляющая интересов – это понимание наших потребностей. И не всегда это наше понимание действительно отвечает требованиям реальности. Это – одна из трудностей. Другая заключается в том, что политические интересы не гомогенны. На самом деле сложно найти те обобщающие потребности, которые отвечали бы интересам всех слоев общества. Поэтому, когда мы задумываемся о позициях, выдвигаемых сторонами конфликта, возникает вопрос, в какой степени они отражают интересы всего населения страны? Поскольку любое здоровое общество не может быть однородным и представляет собой сложную структуру, состоящую из различных стран, групп и объединений, имеющих свои особые интересы, скорее всего, нереально, чтобы действенная политика строилась на всеобщих интересах. Другое дело, что политически активная часть общества может строить свою программу таким образом, чтобы по возможности учитывать и совмещать интересы большинства общества. Возможно, не все политики стремятся к тому, чтобы серьезно и открыто анализировать и проговаривать интересы, лежащие в основе их позиций и действий. Но мне представляется, что осознавать, на что в действительности направлена та или иная политика, необходимо. Если мы не будем ориентироваться в этих вопросах, то не сумеем отличить политику, направленную на благо народа, от обслуживания интересов правящей элиты, например. Можно также не заметить, как складывается парадоксальная ситуация, при которой приоритет интересов титульной нации в проводимой политике начинает противоречить истинному национальному интересу государства, которое строит эта нация. На мой взгляд, рассмотрение вопросов, связанных с определением национального интереса, способствовало бы тому, чтобы общество больше ориентировалось в происходящих политических процессах и могло осуществлять более осознанный выбор, а значит, и более активно участвовать в политической жизни и реализовывать свои политические и гражданские права. Итак, ясное представление о собственных интересах является необходимым условием для ведения конструктивного диалога с противоположной стороной.

В грузино-абхазском конфликте перекрещиваются не только грузинские и абхазские интересы, но также и устремления более крупных игроков, что должно учитываться каждой из сторон. Политика

так сложна, что в некоторых моментах трудно отделить одно от другого. Но понимать именно свои интересы без внешних влияний, отличать их от интересов более крупных сил, заинтересованных в регионе, просто необходимо. Кавказские интересы западных стран, например, очень хорошо сформулированы, осознаны и проговорены. В связи с «Шелковым путем» они достаточно часто освещаются в литературе, и нет никаких сомнений, что в сложном переплетении интересов собственно кавказских субъектов интересы Запада играют серьезную роль. Вот, например, что пишет американский политолог А. Коэн относительно Грузии: «Грузия как бы держит в своих руках ключ от ворот на Кавказ, является плацдармом для выхода западных стран к Каспию и Шелковому пути». Грузия, прочно ориентированная на США, является главным союзником США в регионе. По словам американского сенатора С. Браунбека, Грузия – это граница между НАТО и новым Шелковым путем, она является основным партнером Турции, союзницы США, что очень важно со многих точек зрения – стратегической, военной и коммерческой. Исходя из этого, нестабильность Грузии может поставить под угрозу весь регион, в котором заинтересован Запад, и поэтому вопросы стабильности на Кавказе являются также стратегическими интересами западных стран. Например, реструктуризация и улучшение инфраструктуры транспортных и коммуникационных магистралей также является не только интересом самих стран Южного Кавказа, но и Запада. Когда представители правительства США поставили перед Сенатом вопрос об увеличении помощи странам Азии и Кавказа, они назвали эту программу небольшим вкладом в будущее американского народа. То есть в проговариваемых интересах Запада речь не идет о вкладе в будущее Кавказа или какого-нибудь кавказского народа. Однако понять роль внешних сил тоже не всегда просто. Так, например, в отличие от западных держав, достаточно последовательно действующих в регионе и внятно проговаривающих свои интересы на Кавказе, Россия мечется между противоречивыми экономическими и политическими интересами и ведет достаточно непоследовательную политику. Российские геополитические интересы здесь сталкиваются с экономическими. Геополитические интересы России состоят в обеспечении стабильности на Кавказе, что удерживало бы его от «рас-

качивания», учитывая сложное положение на Северном Кавказе. А с другой стороны – экономические интересы диктуют России противоположную политику. Опять мы возвращаемся к этому нефтеносному пути – если Южный Кавказ будет стабильным, то, скорее всего, нефть потечет в обход России. Получается, что в экономическом плане Россия многое теряет от стабильности на Кавказе. Метание между этими интересами сильно отражается и на посреднической роли России в урегулировании кавказских конфликтов, и на всей ее политике на Кавказе. Эта неопределенность существенно сказывается и на положении Абхазии, роль которой с российской точки зрения постоянно меняется в зависимости от того, какие российские интересы в данный момент более актуальны. Сложно вести разговор об интересах, когда политика государств непоследовательна, иерархия интересов не выстроена, нет сбалансированности внутреннего и внешнего национального интереса. Часто декларируются одни интересы, а реальная политика строится согласно другим ориентирам. Надо сказать, что это в равной степени может относиться и к абхазской, и к грузинской стороне.

Вполне возможно, что политические ориентиры крупных стран могут в чем-то совпадать с интересами самих регионов, но нужно осознавать, что это далеко не одно и то же. Нам, конечно, очень приятно сравнивать себя с развитыми европейскими странами, но реальные аналогии чаще все-таки можно найти с ситуацией в странах несколько иного уровня. Поэтому мне кажется уместным высказывание бразильского политолога Ф. Э. Кардозо. Он пишет: «Социальная ткань современного общества исключительно сложна. В нее вплетен целый спектр целей и интересов различных групп и индивидов. Прогресс определяется в терминах разнообразных (даже разнонаправленных) задач... Эти задачи сегодня часто порождаются глобальной, а не национальной парадигмой, то есть они проецируются из-за границы на национальные общества, которые могут быть неготовы решать эти задачи». Дело не в том, что западная ориентация или российская ориентация нехороша. Вопрос в том, пришло ли общество к согласию относительно своего будущего, осознанно ли оно определило свою ориентацию, соответствует ли идеология сильного союзника национальным интересам. Иногда те ценности, которые вместе с чьими-то интересами привносятся извне, остаются лишь деклари-

руемыми не в силу их несостоятельности, а потому, что наши общества не готовы принять их по существу. Потому, что еще не завершено обеспечение тех базовых условий, в которых могла быть проделана подготовительная внутренняя работа.

Сегодня у нас будет возможность во время практической работы обсудить наше видение конкретных интересов грузинской и абхазской сторон, поэтому я очень кратко коснусь этого вопроса. Как уже говорилось выше, сама проблема определения интересов настолько сложна и многопланова, что должна стать темой серьезных аналитических исследований. К тому же, данное выступление посвящено не столько выявлению интересов грузин, абхазов и других заинтересованных сторон (это было бы невозможно в таких узких рамках), сколько попытке рассмотрения возможных преимуществ самого подхода, основанного на понимании интересов сторон.

Итак, если кратко говорить об интересах Грузии, то, на мой взгляд, это, прежде всего, укрепление государственности, развитие федерализма и самоуправления, обеспечение стабильности, необходимой, в частности, для инвестиций, связанных с нефтепроводом. Стабильности же угрожает, в первую очередь, неурегулированность грузино-абхазского конфликта. Поэтому полномасштабное урегулирование, а на данном этапе нахождение хотя бы предварительной взаимоприемлемой формулы устойчивого сосуществования, несомненно, является интересом Грузии. Укрепление и развитие демократических основ грузинской государственности также можно отнести к основным грузинским интересам. Обеспечение внутренней интеграции, несомненно, представляет национальный интерес Грузии. Не говоря уже об осетинской и аджарской проблемах, вопросы интеграции остро стоят на границах с Арменией и Азербайджаном. Эта проблема отражается и на задачах международной политики Грузии. В интересах Грузии, например, соблюдение баланса в отношениях с Арменией и Азербайджаном, интересы которых, в свою очередь, разнонаправлены: Азербайджан ориентирован прозападно, его ближайшие союзники – Турция, Великобритания и США, Армения же больше направлена на Россию и Иран. Сложная задача – балансировать между Россией и Западом не только относительно абхазского конфликта и собственного внутреннего развития, но и во взаимоотношениях с Азербайджаном и Арменией.

Если ориентироваться на мнение абсолютного большинства грузинских политиков и населения, то возвращение Абхазии под контроль тбилисских властей они назвали бы основным национальным интересом. Здесь открываются большие возможности для дискуссий, потому что есть и другая точка зрения, согласно которой в интересах Грузии, прежде всего, не восстанавливать конфликтогенные взаимоотношения, а признать существующее положение дел и установить партнерские отношения с Абхазией. Это способствовало бы демократическому развитию обеих стран со всеми гарантиями соблюдения прав человека, обеспечивало бы долгосрочную стабильность и укрепило бы международный престиж Грузии.

Понятно, что в различные периоды исторического развития интересы могут меняться. Что касается абхазской стороны, то угроза выживанию абхазского народа уже на протяжении двух столетий диктует все основные интересы абхазов. На данном этапе можно сказать, что основным национальным интересом Абхазии является обеспечение стабильности и независимости абхазского государства как гаранта сохранения абхазской идентичности и культуры. В связи с этим политика Абхазии должна ориентироваться на обеспечение устойчивого развития в сложных геополитических условиях. Внутренним аспектом национального интереса Абхазии является интеграция всего многонационального общества, развитие гражданских и политических демократических институтов. Специфическим интересом данного периода является совмещение обеспечения демографической безопасности абхазов, сохранения абхазского языка и культуры с гарантиями соблюдения прав всех граждан Абхазии. Говоря об интересах абхазов, придется вернуться к вопросу о негомогенности, неоднородности осознаваемых обществом интересов. Когда мировое сообщество через Россию и СНГ пытается изолировать Абхазию, предполагая, что это подходящая форма давления на Абхазию, то часть абхазов видит в этой мере не только большое зло, но и своеобразное средство защиты своей самобытности от влияния массовой культуры. Поэтому даже в таком маленьком обществе, как абхазское, не приходится говорить о едином понимании своих интересов. Даже среди абхазского населения осознаваемые интересы различаются, а если учесть многонациональный состав Абхазии, формулирование общих интересов абхазской стороны представляется достаточно слож-

ной задачей. (Это относится, конечно же, не только к абхазскому обществу.)

Как уже было сказано, актуализация совмещающихся и общих, а не противоположных, интересов будет способствовать прогрессу урегулирования. Даже не вдаваясь в глубокий анализ интересов, можно выявить общий для Абхазии и Грузии интерес в урегулировании конфликта и установлении стабильности в регионе. В целях разрешения конфликта многие политологи указывают на необходимость сосредоточения на общих интересах. Так, Г. Тархан-Моурави считает, что до обсуждения статуса Абхазии общим интересом является создание синтеза таких социальных и политических гарантий, которые обеспечивали бы мир в Абхазии и справедливое разрешение конфликта, безопасность населения и экономическое благоденствие, т.е. базисные потребности народа. Согласно В. Чирикба, современные дебаты о форме абхазской государственности должны смениться тематикой общих интересов. Однако сегодня еще трудно назвать все возможные общие интересы. Поэтому попробуем, по крайней мере, вычленить те сферы, в которых можно было бы вести поиск совместимых или общих для Грузии и Абхазии интересов. Так, например, одной из таких сфер мне представляется совершенствование внутренней жизни. Надежда Грузии на внешнюю помощь и надежда Абхазии на внешнего союзника, который помог бы решить проблему конфликта, не должны парализовать попытки изнутри организовать и обеспечить продуктивное функционирование своей экономики, справедливую систему правосудия, развитое местное самоуправление, свободную и интенсивную общественную жизнь и т.д.

Отказ от устаревших схем во взаимоотношениях, мне кажется, тоже был бы полезен и для Абхазии, и для Грузии. Во времена Сталина естественная динамика взаимоотношений наших народов была нарушена реализацией агрессивных по отношению к Абхазии планов. Одно только искусственное переселение жителей грузинских сел в Абхазию, целенаправленно бившее по самой большой для абхазов демографической проблеме, сделало неизбежным дальнейшее углубление конфликта. Во многом именно тогда была заложена негативная парадигма, задающая дальнейшее ухудшение взаимоотношений двух народов. Этот план тогда не был осуществлен до конца, но в

каком-то смысле подобная схема решения абхазской проблемы продолжает влиять на умы и сегодня. Многие в грузинском обществе не осознают воздействия этого прошлого, многие не разделяют подобный подход, но для того, чтобы в современной политике перестали проявляться следы старого мышления, недостаточно просто забыть, нужно осознанно отказаться от подобного подхода. Я думаю, что некоторые устаревшие схемы есть и в представлениях абхазской стороны, их мне сложнее осознать и вычлениить. В этом процессе освобождения от старых схем невозможно обойтись без серьезного диалога между общественностью двух сторон.

Сегодня цели Грузии и Абхазии во многом определяются конфликтом. Мне представляется, что уход от этой конфликтной идеологии, формулирование позитивных, стратегических, понятных всему обществу целей были бы в интересах обеих сторон.

Вполне совместимым интересом является развитие гражданского общества в Абхазии и Грузии. Поскольку одним из важнейших корней конфликта является проблема этнической идентификации, развитие гражданского самосознания смягчит этнический компонент в отношениях между людьми и будет способствовать нормализации взаимоотношений, развитию связей не только на этнической почве.

Демократизация общественных институтов могла бы способствовать созданию условий, необходимых, чтобы сдвинуть с мертвой точки проблемы, которые сегодня кажутся неразрешимыми. Такие, например, как проблема беженцев. На мой взгляд, в смещении акцентов в этом вопросе тоже может быть взаимный интерес. Так, если бы в Грузии вместо того, чтобы оставлять эту проблему незаживающей раной и бьющим по нервам аргументом в информационной войне с Абхазией, сегодня больше занялись правами беженцев в самой Грузии, а Абхазия, вместо того, чтобы невнятно отталкивать предложения по их возвращению, ясно проговорила бы свои реальные опасения, связанные с угрожающей демографической ситуацией, и больше занялась защитой прав своих граждан, включая жителей Гальского района и других представителей грузинского населения, то в результате могла бы сложиться обстановка, способствующая взаимопониманию в таком сложном и остром вопросе. Таким образом, общий интерес можно увидеть в обеспечении гарантий соблюдения прав человека как в Грузии, так и в Абхазии.

Общие интересы можно искать и в сфере организации переговорного процесса. Так, подключение нейтрального медиатора к процессу урегулирования тоже представляет взаимный интерес. Когда мы понимаем, что у посредников, принимающих сейчас участие в урегулировании, есть свои совершенно определенные – а иногда и неопределенные, что еще хуже – интересы в регионе, это значительно затрудняет процесс. И поиск такого в самом деле нейтрального посредника, мне кажется, в интересах обеих сторон.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что легко, конечно, призывать перейти в переговорном процессе на язык интересов, но выработать этот язык очень сложно. Каждой стороне необходимо провести серьезную аналитическую работу по выявлению реальных нужд, по выработке критериев национальных интересов и по определению обоснованности национальных притязаний, не говоря уже о попытке понять интересы противника. Однако, если такая работа начнется, то это создало бы более приемлемую атмосферу и более широкое пространство в переговорах. Есть все основания надеяться, что изучение и понимание абхазами и грузинами интересов и опасений друг друга будет способствовать отходу от непримиримых сталкивающихся позиций. С другой стороны, анализ интересов сторон позволит определить совместимые и общие интересы, ориентация на которые отвечает требованиям современного этапа урегулирования.

Использованная литература

1. *Фернандо Э. Кардозо.* Похвала искусству политики. *Journal of Democracy*, Vol. 7, 1996.
2. *Ариэль Коэн.* США, страны Центральной Азии и Кавказа: проблемы и перспективы взаимоотношений. «Центральная Азия и Кавказ», № 2 (8), 2000.
3. *Гия Нодиа.* Конфликт в Абхазии: национальные проекты и политические обстоятельства. В кн.: Грузины и абхазы. Путь к примирению. М., 1998.
4. *Гия Тархан-Моурави.* Грузино-абхазский конфликт в региональном контексте. Там же.
5. *Вячеслав Чирикба.* Грузия и Абхазия : предложения к конституционной модели. В кн.: Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии. М., 1999.

(После доклада Арды Инал-Ина проходила работа в малых группах по определению интересов сторон. Затем за дело взялся Джон Пол Ледерах, всемирно известный американский конфликтолог, профессор Eastern Mennonite University, автор Preparing for Peace и многих других книг о миротворческих процессах.)

Джон Пол Ледерах. Одной из важнейших задач при анализе конфликта является выявление самых значимых интересов сторон. Можно ли найти на более глубоком уровне те несколько ключевых интересов, удовлетворить которые было бы важнее всего? Давайте сделаем шаг вперед в нашей дискуссии: попробуем определить, можете ли вы выявить интересы, общие для обеих сторон. Позвольте мне назвать несколько интересов из тех, о которых мне довелось услышать, а вы скажете, согласны ли со мной.

Три интереса из услышанных мной заключаются в следующем: защита прав человека, защита демократических процессов и защита культурной и этнической идентичности. Это значимо для обеих сторон. Другими словами, и грузины, и абхазы хотят защитить права человека, демократические институты и процессы, а также свою культурную и этническую идентичность. Так ли это?

Нателла Акаба. Для абхазской стороны это верно. Я не знаю, так ли это для грузин.

Джон Пол Ледерах. Думаю, меня не так поняли, позвольте, я попытаюсь снова. Я не говорю о том, к чему стремятся стороны в отдельности.

Тинико Хидашели. Я согласна относительно первых двух интересов, но не уверена, что третий – защита культурной и этнической идентичности – является грузинским интересом.

Джон Пол Ледерах. Позвольте уточнить: грузины не заинтересованы в защите своей культурной и этнической идентичности?

Тинико Хидашели. Это не самое важное сегодня, не то, что мы стараемся защитить.

Джон Пол Ледерах. В отношениях с Россией, например, это не было бы важным?

Тинико Хидашели. Проблема культурной и этнической идентичности? Нет.

Давид Бердзенишвили. Я хочу уточнить, считают ли абхазы демократизацию важным интересом.

(Не слышно.)

Арда Инал-Ипа. Абхазия заинтересована в демократических процессах. Мне представляется очень сомнительным, что наше государство можно отстоять без этих процессов.

(Не слышно.)

Батал Кобахия. Когда мы в нашей малой группе говорили о том, что наша цель – строить независимое государство, мы четко понимали, чего ожидаем от признания мировым сообществом. Для нас особенно важно признание Западом нашей независимости. Трудно себе представить, что наше государство могут признать, если мы не будем соблюдать демократических принципов. Что касается собственности, то если мы еще не определились, как ее делить, это еще не значит, что мы не готовы к демократическим преобразованиям и ценностям.

Давид Бердзенишвили. Признаете ли вы частную собственность как необходимое условие государства?

(Ответы Батала и Нателлы не слышны.)

Джон Пол Ледерах. Посмотрим, понял ли я вас. Похоже, что общими можно считать только два интереса, а два других, вокруг которых завязалась некоторая дискуссия, общими считать нельзя. Давайте посмотрим: в самом ли деле два интереса представляются общими?

(Я назову их по-своему, но вы, возможно, захотите переформулировать по-своему.) Один – это защита того, что вы называете демократизацией или демократическим процессом и демократическими институтами. Другой – защита прав человека. Правильно ли это?

Леван Рамишвили. Это одно и то же.

Джон Пол Ледерах. Это может стать одной всеобъемлющей задачей.

Леван Рамишвили. А второй может стать демократический процесс и институты, которые смогли бы защитить права человека и обеспечить стабильность как в Грузии, так и в Абхазии.

Джон Пол Ледерах. Демократические институты бывают разные. Под правами человека обычно подразумевают конкретные документы, в которых зафиксированы индивидуальные и коллективные права. Эти права часто рассматриваются в отдельных документах, ориентированных либо на права личности, либо на коллективные права. Это можно рассматривать как один общий интерес. Есть ли еще что-нибудь из этого списка, что можно рассматривать как общий интерес?

(Не слышно.)

Джон Пол Ледерах. Безопасность и стабильность – это первое.

(Все говорят о безопасности.)

Джон Пол Ледерах. А что вы можете сказать по поводу интеграции в мировое сообщество? Было это в списках?

Пола Гарб. Мы высказываем свои личные представления или выражаем те интересы, которые, с нашей точки зрения, отражают мнение всего общества?

Джон Пол Ледерах. Чье мнение вы выражали, записывая эти интересы?

Нателла Акаба. Мы пытались думать с точки зрения общества.

Джон Пол Ледерах. Предположим, что выражались общественные интересы. Я тоже пытался выбрать из списка то, что может быть общим. Итак, стабильность и безопасность. Интеграция... Вообще-то, я не уверен, что правильно понял вашу формулировку интеграции, повторите ее, пожалуйста.

(Не слышно.)

Тенгиз Пачкория. Позиции абхазов и грузинских жителей Абхазии во многом совпадают. И те, и другие побаиваются, что нефтепроводы, газопроводы могут разрушить ту инфраструктуру, ту среду, ту ауру, которая была на побережье..

Батал Кобахия. Это точка зрения грузин.

(Не слышно.)

Батал Кобахия. Я не говорил о курортной ауре... У нас немножко разное отношение к родине...

(Не слышно.)

Джон Пол Ледерах. Итак, по поводу интеграции согласия нет?

Пола Гарб. Обе стороны против.

Джон Пол Ледерах. Давайте пойдем другим путем. Вернемся к общим интересам. Началась интересная, но сложная дискуссия. Сначала посмотрим, что получится у абхазов, затем – у грузин. Можем ли мы выявить 2-3 самых важных интереса? Начнем с абхазов.

Пола Гарб. Из тех, что обсуждались, или можно предложить что-то новое?

Джон Пол Ледерах. Нам будет интересно услышать что-то новое, лучше что-то конкретное. У нас четыре группы. Каждая представила свой вариант, слегка отличающийся от других. Подводя итог, пусть абхазская сторона выделит два-три основных интереса, а затем то же самое сделает грузинская сторона.

Олег Дамения. Обеспечение безопасности для национальной идентичности – не этнической, а национальной, в западном смысле слова, для всего населения. Это включает ресурсы, культуру, социальные и интеллектуальные вопросы.

Джон Пол Ледерах. Означает ли это демографическую сохранность?

Пола Гарб. Арда согласна с Олегом, и, когда она говорит о демографической безопасности, она имеет в виду именно абхазов.

Джон Пол Ледерах. Интересно.

Абесалом Лепсая. Национальная идентичность и демографическая проблема сводятся к тому, что перед абхазами стоит проблема выживания как физической единицы в современном мире. Стоит проблема сохранения абхазов как этноса, а не как гражданской нации, потому что такого понимания в Абхазии сегодня нет. Это понимание есть в основном в гражданском секторе, но в целом в обществе этого нет – есть этническое понимание. Поэтому для абхазов проблемы слились... Демократия понимается немножко абстрактно. На первом плане стоит борьба за признаки нации, за то, о чем (правда, по другому поводу) говорил Мамардашвили.

Джон Пол Ледерах. Вы все согласны с Абесаломом?

Нателла Акаба. Да, я согласна с Абесаломом.

Олег Дамения. Можно внести какие-то коррективы?

Нателла Акаба. Вы с ним не согласны, у вас другое видение. И я с вами не согласна. Мы должны сказать, что у нас разные точки зрения.

Даур Начкебия. Признание собственного независимого государства. Так как для нас, абхазов, главная задача – это выжить как народ, мы связываем это с реализацией идеи собственного государства. Мы упоминали о правах человека. Мы к этому стремимся, но сначала нужно укрепить государство, и тогда мы сможем говорить о демократии. Мы должны иметь гарантии, что выживем как народ. На данном этапе наш народ связывает эти гарантии с наличием собственного независимого государства. Нас часто упрекают в том, что мы хотим влиться в Россию или еще куда-то. Мы, может быть, и связываем наши интересы с Россией, но это не значит, что мы хотим стать частью России. Любая интеграция в форме общей государственности приведет к тому, что Россия даже может ускорить процесс исчезновения нашего народа. Поэтому на данном этапе на территории, называемой Абхазией, мы должны иметь возможность узнать себя, чтобы нас не дергали, не включали куда-то, не тянули за уши, чтобы мы сами смогли определиться.

Олег Дамения. Без участия тех людей, которые когда-то там жили...

Даур Начкебия. Это другой вопрос.

Нателла Акаба. Если эти люди готовы вернуться в Абхазию, которая не является частью Грузии, тогда они должны вернуться.

Тенгиз Пачкория. Почему вы навязываете свое мнение?

Нателла Акаба. Я не навязываю. Это мое личное мнение. Я говорю об интересах.

Джон Пол Ледерах. Посмотрим, понял ли я вас. Один пункт, по которому, кажется, найдено согласие только для Абхазии – это обеспечить выживание абхазского народа. Необходимость сохранить идентичность абхазской культуры и абхазский этнос как нацию. Есть и вариант – защита всех жителей Абхазии. (В основном имеется в виду защита в физическом смысле.) По этому пункту полной договоренности нет.

Нателла Акаба. Мне кажется, надо определить приоритетность – что является первым по значимости, а что вторым, но и то, и другое должно быть в списке.

Леван Рамишвили. Базис – это сохранение этнокультурной самобытности абхазов. Надстройка – это государство, которое, как сказала Арда, не может существовать, если не будет демократии.

Нателла Акаба. Это как раз принципиально, чтобы все люди, которые живут в Абхазии, хорошо себя чувствовали и были защищены, это и есть демократия и защита прав меньшинств и граждан.

(Не слышно.)

Тинико Хидашели. Самым главным интересом Грузии является построение собственного государства, вместе с Абхазией или без – это сегодня не самая главная проблема. Первое и главное – чтобы Грузия имела демократические институты, основанные на правах человека и верховенстве закона. Второе – чтобы она как можно быстрее и полнее интегрировалась в европейские или евроатлантические процессы. И третье – максимальная либерализация экономики и построение реальных институтов для рыночной экономики.

Тенгиз Пачкория. Я категорически не согласен с мнением Тинико о том, что не столь важно, будет Грузия с Абхазией или нет. Я изложу свое мнение:

- 1) сохранение или создание независимого государства (сейчас это государство только на бумаге),

- 2) восстановление территориального единства страны,
- 3) права человека в западном – самом широком – понимании этого слова.

Паата Закареишвили. То, что говорили Тинико и Тенгиз – отражение мнений, которые существуют в Грузии. Я считаю, что в кругу политиков, которые управляют государством, превалирует то, что говорит Тинико. То, что говорит Тенгиз, больше превалирует в населении, в основном среди беженцев. По-моему, большинство населения – это все-таки не беженцы, а те люди, которые формируют правительство, а в правительстве распространено первое мнение – понимание того, что необходимо как можно быстрее построить демократическое государство. Потом оно будет способно вернуть Абхазию или достойно с ней разобраться: или отпустить ее, достойно с ней разойтись или... *(смех)* заинтересовать, чтобы она вернулась в Грузию, чтобы создать единое государство. Только такая Грузия сможет это сделать. Самая главная задача – построить демократическое государство.

Леван Рамишвили. Я хочу добавить: необходимо обеспечить национальную безопасность. И с этой точки зрения, проблема Абхазии является актуальной и должна быть решена, потому что без стабильности вокруг Ингури невозможно осуществить ни международный проект трубопровода, ни другие проекты, с которыми наша политическая элита связывает построение жизнеспособного государства – полноправного члена международного сообщества.

Давид Бердзенишвили. Я согласен с тем, что говорили Тинико и Леван. Мне кажется, для той части грузинского общества, которая рассчитывает на то, что Шеварднадзе удастся реформировать грузинское общество настолько, что Грузия превратится в нормальное плюралистическое государство, и для части нашей политической элиты приоритетом, конечно, является создание плюралистического общества на базе того материала, который мы получили в наследство от советского прошлого. Мы сейчас имеем пеструю Грузию, советскую, постсоветскую. Перед нами стоит задача – сможем ли мы

превратить эту Грузию в плюралистическую или Грузия окажется неспособной в современных условиях глобализации создать приличное, нормальное общество и государство? Слава Богу, мы пока надеемся, что наши возможности неисчерпаемы, и мы не собираемся забирать Абхазию посредством России и вместе с абхазами быть опять... *(Не слышно.)* Но мне кажется, что даже те люди в грузинском обществе, которые считают, что демократическое государство и общество можно построить – трудно, но можно – и без разрешения абхазской проблемы, даже эти люди в абсолютном большинстве своем не снимают вопрос Абхазии с повестки дня, а просто переносят его на будущее. Будущая модель – это сосуществование Грузии и Абхазии. Какой будет эта модель, будет ли это единое государство или другая форма общего пространства – это вопрос будущего. Если из Грузии получится нормальное государство, гораздо больше шансов, что Абхазия будет в этом регионе ближе всех к Грузии.

Очень важный вопрос – проблема безопасности. Абхазскую проблему мы рассматриваем и в этом контексте, и, может быть, впервые в этом контексте. Раз Грузия собирается освободиться от военно-политического присутствия России, мы не можем смириться (пока эти возможности у нас не исчерпаны) с тем, чтобы Абхазия была плацдармом российского военно-политического влияния на Грузию и на весь Южный Кавказ. Надо рассматривать вопрос Абхазии и в этом контексте – в контексте грузинской безопасности. Грузинскую безопасность мы рассматриваем как безопасность от достаточно мощного империалистического натиска России – путинской России.

Нодар Сарджвеладзе. Я перечислю грузинские интересы:

- 1) сохранение или построение государственности,
- 2) безопасность,
- 3) соблюдение прав человека.

Джон Пол Ледерах. Мое понимание одного пункта, с которым все согласны, таково: это продолжение и защита процесса формирования государственности Грузии, что включает верховенство закона, демократические процессы и безопасность. Первоочередной ли это

интерес, с которым согласны все представители грузинской стороны? Если я понял ваши уточнения, то разногласия относительно грузино-абхазских отношений снимаются, когда вопрос об этих отношениях рассматривается в рамках этого процесса. Просто одни предпочитают решать этот вопрос раньше, другие – позже.

Тинико Хидашели. Мы не говорим, раньше или позже должен быть решен абхазский вопрос, мы говорим, что наше демократическое государство должно строиться независимо от того, как он решится.

Джон Пол Ледерах. Позвольте удостовериться, что правильно вас понял, так как я не уверен, что это как-то отличается от того, что говорил я. Итак, это приоритет, но он предполагает вопросы: “если” и “когда”.

Тинико Хидашели. Да.

Джон Пол Ледерах. Хорошо. Но по поводу процесса формирования государственности вы все согласны?

Грузинские участники. Да.

Джон Пол Ледерах. Есть ли другой вариант формулировки второго пункта, с которым все согласны?

Пола Гарб. Повторите, пожалуйста, еще раз.

Джон Пол Ледерах. С абхазской стороны есть два пункта. Мне интересно, есть ли и тут второй пункт.

Тинико Хидашели. Вторым пунктом была интеграция.

Джон Пол Ледерах. Интеграция в Евросоюз?

(Не слышно.)

Джон Пол Ледерах. Третьим пунктом грузинской стороны является либерализация экономики.

Смысл этого упражнения заключается в том, что если вы четко представляете интересы обеих сторон, вы можете формулировать вопросы так, чтобы увязывать эти интересы друг с другом. Это дает возможность думать о стратегическом развитии. Таким образом, на мой взгляд, происходит переход от мышления типа «или – или» к мышлению «и – и». Позвольте привести один несколько абсурдный пример. Вас спрашивают: «Хотите чего-нибудь холодненького или кофе?» Вы можете ответить: «Я бы выпил воды со льдом, так как мне хочется чего-нибудь холодного, но, вместе с тем, я хотел бы и кофе, потому что мне нравится его вкус». Можно ли выпить что-то прохладительное и при этом почувствовать вкус кофе? Вот тогда-то и придумали кофе со льдом. Итак, как совместить ваши два основных интереса? Каким образом можно обеспечить сохранение абхазской идентичности и одновременно поддерживать процесс развития государственности в Грузии? С точки зрения методологии, интересно понять, каким образом я вышел на этот вопрос. Если вы способны формулировать вопросы, объединяя два разных интереса, то когда вы приступите к разработке стратегии, стратегия будет должна отвечать на вопросы сразу обеих сторон. Так, например, вопрос, затронутый Леваном, по поводу европейских связей, можно сформулировать так: «Способствуют ли европейские связи демократическому развитию грузинской государственности и обеспечивают ли они при этом сохранение абхазской культурной идентичности?» Затем следует обсудить, соответствует ли этот конкретный подход вашим требованиям или стоит продумать другие вопросы.

Арда Инал-Ипа. Джон Пол сказал, что мы должны уточнить наши интересы и потом попытаться отойти от идеологии «или – или», то есть от фиксации на взаимоисключающих интересах двух сторон, к идеологии «и – и», предполагающей совмещение интересов. Он выделил основные интересы, которые мы обсудили, и сформулировал вопрос таким образом: «Как мы можем достичь выживания абхазов при развитии грузинского государства?». Леван тут же предложил

идею, что это можно сделать через вхождение, через интегрирование в Евроатлантический союз.

Леван Рамишвили. Что произойдет, если Грузия и Абхазия, вся эта территория, будет частью Европы и евроатлантического сообщества? Во-первых, демократические, европейские страны очень редко воюют между собой, то есть будет гарантия от агрессии со стороны грузинского большинства по отношению к малочисленному абхазскому народу. Во-вторых, в самой Абхазии будут соблюдены определенные гарантии для грузинского населения Абхазии и не будет фактора нестабильности из-за притеснения грузин в Абхазии или оттого, что в Тбилиси придут к власти националисты, которые развяжут новую войну. То есть будет достигнута определенная стабильность.

Тинико Хидашели. Эти две позиции, которые обозначил Джон Пол, не конфликтуют друг с другом, потому что демократическая Грузия уже сама по себе будет гарантом сохранения демографической или этнической идентичности абхазов, а будет ли это в составе Грузии, не в составе Грузии – это уже другой вопрос. Если в Грузии не будет демократии, она останется угрозой для Абхазии, даже если Абхазия будет независима от Грузии.

Нателла Акаба. К сожалению, не могу согласиться с Тинико, при всем моем уважении к демократическим ценностям и несмотря на мое желание им следовать. Боюсь, что демократия сама по себе отнюдь не обеспечивает выживания малых этносов. Наоборот, мы знаем, что в эпоху демократизации существует реальная угроза исчезновения этих этносов, потому что, как правление большинства, она очень опасна для малых этнических групп и нужны какие-то специальные защитные механизмы, институты, которые, к сожалению, пока совершенно не обсуждаются в грузинском обществе. И я пока не вижу и не слышу ничего такого, что давало бы мне надежду на то, что интересы абхазов и их право на существование как этнической группы будут защищены. Меня немножко пугает, когда мы так абсолютизируем демократию, думая, что она сама может решить какие-то проблемы. Я думаю, что это совсем не так.

Тинико Хидашели. Абсолютно с вами согласна.

Паата Закареишвили. Я немножко не согласен с последним заявлением Тинико. Демократия – это не цель, а процесс. Демократическое государство – это государство, которое признает, что любые вопросы можно решить на уровне общественного договора. Поэтому я уверен, что если государство будет на самом деле демократическое – не фасад, не обман для набирания очков и получения инвестиций, то оно будет способно разрешить почти любые конфликтные ситуации. Если мы рассчитываем на интеграцию в Европейский Союз, то самый лучший вариант для Грузии – сегодня же начать выполнять каждое условие, необходимое для вступления в Европейский Союз. В лучшем случае нас примут лет через 15. Одним из условий будет – найти общий язык с абхазами. Конфликт с Абхазией разрешится не в результате вступления в Европейский Союз, наоборот: вступление в Европейский Союз будет результатом разрешения конфликта с Абхазией.

Даур Начкебия. Здесь говорят, что Грузия станет привлекательной для Абхазии, построит демократическое правовое государство. Мне кажется, что это, в некотором роде, самообман. (Пусть не обижаются те, кто высказал такое мнение.) Почему, если Грузия способна построить демократическое правовое государство, мы, абхазы, не сможем этого сделать, не учась у них? Нам для этого обязательно быть в составе Грузии? Не обязательно.

Нателла Акаба. Но теоретически мы можем захотеть.

Даур Начкебия. Мы можем захотеть, но я думаю, что не захотим. Потому что никакие демократические институты в мире, как говорила Нателла, не могут пока защитить нас от, грубо говоря, биологических процессов – смешения, ассимиляции и т.п. Я не говорю, что надо изолировать Абхазию, чтобы она варилась в собственном соку, но все равно, демократия, даже самое лучшее правовое государство, не сможет остановить естественных процессов смешения народов, при которых малочисленный народ сам собой тонет, исчезает в более многочисленном народе. Поэтому для абхазов эта ситуация в не-

котором роде тупиковая. Я повторяю: мне кажется, что только жизнь в собственных государствах может продлить наше сосуществование. Если завтра Грузия станет самым лучшим государством, мы все равно не можем в него войти, потому что пойдет естественный процесс, вследствие которого за год будет ассимилирован Гальский район, через год Очамчирский район, еще через год Сухум, и т.д. – естественный биологический процесс, при котором один вид исчезает сам собой, без злого умысла кого-то извне.

Нодар Сарджвеладзе. Я хочу сказать, что вопрос был поставлен так: как могут абхазы сохранить свой этнос и идентичность и одновременно состоять в рамках грузинского государства? Я считаю, что надежда на то, что демократические институты автоматически все решат – это фантазия. Вторая фантазия (не обижайтесь) – Евросоюз, потому что Паата прав: не от нас зависит, примут нас или не примут. Поэтому я считаю, что этот вопрос должен решаться на собственных ресурсах – внутри грузинского и абхазского сообществ. Поэтому надо создать общее грузино-абхазское государство. Потому что и Грузия, и Абхазия стоят перед задачей построить общее государство. Создание общего государства удовлетворяет интересы обеих сторон: обе стороны будут иметь государство, где оба народа сохранят свои неповторимость и культурную идентичность.

Эмзар Джгереная. У меня впечатление, что абхазы хотят строить моноэтническое государство, а апелляцию грузинской стороны к правам человека воспринимают как капкан для новой оккупации. Поэтому, это основная их мотивация. Когда мы говорим о правах человека, это подразумевает возвращение беженцев, а это воспринимается как возвращение к тем реалиям, которые были до войны. Я понимаю – это страх. Я думаю, что в данный момент картина именно такая.

Нателла Акаба. Реально это или нет?

Эмзар Джгереная. Не знаю, может быть.

Даур Начкебия. Часть нашего народа находится за морем. Надо включить и этих беженцев, которые хотят вернуться домой. Дадут им статус беженцев, тогда проблема будет легче решаться и для грузинских беженцев.

Давид Бердзенишвили. Часто и на наших встречах, и в разных публикациях присутствует вопрос махаджиров. Наверное, абхазской стороне трудно нас понять, но, тем не менее, мы искренне отвечаем, что мы не против того, чтобы вернуть махаджиров – сколько удастся. Я часто об этом говорю. Что касается того, что репатриация – это сложный процесс, это ваша проблема, в случае необходимости мы сможем помочь. Существует адресат, который провел эту депортацию – это Россия, правопреемница и царской России, и Советского Союза по своему гимну, гербу и флагу. Не мы адресаты решения этой проблемы. Но мы можем способствовать решению.

Относительно того, что говорила Нателла. Демократизация обществ в Европе на зачаточной стадии, действительно, в значительной степени была связана с ассимиляцией малых народов на тех территориях, где создавались национальные государства. Демократические институты способствовали ассимиляции. Но те народы, которые спаслись, уже во второй половине XX века, особенно в третьем тысячелетии, всё больше и больше обретают механизмы защиты. Есть Страна Басков, которая защищена своими полномочиями. Они сами так говорят. Даже басконские национал-сепаратисты говорят, что баски не должны бы иметь столько полномочий в составе Испании: Баскония просто не должна быть в составе Испании. Но, тем не менее, последние 20 лет идет процесс реформирования испанского общества, и всё больше басков голосуют за другие партии, за интеграцию и одновременно за сохранение своей идентичности.

У басков есть одно серьезное преимущество – это Евросоюз и Совет регионов. Баски не находятся один на один с Испанией. Испания – очень демократическая страна, но существует и Евросоюз.

Есть другой вариант, в той же Европе – Люксембург. (Я беру страну, соразмерную Абхазии.) Валюта там бельгийская, на международной арене его интересы, как правило, представляет Бельгия. Правда,

Люксембург имеет право представлять себя как субъект международного права там, где у него имеются особые интересы.

Я не исключаю возможности и такого решения грузино-абхазской проблемы, т. е. создание государственности со многими механизмами защиты идентичности абхазов, но все это, как и многое другое, зависит от уровня демократизации Грузии, а в значительной мере и Абхазии.

Мы, наверно, все согласны с тем, что при нынешних условиях в течение нескольких лет решения грузино-абхазской проблемы не будет. Сегодняшняя наша работа может стать инвестицией в будущее наших отношений – а вдруг из наших стран получатся нормальные демократические общества. Если получатся, тогда возможных вариантов очень много – как в едином государстве, так и в ассоциированном, которое будет решать обе проблемы: и проблему государственности Грузии, и проблему сохранения идентичности абхазов. Не обязательно должно случиться так, что раз абхазский народ малочисленный, то рано или поздно грузинский народ его ассимилирует. Во-первых, Грузия, слава Богу, исторически не обладает серьезными возможностями для ассимиляции. Даже те национальные меньшинства Грузии, которые в ней проживают – и курды, и азербайджанцы, и армяне – сохраняют свою этническую принадлежность. Что касается абхазов, то между нами такая разница в традициях, в истории, что нет особой возможности и особой нужды их ассимилировать, тем более, что такой болезненный процесс не в наших интересах.

До тех пор, пока грузинские и абхазские векторы развития не будут совместимыми, нормального решения этой проблемы не будет. Есть решение проблемы в рамках обновленной Российской империи или в рамках какого-то другого сообщества, где насилие является рычагом давления, псевдорешением этой проблемы. Поэтому у нас такая сложная ситуация. С одной стороны, необходимым условием является демократизация наших обществ, создание серьезных демократических институтов – это длительный процесс. С другой стороны, снижение той отчужденности, которая существует между нашими народами. Потом должожители-беженцы, которые еще будут живы, вернуться со своими семьями в Абхазию и будут чувствовать себя там как дома.

Тенгиз Пачкория. Сегодня в нескольких выступлениях прозвучала мысль о том, что в грузинском обществе и среди грузинских политиков якобы возникли предпосылки для возможного признания абхазской независимости. Как сказал Эмзар, «смутные предпосылки». Визуально это вроде бы так. Но согласиться с этим нельзя: потерю остроты абхазской проблемы в грузинском обществе и появление равнодушия у части политиков никак нельзя считать предпосылками. Я объясняю это равнодушие тем, что руководство Грузии не смогло разрешить ни геополитические, ни внутривнутриполитические аспекты урегулирования абхазского конфликта – и не только не смогло разрешить, но даже и не приблизилось к разрешению. Поэтому, на мой взгляд, и у некоторых членов нашей делегации возникло ощущение, что неразрешенность абхазского конфликта мешает развитию Грузии, созданию грузинской государственности, утверждению демократии и рыночной экономики. Эта мысль прозвучала и на предыдущей, тбилисской встрече в выступлении г-на Чиаберашвили. Именно в этом разрезе я рассматриваю и апелляцию уважаемого Левана к великому канцлеру Конраду Аденауэру. Но Грузия не может позволить себе такой роскоши, которую позволила себе Западная Германия в совершенно другой исторической обстановке – там тогда была совершенно другая ситуация, у Германии были другие рычаги и перспективы.

Я считаю заблуждением и то, что, избавившись от абхазской проблемы и «отпустив» абхазов, Грузия сможет построить сильное демократическое государство. Ведь те внешние силы, которые, грубо говоря, использовали абхазов как дубинку с целью оказания давления на Грузию, для удержания ее в сфере своего влияния, эти силы не оставят ее в покое, даже если мы отпустим абхазов – тем более не оставят. Я уверен, что эти силы задействуют другие рычаги, в том числе этнические, они не остановятся на отторжении Абхазии и будут стремиться оторвать от Грузии и другие регионы – Самегрело, Аджарию и т.д.

То, что эти силы использовали абхазов как дубинку против Грузии, признавали и такие известные абхазские политические деятели, как Зураб Ачба и Леонид Лакербая. Кстати, еще 4 года назад Зураб Ачба заявлял, что надежды на абхазскую независимость носят “аб-

солютно иллюзорный характер”, указав на то, что никто не признает Абхазию независимым государством.

Я согласен с Эмзаром Джгерена в том, что прозападная политика руководства Грузии – это не прихоть отдельных политиков, а прагматическое стремление влиятельных кругов грузинского государства. В этом Эмзар прав больше, чем Збигнев Бжезинский, который месяц назад в интервью ряду грузинских СМИ заявил, что “большинство населения Грузии стремится в НАТО”. Бжезинский не назвал источники информации, которые позволили ему сделать такой весьма спорный вывод.

Что же касается западной ориентации руководства Грузии, то, на мой взгляд, в последние годы оно фактически ничего не сделало для того, чтобы реально начать строительство государства западного образца ни в сфере экономики, ни в сфере обороны, приближения к стандартам НАТО. Более того, своей непоследовательной политикой оно в определенной степени фактически дискредитировало среди части населения Грузии эту ориентацию на Запад.

Не лучше вели себя и те политики, которые ратовали за восстановление Советского Союза, проповедовали большевистские лозунги, те, кто праздновал день установления советской власти в Грузии. Они, наверно, не понимают, что подобными лозунгами и призывами они отталкивают от себя ту часть грузинского общества, которая искренне желает иметь ориентацию на Россию. Я считаю (и я здесь не оригинален), что урегулирование абхазского конфликта невозможно без разрешения геополитического спора и противостояния между Россией и США на Кавказе.

Джон Пол Ледерах. Мои наблюдения касаются того, что вы рассматриваете как часть вашей текущей работы, и может быть, даже включите в совместный отчет. Мое первое наблюдение состоит в том, что три интереса сторон совпали. Это – защита прав человека, развитие демократических процессов и институтов и поддержание стабильности и безопасности.

Я считаю, что, взятые вместе, эти три пункта могут положить начало списку тех принципов или критериев, который может быть согласован между двумя сторонами. Они могли бы лечь в основу опе-

ративной системы критериев или принципов миростроительства и отношений между абхазами и грузинами.

Второе мое наблюдение: когда вы ведете дискуссию об интересах, иногда рождаются новые способы их формулирования. Меня заинтересовала одна из ваших реплик, в которой некоторые интересы были объединены по-новому. Согласно моей записи, фраза была следующей: “Как сосуществовать народам, пока будет происходить формирование демократических государств в Грузии и в Абхазии?” Я нахожу такую формулировку любопытной, поскольку она указывает на ориентацию процесса – то есть, что в то время, когда обе стороны будут заняты построением демократии, вы будете вести поиск определенных форм взаимоотношений.

Один из комментариев, который мне хотелось бы сделать по поводу этой части, можно отнести к разделу методологии. Методология ставит перед собой задачу – как вести поиск комбинирования групп интересов. Я просто хочу повторить, что один из способов работы с различными группами интересов заключается в том, чтобы правильно сформулировать вопрос. В данной методологии его удачно сформулировали как вопрос о способе одновременного осуществления действия А и действия Б. Конфликты всегда имеют тенденцию подталкивать к несовместимым вещам. Динамика конфликта толкает вас в противоположных направлениях – к разделению: если абхазы хотят того-то, то нам это однозначно не подходит, мы хотим другого; если грузины хотят того-то, то, без сомнения, нам это не нужно, мы хотим вот то. Задача переформулировки заключается в том, как признать, что если две вещи разные, это еще не значит, что они несовместимы. Необходимо найти творческий способ их увязывать их друг с другом.

Третье наблюдение имеет отношение к тому, что, на мой взгляд, характерно для обеих сторон. Но должен сказать, вы можете не согласиться с тем, как я об этом скажу. Вчера мы сформулировали круг интересов в следующем вопросе: “Каким образом можно было бы сохранить абхазскую идентичность и в то же время продвинуть процесс формирования грузинской государственности?” Но мы не проговорили так же четко, что то же можно сделать и не выходя из круга интересов абхазской стороны. Как я понял, резюме двух приоритет-

ных интересов абхазской стороны были следующими: первый заключался в “выживании абхазской идентичности и культуры», а второй в «защите всех гражданских прав, защите всех жителей Абхазии”. Я полагаю, что смысл следующей формулировки устраивает и Грузию, и Абхазию: “Как обеспечить защиту абхазской идентичности и в то же время защитить всех жителей Абхазии?”

Вот еще одно наблюдение: обе группы испытывают схожие трудности, внутренние и внешние одновременно. Вот вопрос: как, создавая демократические структуры, защищать при этом различные меньшинства, находящиеся на определенной территории? Такой вопрос применим по отношению к обеим группам. Иначе говоря, это не является проблемой исключительно одной группы. Фактически, можно сказать, что успех одной группы в этой области способствует успеху другой группы. Хочешь помочь себе – помоги другому. Это и были три мои наблюдения для начала дискуссии.

Эмзар Джгереная. Интересы, которые мы здесь пытаемся сформулировать, детерминированы нашими страхами. У нас есть страхи, и наши интересы формируются нашими страхами. Мне кажется, иногда бывает лучше описать наши страхи, чтобы увидеть глубину интересов. Может быть, нам лучше говорить о страхах? Как вы думаете?

Джон Пол Ледерах. Вы спрашиваете, будет ли полезно более целенаправленно высказаться об опасениях, которые могут лежать в основе интересов?

Эмзар Джгереная. Да.

Джон Пол Ледерах. Страхи легче разглядеть – в отличие от интересов, страхи лежат на поверхности?

Эмзар Джгереная. Да.

Джон Пол Ледерах. Ну, я думаю, что страхи заложены на очень глубоком уровне. Они коренятся как в психологии отдельных лиц, так и в психологии групп. Страхи часто побуждают нас к действиям, кото-

рых мы сами не до конца понимаем. Когда мы находим способ выражения страхов, это дает нам возможность их распознать и не быть заложником этих страхов. Я тоже думаю, что изучение страхов может быть очень полезно, хотя страхам свойственно подчеркивать негативное. Интересы, если они выражены в позитивной форме, обладают большей силой.

Позвольте привести конкретный пример. Стремление обеспечить выживание абхазской культуры сильно связано со страхом потерять свою культуру. То есть, всегда можно найти выражение значимых устремлений в виде позитивных интересов, побуждающих к активным действиям. Например, как позитивно усилить и поддержать абхазскую идентичность и культуру? Как видите, идея та же, но она направлена на активный процесс. Интересы можно формулировать множеством способов, и одна из задач методологии заключается в поиске наиболее продуктивного способа, который обеспечит наибольшую пользу для дела, которым вы занимаетесь. Мне часто приходилось работать со страхами, но никогда не обходилось без обращения к надеждам, потому что они уравновешивают страхи.

Нателла Акаба. Существует мы, грузины и абхазы, но в этом пространстве существуют и другие игроки. Столкновение их интересов очень сильно влияет на динамику конфликта. Как примирить интересы внешних игроков?

Батал Кобахия. С помощью нефтепровода. *(Смех.)*

Джон Пол Ледерах. Я набросаю рисунок. То, что вы здесь описываете – это двусторонние взаимоотношения абхазов и грузин. То есть, у вас есть две стороны. Но внутри Грузии и Абхазии существуют и другие, меньшие группы, которые усложняют картину. И внутри регионов, и в глобальном контексте существуют другие группы, которые воздействуют на то, что вы делаете и как мыслите. Такая картина это гораздо ближе к той реальности, с которой вы имеете дело.

По-моему, чтобы ответить на свой вопрос по поводу внешних сил, вы можете проделать упражнение вроде тех, что мы с вами уже проделали, и попытаться понять их мотивирующие интересы. Когда

вы обнаружите определенные, общие для всех интересы, вы приблизитесь к идее стратегического “что”. Другими словами, всегда есть нечто, что может объединить людей. Правда, полностью понять мотивационные факторы внешних групп гораздо сложнее.

Я думаю, важно помнить, что ваши действия, действия грузин и абхазов, не должны полностью зависеть от действий или интересов внешних групп. Т.е. не следует считать, что если они не согласны с тем, что вы делаете, то вы не сможете ничего сделать. Лично я верю, что более устойчивые процессы миростроительства исходят от тех, кому проблема ближе всего. Решения или давление, исходящие извне, могут повлиять на происходящее, но, в конечном счете, именно тем, кого это касается больше всего, придется жить с этими решениями.

Я могу привести такой пример. В Центральной Америке 80-х годов чувствовалось влияние внешних акторов – таких, как Соединенные Штаты, Куба, Советский Союз. Многие думали, что никакие усилия, исходящие изнутри самого региона, не смогут изменить ситуацию до тех пор, пока ее не решат изменить мощные внешние силы. Попытки со стороны других стран Латинской Америки – Мексики, Аргентины, Эквадора и Бразилии (они называли это движение *Escípulas*) – воздействовать на войны в Никарагуа, Сальвадоре и Гватемале оказались тщетными.

В конечном счете, миротворческий процесс в этом регионе стал развиваться внутри самих государств, несмотря даже на то, что эти мирные инициативы не особенно нравились Соединенным Штатам. Этот пример показывает, что когда сам народ решает взять инициативу в свои руки и осуществить свои намерения, это и вправду может повлиять на сверхдержавы. Мы часто руководствуемся противоположным представлением, думая, что невозможно ничего осуществить, пока этого не допустят великие державы. Надежность миростроительства может быть обеспечена, когда этот процесс зарождается именно в том контексте, где он должен происходить и развиваться. В этом случае процесс зачастую оказывается настолько жизнеспособным, что его воздействие на ситуацию превышает всяческие ожидания. Не знаю, ответил ли я на ваш вопрос. Вы, может быть, представляете себе это по-другому.

Даур Начкебия. Кто явился инициатором мирного процесса в тех странах, лидеры или простой народ?

Джон Пол Ледерах. И те, и другие. Процесс проходил в рамках так называемого Центральноамериканского плана, или плана Оскара Ариаса. Ариас был президентом Коста-Рики, и план был инициирован в президентском офисе в Коста-Рике. Были приглашены к участию четыре других государства этого региона – Сальвадор, Гондурас, Никарагуа и Гватемала. План предполагал два принципа. Принцип первый: все усилия должны быть общерегиональными. Принцип второй: каждое государство само отвечает за внутренний мирный процесс. Каждое государство должно было учредить свою Национальную комиссию примирения, а также назначить время, когда будет объявлено перемирие и ряд других мер, направленных на прекращение войн. Там не было универсального рецепта для всех государств. Например, в Никарагуа была создана структура по национальному примирению, в которой работали комиссии на трех уровнях – в руководстве, в среднем звене и на уровне масс. Таким образом, по всей стране на каждом уровне велась работа по расширению мирного процесса. В Гватемале процесс, в основном, проходил на государственном уровне. В каждом государстве шел свой особый процесс, но при этом осуществлялась координация в масштабах всего региона.

Пола Гарб. Все это начиналось сверху? Комиссии создавались сверху или по инициативе народа?

Джон Пол Ледерах. В каждой стране по-разному. В Никарагуа, например, был толчок снизу, из народных масс.

Батал Кобахия. Но благословение сверху, наверное, все-таки было.

Пола Гарб. Это власти создавали комиссии и санкционировали мирное движение?

Джон Пол Ледерах. Это зависело от ситуации. Я не могу сказать «да», потому что в Никарагуа, например, было по-другому – там ме-

стные комиссии, в основном, инициировались неправительственными организациями: там уже существовали организации, которые впоследствии влились в структуру.

И последний комментарий. Этот региональный план работал на принципах прозрачности и синхронности. Прозрачность помогала удостовериться в том, что каждое государство выполняет взятые на себя обязательства. А синхронность обеспечивалась графиком, по которому определенные действия в разных государствах происходили одновременно. Принципы сработали хорошо, и, несмотря на множество разъединяющих факторов, процесс продвигался вперед.

Вы, должно быть, помните, что Никарагуа воспринималось как государство, близкое к Кубе и Советскому Союзу, а оппозиция в Никарагуа финансировалась Соединенными Штатами. А в Сальвадоре правительство было близко к Соединенным Штатам, но считалось, что оппозиция финансировалась Советским Союзом. Конечно же, имело место внешнее давление, но ситуацию трансформировало усилие, возникшее внутри контекста, а не вне его.

Нодар Сарджвеладзе. Я хочу вернуться к нашему проекту и к нашему положению. Никарагуа для нас пример, но главное то, что происходит у нас. Как я понял, за короткий период наш дорогой гость нашел какую-то формулу наших взаимоотношений. У меня сложилось впечатление, что в результате этих поисков была найдена правильная или новая формулировка вопроса – в чем задача Грузии и задача Абхазии. Я пришел к выводу, что стратегические «что» – это новый вариант хорошей постановки самого вопроса. Например, был задан вопрос о том, как можно сохранить свою абхазскую идентичность и при этом жить в одном государстве с грузинами. Видимо, даже хорошо поставленный вопрос о том, что такое наше стратегическое «что», еще не определяет того, как мы будем действовать. То есть, надо найти стратегические «как», а не только стратегические «кто» и «что». Я не могу найти в этой схеме это стратегическое «как». Как его найти, какова технология? Перед моими глазами предстала тонкая картина нахождения стратегического «что», стратегического «кто», но мне кажется, стоит поискать стратегические «как». Есть ли в вашей схеме ответ на мой вопрос? Сколько стоит это «как»? *(Смех)*

Джон Пол Ледерах
Восточный меннонитский университет

СТРАТЕГИИ МИРОСТРОИТЕЛЬСТВА В ТЕОРИИ И НА ПРАКТИКЕ

Первая часть моей презентации посвящена некоторым размышлениям о процессе перемен. Речь будет идти о вашей конкретной группе и о других таких группах. Для этого нам придется подискутировать. А вторая часть будет посвящена тому, как усилить стратегическое влияние деятельности группы на ситуацию.

Итак, начинаем первую часть. Я полагаю, что вы участвуете в этой группе потому, что заинтересованы в изменении настоящего положения дел между Грузией и Абхазией. А вопрос, с которого мне хотелось бы начать и на который хотелось бы услышать ваши ответы, относится к пониманию вами процесса перемен. Другими словами: что и как меняется? Если угодно, сформулируем вопрос более академически: какова ваша теория перемен? Или более конкретно: как ваше участие в работе этой группы что-то изменяет в абхазско-грузинских взаимоотношениях?

Нагелла Акаба. Мне кажется, что после того, как мы начали участвовать в этом проекте, в Абхазии началась определенная дискуссия по вопросу грузино-абхазских отношений. К тому, чем мы занимаемся, отношение разное. Не все это приветствуют, но большинство реагирует, на мой взгляд, сдержанно и позитивно. Это уже какой-то результат. Кроме того, появление наших статей в сборниках, которые довольно широко циркулируют в обществе (мы стараемся, чтобы это было так), способствует тому, что люди начинают переосмысливать проблему и, может быть, уходят от догматизма и единомыслия в этой сфере. Благодаря этому проекту, мы стали ездить друг к другу. Грузины приезжали в Абхазию и встречались там с учеными, общественными деятелями. Это было очень нелегко, но это было. Мне кажется, что вторая встреча произойдет на более высоком уровне. Абхазские участники тоже посетили Тбилиси, выступали по телевидению. Это вызвало резонанс в абхазском обществе. Не знаю, был ли резонанс в грузинском обществе, но в абхазском – был.

Нодар Сарджвеладзе. Я тоже хочу сказать о своем личном опыте. Участие в работе этого проекта всегда дает какой-то импульс. Например, я лично проводил множество бесед с беженцами по поводу народной дипломатии, примирения и т.д., проводил по этим темам фокус-группы. Конечно, это исследовательская работа, но одновременно это создает и общественное мнение. Ибо такие вопросы дискутируются редко. А дискуссия уже как бы формирует мнение беженцев. Это очень важно. Еще из моего личного опыта: благодаря импульсу, который я получил здесь два года назад, мне удалось организовать встречу старейшин – пожилых абхазов и грузин, они встречались как раз в Сочи. Это была практически первая встреча на таком уровне без медиатора извне. Я сам был медиатором совместно с абхазским коллегой. Потом эти старейшины встретились еще раз, уже без моего участия, то есть я им помогал, но встретились они уже без меня и обсуждали все с глазу на глаз. Сейчас они хотят встретиться в третий раз. Таков мой опыт.

Этот проект влияет на каждого из нас, а мы, со своей стороны, как можем, влияем на наше окружение. Но масштабы влияния мне трудно измерить. В перерыве, например, Тенгиз говорил о масштабах влияния и даже упоминал о том, что высокопоставленные чиновники читают наши сборники, что в их речах проскальзывают какие-то вычитанные в них идеи, то есть своеобразное влияние есть. Но я не могу проследить это лично. Другие, может быть, видят более тонкие изменения.

Батал Кобахия. Я абсолютно согласен с тем, что говорит Нателла, добавлю только одно. Наши встречи (и не только в рамках этого проекта, а вообще в переговорном процессе на неофициальном уровне) дают понять властям, тем, кто имеет официальные мандаты на ведение переговоров, что инициатива может идти и снизу, что общество вправе влиять на принятие решений в переговорном процессе. В какой-то период наблюдалось определенное неприятие, сопротивление, нас убеждали, что это дело властей и что мы должны им довериться, нас уверяли: это ваша власть, ваше государство, и никто никогда не обманет ваши ожидания. Но сегодня уже и общество, и власти понимают, что мы не собираемся уходить от ответственности, когда кто-

то как-то собирается решить нашу судьбу, и что мы хотим, чтобы переговорный процесс был прозрачным. То, что мы делаем, наши сборники, наши публикации, дискуссии на телевидении – это пример того, насколько должен быть прозрачным сам переговорный процесс. Этого нет на официальном уровне, поэтому мы очень мало знаем о том, что там происходит. Я сейчас не буду приводить примеры неинформированности общества о встречах на официальном уровне. Порой власти ограничиваются лишь небольшой информацией о том, что там-то и там-то встретилось энное количество людей и кое-что обсудили. Мы же даем очень много информации.

Олег Дамения. Я хотел бы кое-что добавить к тому, что сказали мои коллеги. Через подобного рода мероприятия мы имеем возможность сохранить способность мыслить и осмысливать реалии в условиях, в которых мы живем. Мы живем в опасной ситуации, когда тоталитарная форма интеллектуальной жизни может вернуться к нам вновь через какие-то другие механизмы, когда самосознание общества формируется известными нам рычагами. Сегодня такая тенденция есть – понимание реалий формируется сверху и навязывается обществу. А мы теперь сами пытаемся быть участниками этого процесса и формировать свое понимание или свою теорию происходящих процессов. Если, скажем, мысленно оценить ситуацию, то в Абхазии тоже просматривается определенная трансформация самосознания абхазского общества.

Тенгиз Пачкория. О том, какое влияние оказывает это на рядовых граждан, политических деятелей и тех, кто вообще интересуется этой тематикой. Нателла говорила, что последняя встреча в Тбилиси в ноябре прошлого года и телевизионная запись вызвали большой интерес в Сухуми. Не меньший, а может, и больший интерес это вызвало в Тбилиси. Эта передача была несколько раз показана по второму каналу телевидения, притом в довольно удобное вечернее время. Кроме того, очень важно, что материалы этих встреч публикуются. Они потом изучаются, насколько мне известно, многими политиками и должностными лицами высокого ранга, притом весьма тщательно. (Насколько я знаю, руководством страны тоже.) Следует отме-

титель, что это очень важный момент, потому что если бы эти материалы не публиковались, если каждый участник по-своему, в сокращенном виде, рассказывал бы о встречах, в целом картина была бы неясна. Я это знаю, потому что многие политики, мои коллеги, беженцы, просто знакомые, узнав, что состоялась встреча, очень часто звонят и расспрашивают меня, просят поделиться впечатлениями, зная, что в газетной статье я всё изложить не могу – это невозможно. Притом интересуются буквально всем: и просто мыслями, и личными контактами между участниками встречи. Иногда передают приветы буквально всем. Некоторые интересуются, как выглядит та или иная участница встречи. *(Смех.)* Эти встречи, может быть, не решают проблему кардинально, но несут гораздо больше нагрузки, чем официальные переговоры. Это без сомнения. Здесь нет той скованности, которая есть на тех переговорах. Поэтому я уже три года не езжу на переговоры официального характера. Просто не очень интересно.

В заключение скажу, что эти встречи не проходят бесследно: они дают хорошую пищу для зарубежных ученых и политологов, которые будут потом писать диссертации.

Паата Закареишвили. Эффект эти встречи имеют. По тому, как реагирует общественность на наши встречи, особенно по степени интереса, который вызывают наши сборники, можно судить, насколько важна в обществе абхазская тема. Я убеждаюсь, что эта тема не так уж и важна, потому что наши книги читают в основном беженцы и правительство в изгнании. Читают очень критически. Когда я с ними встречаюсь, сразу вижу – читали, потому что начинают критиковать. Говорят: почему ты сказал так или этак, что имел в виду? Положительных оценок с их стороны обычно нет. Я спрашиваю: неужели там для вас больше ничего интересного не было? Я раздаю эти книги на довольно высоком уровне – и в канцелярии президента, и в парламенте, но когда прихожу туда через месяц, сборники так же лежат на полках. У грузинских лидеров, депутатов, политиков нет времени, чтобы читать книги о грузино-абхазской проблеме. Но если у них спросить, занимается ли кто-нибудь этим конфликтом на общественном уровне, в третьем секторе, они скажут, что да, что они знают, что есть такие люди, и расскажут вам много сказок о том, как

это полезно, нужно и эффективно. Но они на нас никогда не выходят, никогда не интересуются нашим мнением. Когда мы к ним приходим, они очень уважительно слушают и делают вид, что им интересно. Скорее всего – из вежливости. Так что эта тема для сегодняшней Грузии, для грузинских политиков, не является основной, важнейшей.

Тинико Хидашели. Немного добавлю к тому, что сказал Паата. Абсолютно с ним согласна. Существует разница между влиянием этой деятельности в абхазском обществе и в грузинском. Мы в Грузии можем использовать все существующие методы, чтобы донести до общества информацию об этих встречах: газеты, телевидение. Проблема в том, что, как сказал Паата, в Грузии интерес к нашей деятельности проявляется слабее, потому что общество в Абхазии гораздо меньше, и адресатов этой информации тоже гораздо меньше, чем в Грузии. То есть наши абхазские коллеги могут влиять на общество больше, чем мы, но мы, я думаю, можем использовать больше средств для влияния. Если кому-то интересно, в Грузии можно писать и говорить о чем угодно, просто никто не станет читать и слушать – никому это не интересно и не важно.

Арда Инал-Ипа. В рамках этого проекта мы впервые, параллельно с Нодаром, провели очень небольшой социологический опрос по поводу реакции населения на визит абхазского президента Ардзинба в Тбилиси. Результаты показали, что большинство людей отнеслись к этому событию с достаточным пониманием. Я ожидала гораздо более жесткого отношения к визиту. Это один пример. Все эти книги, статьи помогли общественному сознанию абхазов разглядеть за маской, схемой грузина-противника какие-то реальные черты. Человек с той стороны уже имеет человеческое лицо. Многие уже знают участников проекта по именам, по фамилиям, по позициям. Многие стараются даже следить за публикациями на эту тему не только по нашим сборникам, но и по газете “Кавказский акцент” – там бывают очень интересные статьи. Таким образом, во многом благодаря этому проекту, видение стало более реальным, не схематичным, как было сразу после войны.

Джон Пол Ледерах. Теперь позвольте мне проиллюстрировать ваше понимание теории, на которой вы основываете свои действия. После этого я поговорю об оценке того, как осмыслить стратегический результат воздействия (impact).

Итак, давайте сначала рассмотрим несколько ваших теорий и попробуем облечь их в формулировки. Например: рост неформальных связей между гражданами обеих сторон увеличит степень доверия, углубит комплексное понимание конфликта. При внедрении такого понимания в соответствующие сообщества сократится, понизится степень догматизма и узкого мышления. Это подготавливает общество к вступлению в новые отношения с другой стороной. Вот это уже теория перемен: влияние малой группы перерастает во влияние уже большей группы.

У вас есть и другие теории. Например, кто-то сказал, что с увеличением числа граждан, участвующих в процессе урегулирования, возрастает его прозрачность, руководство становится более ответственным и подотчетным. Другой участник выразился слегка иначе: рост открытости общества, благодаря телевидению и средствам массовой информации, способствует развитию альтернативной модели, на которую руководство должно как-то отреагировать. Другими словами, руководство уже не может действовать так, как действовало бы в иной ситуации. Согласно этой теории, если люди, участвующие в миротворчестве, появляются на экране и открыто выступают, то публика сама начинает требовать больше прозрачности и от своего руководства. Поэтому правители, чтобы определить свою тактику, желают знать, что происходит в таких группах.

Менее чем за 20 минут мы поставили столько важных вопросов, что их хватит на несколько диссертаций. Все они достаточно интересны и требуют изучения. Я думаю, мы заинтересованы не в том, чтобы научно доказать или опровергнуть какой-либо из аспектов той или иной теории. Если мы действительно прояснили наше понимание перемен, было бы очень важно внести в дискуссию наше представление о том, как они происходят. Тогда мы сможем сделать две вещи. Во-первых, мы сможем учиться осмысливать свои действия. Это значит, что, признавая существование ряда сложностей при осуществлении задуманных нами перемен, мы постоянно обсуждаем

наши представления о происходящем. В этом смысле, мы будем учиться всю жизнь.

Итак, во-первых – изучение наших собственных действий. И во-вторых, для того, чтобы наша деятельность стала более эффективной, мы можем спросить самих себя – а происходят ли в реальности те процессы, в которые мы верим, о которых мы думаем, что они происходят? Например, в течение 20-минутной беседы уже обнаружили некоторые разногласия. Одна теория перемен гласила: больше связей, больше материалов, больше открытости – больше влияния на руководство. Согласно другой теории, руководители не читают материалы, которые пылятся на полках и ни на что не влияют. В связи с вашими теориями перемен, возникают два вопроса: хотим ли мы влиять на руководство, и как на самом деле работает наша теория воздействия? Хотим ли мы влиять на беженцев, и жизнеспособна ли наша теория влияния на беженцев?

Итак, вернемся к обсуждению теории перемен. За время, выделенное мне для презентации, мне хотелось бы предложить вам одну-две идеи, родившиеся из опыта, приобретенного в контексте другой ситуации. Случилось так, что эти идеи помогли людям, подобным вам, конструктивно воздействовать на конфликт. (Я употребил слово “случилось”, потому что идеи далеко не всегда обеспечивают конструктивное влияние на конфликтную ситуацию.) Позвольте поделиться двумя специфическими особенностями, связанными с вопросом о стратегическом воздействии.

Мой язык трудно переводить, поскольку некоторые понятия трудно понять и на английском. Итак, эти две идеи таковы: стратегическое “кто” и стратегическое “что”. Говоря о первой идее, мне надо для наглядности сделать пару рисунков. Я мог бы рассказать вам длинную историю, из которой возникла эта идея, но ограничусь краткой версией. Одна история связана с войной в Никарагуа в 80-х годах, а вторая – с конфликтом в Сомали в 90-х. Я надеюсь, что вы никоим образом не станете увязывать контекст упомянутых двух конфликтов с вашим, но стратегические идеи могут оказаться релевантными.

В обоих случаях нам придется поработать над пониманием контекста конфликта, для наглядности изображенного в виде пирамиды. В случае с Никарагуа мы работали с индейцами мескитос, у ко-

торых была автономия, и правительством. Мескитос – этническое меньшинство в Никарагуа. Один из аспектов войны 1980-х – война между этой группой этнического меньшинства и национальным правительством сандинистов. А в Сомали конфликт был между кланами и подкланами сомалийской нации.

Идея состоит в том, что существуют разные уровни руководства. Есть высший уровень власти (вершина пирамиды), средний и широкие массы простых людей, сообщество (основание пирамиды). Пирамида наглядно показывает, что внизу много людей, а наверху – очень мало. Я не хочу сказать, что ситуация должна выглядеть именно “пирамидально”, просто пирамида помогает наглядно отобразить тот факт, что в масштабе общества простых людей очень много, а хорошо известных и узнаваемых – очень мало. Здесь мы и начнем прояснять и описывать подходы к мирному движению.

Есть три основных подхода. Самый известный – это подход “сверху вниз”. Он опирается на дипломатическую модель, основанную на отношениях между нациями (государствами). Эта модель содержит в себе “идею стола”. Наш стол мог бы стать дипломатическим столом. С одной стороны восседают люди, представляющие одно общество или одну нацию, а напротив – те, кто представляет нацию противника. В терминологии международников это называется столом переговоров.

Помните конфликт между Ираком и Соединенными Штатами? 1990 год. Большой длинный стол. Джеймс Бэйкер представляет США, Тарик Азиз сидит напротив, а менее важные персоны рассажены по обе стороны от них. Фотоаппараты запечатлели мрачные недоверчивые физиономии и сцены без каких-либо признаков дискуссии.

Ответственность за ведение переговоров возлагалась на участников, уполномоченных правительством. В случае достижения какой-нибудь договоренности, они и должны были донести ее до своего правительства. А правительство, конечно же, представляет народ. Таким образом, всё, что могло быть здесь достигнуто, одобрялось народом.

Итак, целью процесса за столом переговоров является достижение соглашения, называемого иногда мирным соглашением. Как только заключено мирное соглашение, возникает необходимость донести его до остальной части общества. Этот подход, конечно, основан

на истории наций-государств. Однако реалии современных конфликтов таковы, что большинство из них возникает на почве внутренних противоречий в существующих государствах или в регионах, где формируется новое понимание государственности. Эта модель порождает разные сложности. Например, возникают трения и споры по поводу того, кто должен сидеть за столом переговоров. Для исторически национально-государственной модели это не является сложным вопросом. А для многих современных конфликтов – это очень большая проблема. В самом ли деле люди, выступающие от лица народа, являются истинными представителями народа? В состоянии ли эти люди распространить, передать достигнутые ими соглашения? Вот что ставит эту модель под большое сомнение.

Теперь перейдем к нижней части пирамиды. Этот подход иногда называют подходом “снизу вверх”. Он не так хорошо известен, как подход “сверху вниз”. О нем написано всего несколько книг. Но за последние 15 лет мы все чаще видим примеры этого подхода. Его идея такова – каждое общество, каждая местность, так или иначе, затронута конфликтом. И зачастую в каждой местности можно найти представителей разных сторон конфликта.

Позвольте привести пример. Я вырос в Соединенных Штатах, на Дальнем Западе, в Орегоне. Когда мне было приблизительно восемь лет, Советский Союз и Соединенные Штаты переживали серьезный конфликт, известный как кубинский ракетный кризис. Будучи маленьким ребенком, я слышал, как мои родители, и телевидение, и газеты – все твердили о “враге”, о советских коммунистах. *(Смех.)* Я так ни разу и не встретил в жизни ни одного советского коммуниста, но в голове и в сердце у меня четко сформировались их образы. *(Смех.)* Что, это были вы? А я для вас был, наверное, американским капиталистом. Мы жили в разных полушариях. Образ врага в моем понимании не проецировался на кого-то из соседней комнаты, это был некто, находящийся очень далеко от меня.

Но в 1990, 2000 и 2001 годах мы видим, что наши враги и места, где происходит насилие, находятся не в другом полушарии. Географически это насилие совсем рядом. Оно в моем родном городе, в соседней долине, в соседней деревне – оно близко от дома. И все это происходит между теми, кто раньше жил, как добрые соседи.

Подход “снизу вверх” предполагает две вещи. Во-первых, каждый на своем месте несет ответственность за начало мирного процесса. И если начинается работа по построению мира, то должна быть высокая степень вовлеченности всего общества. И эти понятия ответственности и участия являются частью теории перемен, лежащей в основе подхода “снизу вверх”. Эта теория гласит, что нельзя ждать, пока кто-нибудь подаст тебе мир на серебряном блюде. Необходимо включиться в процесс и воздействовать на происходящее. Идея подхода “снизу вверх” заключается в том, чтобы пробить снизу путь наверх. И если главная трудность подхода “сверху вниз”, с вершины пирамиды, заключается в том, как протолкнуть идеи вниз, то затруднения на низшем уровне пирамиды – в проталкивании их наверх. В подробности вдаваться не буду.

Третий подход я называю так: “выход из среднего уровня”. Это не значит, что народ не участвует в процессе. Возможно, точнее будет назвать его “от среднего уровня вверх и вниз”. Такой подход опирается на анализ двух типов. Первый тип – вертикальное осмысление, вертикальный анализ. И он, в первую очередь, связан с вопросом “кто”. Он не связан с вопросом “что”. Вертикальный анализ предполагает следующий вопрос: кто в данной ситуации в состоянии вступить в связь с людьми высшего ранга и в то же время поддерживать связь с группами людей, находящихся в нижних слоях общества? Этот “кто” может быть частным лицом, институтом или целой сетью институтов, или же социальным слоем.

Позвольте привести пример из Либерии. Там существует НПО, известное под названием Ассоциация народного здравоохранения. Она занимается вопросами здоровья, клиник, и т. д. За несколько лет они приобрели такие связи, что и во время войны, и сейчас, в послевоенное время, они спокойно могут позвонить министру здравоохранения в 8 утра и назначить встречу на 10 утра. Их клиники расположены по всей стране. А после обеда они могут находиться где-нибудь в кружках, внизу, среди обычных людей, разбирая вопрос трансформации конфликта. Эта организация обладает вертикальными возможностями, у них налажены связи и с верхами, и с низами данного общества.

Другой анализ, другая модель – горизонтальная. Она поднимает иной вопрос. В контексте каждого конфликта существуют линии раз-

дела между конфликтующими людьми. Это – линии конфликта, линии разрыва. Конфигурация этих линий может быть самой разной. В большинстве случаев такое разделение возникает в связи с проблемой идентичности. Журналисты CNN чаще всего относят их к линиям раздела по этническому признаку. Однако их природа гораздо сложнее, чем просто этничность. Такое разделение может быть связано с языком, религией, этничностью, культурой, а также с географическим положением. Но во всех случаях эти расхождения по вопросам идентичности порождают разрыв, разделение внутри общества. Горизонтальный вопрос ставится таким образом: кто из данной группы в состоянии вступить в контакт с представителями другой, конфликтующей группы и вернуться обратно, не потеряв доверие своей группы?

Давайте приведем наглядный пример, т. к. это очень важно. Допустим, вот мой враг. Горизонтальная возможность означает, что я могу покинуть группу, к которой принадлежу, могу перейти ту невидимую черту, о существовании которой знают все, и вступить в связь с конкретным человеком из другой группы, а затем вернуться обратно. Рассмотрим, какие здесь трудности. Когда я покину группу, к которой принадлежу, что скажут люди за моей спиной? Скажут, что я – предатель. А когда я подойду к противоположной группе, что скажут обо мне в этой группе? Да, они скажут: ты шпион. Приходится метаться между ролями предателя и шпиона. Это давление, с которым вы, я уверен, знакомы.

Критерием состоятельности данного подхода является его способность обеспечить пространство связей. И эффективность данного подхода обеспечивается умением устанавливать отношения с противоположной группой, одновременно сохраняя взаимоотношения со своей исконной группой. Это и есть горизонтальная возможность. Если я просто останусь в своей группе, то это уже не горизонтальная возможность. Если я присоединюсь к противоположной группе и больше никогда не вернусь, это тоже не горизонтальный подход. А если я вообще выйду из дела, то это называется уже совсем по-другому – новая экономическая жизнь. (Смех.) Итак, горизонтальная возможность предполагает пространство для передвижения туда и обратно, с сохранением связей с обеими сторонами.

Подход “из середины”, рассматриваемый в качестве стратегии, сочетает вертикальный и горизонтальный подходы. Объединяя эти два направления, необходимо найти людей, которые могут поддерживать связи и с верхами, и с низами, и по горизонтали и влиять в этих трех направлениях. Тут всё зависит больше от связей, чем от формул соглашений. Поэтому необходимо приложить усилия для создания инфраструктуры, развивать способность устанавливать расширяющиеся отношения. Этот подход пытается все связать. Я называю это паутиной. Сейчас я ее опишу. Вы когда-нибудь наблюдали, как паук плетет свою паутину? Это очень интересный процесс. Сначала паук плетет длинные нити, расходящиеся по большому радиусу, затем соединяет их, идя по кругу, с каждым разом все ближе к центру. Иногда пауки протягивают одну большую нить, затем возвращаются, плетя короткие. Данный подход похож на их деятельность. Таким образом, ключевым моментом всего процесса является вопрос о стратегическом “кто”.

У меня есть два образа, которые я обычно использую для описания того, стратегичны вы в своем подходе или нет, и для того, чтобы помочь вам стать более стратегичными. Позвольте начать с одного предположения, относящегося к теории перемен вообще, и к вашей группе в частности. Я думаю, что ваша группа находится в средней части пирамиды. Можно проверить, согласны вы или нет.

(Группа согласна с этим предположением.)

Итак, если мы изобразим Абхазию в виде пирамиды, то вы все находитесь приблизительно посередине. Это мое предположение. В моем понимании ваша теория перемен такова: люди, вовлеченные в пространство связей в середине пирамиды, пытаются оказывать влияние на верхние и нижние слои пирамиды, а также по горизонтали. Вопрос в том, правильную ли стратегию вы выбрали.

Как и Эмзар, я изучал социологию. Работая над докторской диссертацией по социологии, я рассматривал подъем социального движения в Соединенных Штатах и его развитие. Мы исследовали женское движение, движение за отмену смертной казни, судебные реформы, движение Мартина Лютера Kinga за гражданские права. Для объяснения эффективности социального движения теоретики использовали понятие критической массы. Идея заключалась в следующем:

когда достаточное количество людей в данном обществе считают, что необходимо что-то изменить, наступает момент, когда вдруг неожиданно происходит сдвиг. Основной упор делается на рост числа единомышленников. Необходимо мобилизовать как можно более широкие слои населения. Например, в Чешской Республике во время Бархатной революции на улицах появилось достаточное количество людей, которые могли что-то изменить.

Эта теория вызывала пессимизм, так как в истории Соединенных Штатов за все 250 лет найдется, наверное, всего около пяти таких моментов. В большинстве ситуаций, с которыми мне довелось работать (в Сомали, в Северной Ирландии, Либерии, Никарагуа), мы и близко не приближались к критической массе. В большинстве жесточайших конфликтов люди, занимавшиеся миростроительством, находились под огромным давлением и были немногочисленны.

Итак, я изменил теорию и рисунок. Я решил, что моя работа – это, в основном, работа с “критическими дрожжами” (critical yeast). Понятен образ? Когда вы печете хлеб, какие компоненты вам необходимы? Мука, вода, соль, немного сахара, а также щепотка дрожжей. Дрожжам необходимы две вещи: тепло и влага. С сухими и холодными дрожжами ничего не получится. Интересно, что из всех компонентов только эта щепотка способна дать рост всему остальному.

Переходя к социальному контексту, подумаем, кто при наличии всех компонентов, влаги и тепла сможет дать рост всему остальному? Рост и влияние не измерить численностью. В конфликтных ситуациях рост и влияние измеряются качеством собранных вместе людей и тем, чем они занимаются и кого привлекают. Стратегичность заключается в том, что их влияние намного больше, чем их численность. Но надо очень тщательно продумать, как и кого вы собираете, как вы поддерживаете тепло и влагу, потому что от этого зависит развитие. Я могу собрать вместе шестерых водителей такси и не добиться влияния (*смех*), если эти шестеро не окажутся представителями шести разных сообществ и если каждый из них не является лидером в своем сообществе. Другими словами, вы рассматриваете конфликт с социологической точки зрения.

Ко второму рисунку прилагается история. Когда я жил в Центральной Америке, в Никарагуа, у нас была машина, на которую не всегда

можно было положиться. Одна из трудностей военного времени заключалась в том, что часто не было бензина для заправки. Иногда мы выезжали, надеясь, что бензина хватит и на обратный путь и можно будет заправиться для следующей поездки. Не раз бензин у меня заканчивался ночью. Я застревал на дороге с заглохшей машиной, ожидая, что кто-нибудь появится и поможет. В такой ситуации обычно надеешься, что кто-нибудь остановится, и это будет хороший человек.

А вот пример еще с тех времен, когда я изучал физическое действие сифона. Как работает сифон? Кто-нибудь из вас пользовался сифоном? (Смех.) Сначала я хочу описать физическое действие сифона, а затем социальное применение идеи сифона. Необходимо перекачать жидкость из одного сосуда в другой, но у вас нет насоса, нет и электричества. Вы берете шланг, один конец вставляете в сосуд с жидкостью, а с другим концом что делаете?.. Да, лучше пить оттуда вино, чем бензин.

Итак, позвольте объяснить физическое действие сифона. Когда на одном конце возникает давление, то на другом конце образуется вакуум, который имеет свойство втягивать жидкость. Я хочу объяснить это подробно, чтобы вы поняли рисунок и работу сифона. Чтобы преодолеть силу тяжести, жидкость надо подсосать. Она должна подняться до определенного уровня наперекор силе тяжести. Затем она стекает вниз, вытягивая за собой оставшуюся жидкость. Так, на примере сифона видно, что нет необходимости переживать за перемещение остальной части жидкости. Все, о чем вы должны беспокоиться – это как, преодолев силу тяжести, подсосать первую порцию жидкости до наивысшего уровня, откуда затем эта порция увлечет за собой остальную жидкость.

Социальный вопрос состоит в следующем. Сможем ли мы собрать людей, которые смогут продвигаться вперед вопреки силе тяжести и увлечь за собой многочисленную массу, намного превышающую число первопроходцев? Вопрос понятен? Возвращаясь к диаграмме, мы видим, что часть этой стратегии в точности отражает идею критических дрожжей или сифона.

Мой следующий вопрос к вам таков. Обладает ли ваша группа вертикальной и горизонтальной возможностями? Можете ли вы оказывать влияние как на высшем, так и на низшем уровне таким обра-

зом, чтобы ваши идеи потянули за собой многих? Или вам недостает людей, которые могли бы стать частью этого процесса? Таким образом, это вопросы вокруг стратегического “кто”. Если я правильно понял некоторые из ваших теорий перемен, ваше пространство, ваша диалог-группа имела возможность оказать воздействие на ситуацию. Стратегическое “кто” предполагает простой вопрос: как далеко мы продвинулись в своей возможности воздействия? Итак, наблюдение номер один – это стратегическое “кто”.

Второе наблюдение гораздо короче – это стратегическое “что”. Стратегическое “что” ставит следующий вопрос: какой вопрос или какая тема покажется другим столь значительной, сможет стать тем магнитом, который привлечет к вам большое число участников?

Вот конкретный пример из взаимоотношений нескольких восточноафриканских государств – Сомали, Эфиопии, Судана, Кении и др. В этих странах существуют конфликты сугубо регионального характера. Наиболее значительные – в Судане. Остальные соседи по региону, также как и международные силы давления, рассматривают Судан как нацию исламских фундаменталистов. Очень серьезные конфликты между этими странами привели к разрыву отношений почти во всех сферах. Перед ними стояла одна проблема, которая обладала всеми качествами стратегического “что” – наступление пустыни. Пустыня Сахара наступает на каждое из названных государств. Чтобы противостоять этому наступлению, они создали региональный совет, известный под названием ЕОАВ. Он, в основном, специализировался на кооперации действий по вопросам наступления пустыни, так как страдали от этого все. И когда они встречались вместе как государства: Сомали, Эфиопия, Судан, Уганда, Кения и др., единственный вопрос, который мог их объединить, был вопрос пустыни. Но однажды, встретившись для обсуждения вопроса о наступлении пустыни, они обговорили и свои конфликты. Таким образом, вопрос пустыни стал тем самым стратегическим “что”. Этот вопрос был настолько значимым, что заставил всю группу собраться, а также создал пространство, в котором они уже на следующем этапе могли обсуждать и другие проблемы.

А теперь мое видение групп, подобных вашей: вы принесете наибольшую пользу, когда свяжете стратегическое “кто” со страте-

гическим “что”. Вы находитесь в процессе осмысления вопроса: кто вы и каким образом оказываете воздействие? Как стратегически подойти к выбору тем, и какие именно темы, содержащие наибольший потенциал, вы должны поднимать, чтобы продвигать процесс? В каких вопросах заложен наибольший потенциал, способный объединить людей? Здесь я хотел бы остановиться. Вкратце, мои наблюдения таковы: группе, подобной вашей, полезно глубже исследовать свое понимание собственной теории перемен. Каким образом то, что происходит здесь, воздействует на грузино-абхазский конфликт? Какова ваша теория перемен? Я обнаружил, что эти два вопроса часто дают толчок другим способам мыслить более стратегически. Здесь я остановлюсь, и можно будет начать дискуссию.

(Не слышно)

Джон Пол Ледерах. Когда я вас спрашивал о вашей теории перемен, мне было интересно познакомиться с вашими наблюдениями относительно того, как происходит воздействие. Я понял, что вы оказываете влияние на общество даже за пределами пространства вашего диалога. Мне показалось, что это воздействие более эффективно на горизонтальном уровне, нежели на вертикальном. Это говорит о существовании вертикального пробела. Итак, одной из стартовых тем может стать дискуссия о том, в какой сфере у нас пробелы. Другая возможность – сразу приступить к обсуждению “что” и “кто”, потому что это опять вернет вас к вашей теории перемен.

Нателла Акаба. Мне кажется, что мы зависли где-то посередине и в основном там и находимся, пытаюсь порой как-то подняться наверх, и это иногда получается, по крайней мере, в Абхазии. Может быть, в Грузии это сложнее. Но у нас совершенно нет никакой стратегии в отношении низшего уровня, и мы пока даже не пытались ее выработать. В основном, это связано с тем, что мы сами пока еще не нашли этого “что”. Мы сами не знаем, что может нас объединить, и что мы должны нести туда – вниз и наверх.

Эмзар Джгереная. Под “кто” подразумевается целевая группа?

Пола Гарб. Джон Пол имел в виду участников проекта, то есть тех, кто должен действовать, кто должен начать миротворческий процесс.

Нодар Сарджвеладзе. О чем мы сейчас говорим – о том, где мы находимся в нашем проекте?

Пола Гарб. Тема открыта. Сначала надо задавать вопросы, подытожить сказанное.

Леван Рамишвили. Наверное, можно иметь несколько стратегических “что” и стратегических “кто” и переплести несколько паутин. Например, на правительственном уровне есть сотрудничество в области энергетики. На гражданском уровне можно сотрудничать в области прав человека, экологии и т.д. И все эти паутинки потом как бы переплетутся, сложатся. Наверное, так лучше, чем искать какое-то стратегическое “что” или одного истинного стратегического “кто”.

Арда Инал-Ипа. Джон Пол никого не ограничивает, он говорит о том, что этот выбор нужно производить осознанно.

Тинико Хидашели. Да, конечно.

Нодар Сарджвеладзе. У меня вопрос. Допустим, эта паутина существует. Кто должен оценить эффективность и ценность этой работы, кто-то извне или изнутри? И какая должна быть обратная связь?

Джон Пол Ледерах. Вы хотите услышать мое мнение? Оно у меня радикальное. И относительно оценки, и относительно процесса в целом. Я думаю, что и то, и другое должно происходить внутри контекста. Что касается оценки, я думаю, что вы лучше понимаете культурный контекст взаимоотношений, какие связи или системы связей существуют или могли бы существовать. Для человека со стороны очень трудно полностью постичь ситуацию, поскольку она – часть культурного контекста. Извне можно помочь только в роли катализатора. Глубоко понять невидимую сеть отношений можно только изнутри. Поэтому хотелось бы особенно акцентировать внимание на

том, как *вы* изучаете процесс, на *вашей* оценке того, где ваша сила, а где пробелы.

Эмзар Джгереная. Мы должны создавать эту критическую массу или вносить дрожжи в эту критическую массу? Что делать, если нет критической массы? Наше общество сильно отличается от вашего американского общества. Там большая гражданская активность, а мы не имеем опыта такой активности, мы только начинаем. Какова наша задача – создавать критическую массу, а потом добавлять туда дрожжи, или наоборот?

Джон Пол Ледерах. Я, как человек со стороны, могу только предполагать. У вас уже сложился определенный круг людей, сложились определенные взаимоотношения, но сейчас вы пытаетесь начать процесс изменений, ориентированный на конструктивные взаимосвязи, и способствовать осознанию процессов миростроительства. Если вы за такие перемены, то вы и являетесь именно теми людьми, кто вносит дрожжи. Встает вопрос: “кто” и “что” необходимо для того, чтобы воздействие на существующую обстановку развивало критическую массу?

Олег Дамения. Допустим, что среди тех, кто здесь собрался, есть стратегические “кто”, а стратегические “что” мы знаем неплохо. Каковы, по вашему мнению, наиболее эффективные механизмы действия этих “кто”, чтобы довести эти критические массы до критического состояния, до кипения? Как это сделать?

Батал Кобахия. Так это он у вас хочет узнать, а вы его спрашиваете!
(Смех.)

Джон Пол Ледерах. Предположим, вы знаете стратегическое “кто” и стратегическое “что”. Я вас уверяю, что достичь этого знания сложнее, чем вы предполагаете. А когда это уже достигнуто, возникают новые проблемы. Я приведу три примера. Они абсолютно разные и не могут быть прямо применимы в ваших условиях, поскольку стратегическое “кто” и стратегическое “что” в разных контекстах раз-

ные. В Никарагуа, во время войны между индейцами мескито и сандинистским правительством, в качестве стратегического “кто” выступали религиозные лидеры среднего уровня, но позиции религиозного руководства на восточном побережье и в Манагуа были разными. Была сформирована команда из представителей обеих сторон. В качестве стратегического “что” выступало требование разработать предложения о том, как начать переговорный процесс между правительством и народом. Я мог бы многое рассказать об этом, потому что в данном случае модель посредничества была очень любопытной.

Второй пример из Эфиопии. В течение последних 4-х лет режима Менгисту возникло около 15 организованных повстанческих групп – три-четыре большие и множество маленьких, состоявших из представителей различных этнических меньшинств. Стратегическое “кто”, по существу, возникло вокруг традиционного понятия “шамали”, что означает “старейшина”. Маленькая группа, первоначально состоявшая всего из четырех человек, исследовала состав всех воюющих групп. Из каждой группы они выбрали одного-двух человек, пользующихся уважением – самых мудрых старейшин, и объединили их в одну группу, насчитывавшую 12-15 человек. Около 6-ти месяцев они встречались и обсуждали видение конфликта каждой группой. Затем они подготовили платформу для дискуссий с каждой группой, используя выбранных ими старейшин для контактов с группами или же в качестве доверенных лиц, имевших право голоса от группы.

А вот совершенно другой пример из Северной Ирландии. Как вы знаете, в Северной Ирландии насилие между католиками и протестантами имеет долгую историю. В каждом обществе – как у католиков, так и у протестантов – были группы людей, прибегавших к насилию. Это были военизированные группировки, и многих их членов привлекали к уголовной ответственности. А в обществе эти люди воспринимались как герои, действующие от имени своей части общества. Но, попадая в тюрьму (а многие из них были приговорены к 16, 18 или 20 годам заключения), они начинали задумываться: а было ли насилие наилучшим способом реагирования? Как в тюрьме, так и на свободе начали формироваться группы бывших боевиков.

Бывшие боевики обычно не рассматриваются в качестве миротворцев, но интересно, что именно у них есть и связи, и большой авторитет в своих сообществах. Мы стали устраивать встречи бывших участников военизированных группировок из числа протестантов и католиков. Начали с тюрем. Из этих людей формировались команды, которые могли посещать те сообщества, которые считались опасными. Сейчас многие из этих людей, объединенные в команды, составляют договоры о прекращении огня между военизированными организациями. Таким образом, стратегическим “кто” в этом случае являются бывшие члены военизированных группировок. А стратегическим “что” был вопрос: как сформировать пространство для прекращения огня? Как видите, ни один контекст не похож на другой.

Давид Бердзенишвили

ТБИЛИСИ – СУХУМИ: ДО И ПОСЛЕ ПРОМЕЖУТОЧНОГО ПЕРИОДА

Думаю, доклад Абесаломы будет академичным, поэтому я буду говорить как политик, который давно интересуется грузино-абхазскими проблемами, проблемами взаимоотношений. Мне часто приходилось вращаться вблизи тех кругов, которые принимали решения, но, к моему сожалению, те решения очень отличались от наших подходов – и тогда, когда мы ошибались, и тогда, когда не так уж ошибались. А они никогда не ошибаются, потому что людям, принимающим решения, которые трудно характеризовать как плод каких-то рассуждений, ошибки не свойственны.

В конце 80-х – начале 90-х годов, во времена перемен, абхазы и грузины, мне кажется, выбрали разные, альтернативные способы сохранения и усиления своей национальной идентичности. В Абхазии, насколько я понимаю, были ориентированы на уменьшение роли среднего звена в иерархической триаде Москва – Тбилиси – Сухуми, на перераспределение функций и возможностей Тбилиси на Москву и Сухуми, и чем больше удалось бы забрать себе, т.е. Сухуми, тем лучше. В 90-м году фактический суверенитет, в абхазском понимании, означал повышение статуса до уровня союзной республики, т.е. с сохранением Советского Союза, той системы, которая тогда была. Ровно 10 лет тому назад, 17 марта 1991 г., абхазы поддержали эту идею на референдуме о сохранении и обновлении Советского Союза. Грузины в этом референдуме не участвовали. И наоборот, 31 марта Грузия проголосовала на референдуме за независимость, что означало полный разрыв с союзным Центром. Грузия ставила себе целью освобождение от Москвы, к тому же путем конфронтации с Кремлем. С другой стороны, и со своими внутренними тогда регионами – Сухуми, Цхинвали, в какой-то степени Батуми, и с этническими меньшинствами Грузия выбрала очень «продуктивный» путь. Т.е. она одновременно противостояла как внешним, так и внутренним центрам сопротивления и очагам напряжения. Абхазия официально поддерживала контакты с союз-

ным Центром, а для Грузии российское руководство (в 90-м, 91-м гг. это был Ельцин) на какое-то время стало партнером в борьбе против этого союзного Центра, т.е. ориентиры в Москве были разные.

Что касается внутренней технологии, если не ошибаюсь, в Абхазии советская номенклатура и интеллигенция (и, что немаловажно, в том числе и неноменклатурная интеллигенция) нашли общий язык, и абхазы смогли мобилизовать почти весь своей внутренний ресурс – по крайней мере, так они вышли на выборы осенью 91-го года. Номенклатура и «Айдгылара» фактически выступали как общеабхазская коалиция. Что касается грузин, тут внутренняя технология была другая: советская номенклатура и грузинская советская интеллигенция были фактически отстранены от общенационального движения. Гамсахурдия смог одержать победу над другими политическими фигурами и группами, которые претендовали на более умеренный и взвешенный подход к решению грузинских проблем. Эти плюралистические группы резко ослабли, так и не сформировавшись в серьезные политические организации ни в Тбилиси, ни в Сухуми. Крах этих групп явился одним из факторов усиления конфронтации между грузинами и абхазами. В декабре 1988 г. в Сухуми был митинг грузинских неформалов. Там были разные выступления, но я бы вспомнил выступление Вовы Векуа, который сказал, что мы найдем путь к абхазским сердцам. Но ему не суждено было искать путь к абхазским сердцам – он оказался жертвой июльских событий 89-го года. Что касается руководителей победившего «Круглого стола», главной политической силы Грузии, то их отношение к Абхазии я точно помню: они считали (и Гамсахурдия не раз об этом говорил публично), что никакая это не Абхазия, это северо-западная часть Грузии. Когда я от имени малочисленной оппозиционной группы на первом же заседании Верховного Совета Грузии, в ноябре 1990 г., поставил вопрос о создании комиссии по Абхазии, ответ Гамсахурдия был очень простым и четким: «Это северо-западная Грузия – в Америке живут только американцы, в Англии живут только англичане». Не стану комментировать, насколько в Англии живут только англичане, но, тем не менее, у них подходы были такие, и он отказался даже от создания комиссии по Абхазии. Это был подход не только

Гамсахурдия и не только «Круглого Стола» – это был подход подавляющего большинства грузинских активистов, да и грузинского населения (в том состоянии, в котором оно тогда находилось, его трудно было назвать обществом). Абхазов они воспринимали как национальное меньшинство, наравне с джавахетскими армянами и осетинами (как в Южной Осетии, так и во внутренней Грузии). Тогдашняя неполитическая элита отлично понимала, что это ложь, но тем не менее политика была такая. И поэтому они фактически отказывали абхазам в праве на самоидентификацию и сохранение своей идентичности. Но именно при той власти, летом 1991 г., произошла первая и достаточно успешная тогда сделка между властями Грузии и Абхазии – я имею в виду соглашение о законе о выборах в Абхазии. Тогда же были внесены поправки в Конституцию Абхазской АССР: в этой конституции появилась Республика Грузия, и в этом смысле Конституция Абхазской АССР уже вошла в противоречие с Конституцией СССР, где Республики Грузии не было, а Грузия еще называлась Грузинской ССР. Я не буду касаться всех перипетий, но, как бы то ни было, тогда была достигнута какая-то договоренность, и, мне кажется, от этой политической сделки был путь и к стабильному решению проблемы, и к конфронтации. Она не закрывала проблему, не решала ее, однако давала обеим сторонам возможность трансформировать эти отношения в стабильную систему сосуществования.

Особенно усилились потребность и желание Тбилиси консультироваться с Абхазией, вести переговоры с абхазскими лидерами и политическими деятелями после государственного переворота в Грузии конца 91-го – начала 92-го гг. И как раз тогда начал работать новоизбранный Верховный Совет Абхазии.

В январе, феврале, начале марта, до возвращения Шеварднадзе, в Грузии работал Консультативный совет. Была создана комиссия по Абхазии, ядром которой были республиканцы. Мы приезжали в Сухуми, были встречи. Нашим хозяином был Зураб Ачба, больше всех мы общались с ним. Были встречи и с депутатами Верховного Совета Абхазии – довольно тяжелые встречи, но менее тяжелые, чем встречи с депутатами грузинской фракции, которых тогда больше интересовало, произошел ли в Тбилиси путч. Я даже помню упреки со стороны Владислава Ардзинба, который сказал нам: «Будь я сепаратис-

том, принял бы предложение грузинской фракции, чтобы Верховный Совет Абхазии расценил действия тбилисских повстанцев как государственный переворот и заявил, что до восстановления законного руководства Грузии Абхазия отказывается от подчинения. Будь я сепаратистом – я ведь отлично понимаю, что Гамсахурдия никогда не вернется – так вот, я бы заявил, что не буду признавать ту власть, которая там есть, что для наших с ней отношений нет правовой базы». Вообще грузинская фракция тогда вела себя очень интересно (нейтрально выражаясь), но тем не менее нам удалось, работая с руководителями Айдгылара, выработать общие промежуточные подходы. Это означало, что Абхазская АССР переименуется в Республику Абхазия, из Конституции Абхазии исключаются слова «Советский Союз», «союзные» и т.д., это было в пакете.

В конце февраля 1992 г. состоялось заседание – я думаю, роковое заседание – Консультативного совета. (Совет назывался консультативным, но, по сути, он был фактическим парламентом Грузии: туда входили представители всех более или менее влиятельных групп – кроме звиадистов, и представители номенклатурной и неноменклатурной интеллигенции, т.е. общественное мнение этот политический консультативный совет явно представлял. Мы с Ивлианом Хиндрава были членами этого совета; а в комиссию входил и Гия Анчабадзе, он и в Сухуми ездил вместе с нами.) Я вел это заседание как координатор того политического Консультативного совета. На следующий день была назначена сессия Верховного Совета Абхазии, и мы предлагали временному руководству Грузии принять декрет о переименовании Абхазской АССР в Республику Абхазия и предложить Верховному Совету Абхазии сделать то же; однако мы оказались в меньшинстве, и, к сожалению, эта возможность начать реальные переговоры была упущена. Потом, после возвращения Шеварднадзе в Грузию, в марте 1992 г., комиссию по Абхазии преобразовали. Нас разбавили другими членами, в комиссии появился Леван Алексидзе, его считали более доверенным лицом (в первую очередь, Шеварднадзе), наши позиции немного ослабили, но, тем не менее, мы смогли подготовить документ, который назывался «Совместное соглашение Госсовета Республики Грузия и Верховного Совета Абхазии». Подходы были фактически те же, что и во времена Консульта-

тивного совета. В тот же период появилось и предложение к проекту договора г-на Тараса Шамба.

Оба варианта договора об основах взаимоотношений рассматривались в июне 1992 г. Несмотря на то, что между нашим подходом и этим предложением к проекту договора было много различий, все же при тщательном рассмотрении стало ясно, что сходства гораздо больше, чем различий. В этом предложении была статья 3, которая гласила, что «Республика Абхазия добровольно объединяется с Республикой Грузия, обладает на своей территории всей полнотой законодательной, исполнительной и служебной властей, кроме тех полномочий, которые отнесены Конституциями Грузии и Абхазии к ведению Республики Грузия». Затем предполагалось рассмотреть разграничение полномочий между Тбилиси и Сухуми.

У нас была многочасовая встреча с г-ном Шеварднадзе. К великому моему сожалению, он не понял суть проблемы. Его ответ был таким: «Мы не можем допустить, чтобы статус Абхазии был не таким, как статус Аджарии. Мы должны статусом Аджарии удержать Абхазию в Грузии». Мы поняли, что он ничего не понял, к тому же у него были серьезные проблемы. К тому времени Абашидзе в Аджарии фактически упразднил Верховный Совет, который был тогда плюралистическим (ему трудно было контролировать весь Верховный Совет), появились серьезные очаги напряженности в Мингрелии, и, наверное, власти Грузии решили какими-то высокими, патристическими лозунгами и идеями перекрыть существующие проблемы. Я не знаю, ошиблись они или нет. Думаю, что и в Абхазии были силы, заинтересованные в столкновении. Об Абхазии мне судить трудно, а в Тбилиси после этого отказа, после того, как мы фактически были так близки к заключению промежуточного соглашения, явно был сделан выбор на военную конфронтацию. Российские войска были рядом, 10 августа Грузии были переданы танки Т-55 Ахалцихской дивизии, и 14 августа эти танки появились в Абхазии. Думаю, что тогда была упущена возможность.

Потом, во время войны, часто подписывались промежуточные соглашения о прекращении огня, но они, как правило, использовались для подготовки следующей военной операции, и я думаю, что от них больше выгоды получала абхазская сторона.

Очень серьезным было заявление 4 апреля 1994 г. Там фактически был перечень тех полномочий, которые отводятся в случае урегулирования конфликта единому органу власти, были определены совместные полномочия – внешняя политика, экономика, права человека, экология и т.д. Но это заявление не вызвало особого восторга даже в Тбилиси, даже в наших кругах, по той простой причине, что оно было связано с подписанием четырехстороннего соглашения о возвращении беженцев, где было оговорено, что возвращаются все беженцы, кроме тех, кто хоть какое-то участие принимал в боевых действиях, а тех было слишком много, вместе с их семьями.

Какие-то консультации после этого велись, иногда на федеративных основах. В конце июля 1995 г. вроде было достигнуто и завизировано соглашение, однако оно так и не было подписано, и, наконец, мы дошли до сегодняшнего дня. Грузия долгое время предлагала непонятную «широкую автономию», но потом согласилась на федерацию. Сейчас (больше в наших кругах, чем в официальных) стали говорить о создании общего государства. Но Абхазия уже самоопределилась и считает, что самоопределение Абхазии – это независимость.

Теперь самый сложный вопрос: каковы перспективы. Мне кажется, что хороших перспектив не очень много. Я перечислю те возможные сценарии, которые, по моему мнению, могут быть разыграны – сперва те, которые я считаю более реалистическими, а потом, по убывающей, те, которые я считаю менее реалистическими. А потом, в конце, я выражу свои пожелания, потому что шанс реализации самого последнего сценария считаю настолько мизерным, что назвать его возможным трудно.

Сценарий №1 – это наихудшая версия кипрского варианта. Т.е. Грузия живет гораздо хуже, чем Кипр, а Абхазия живет еще хуже, чем северная часть Кипра, Турецкая Республика Кипр. Это фактически сохранение нынешней ситуации – Грузия и Абхазия остаются несобранными, несостоявшимися государствами. Между ними, конечно, есть разница: Грузия признана, Абхазия не признана; в Грузии есть какие-то институты, в Абхазии их меньше; Грузия имеет свой цвет на карте, Абхазия не имеет; но, как было сказано, одна – это квазигосударство, а вторая, может быть, квази-квази. Разница

между ними не очень большая. В том смысле, что ни одно, ни другое не является состоявшимся государством. В обозримом будущем такая ситуация будет продолжаться.

Сценарий №2: Грузия признает свое поражение. Не какие-то там пророссийские, коммунистические или некоммунистические силы, а большая часть грузинской политической элиты делает выбор на то, чтобы вернуться в лоно России, отказаться от своих маленьких промежуточных достижений, согласиться с тем, что Грузия остается частью военно-политического и экономического пространства России. В таком случае достаточно велика мрачная вероятность того, что иерархия Москва – Тбилиси – Сухуми будет восстановлена в новых формах. Грузины будут играть в регби, иногда даже обыгрывать Россию, и будут этому радоваться, может быть, вспомнят, что когда-то играли в футбол, но весь наш суверенитет будет поверхностным.

Сценарий №3: Грузия ухитрится освободиться от режима Шеварднадзе и его наследников. Демократические институты усиливаются. Грузия еще не нормальная демократическая страна, но уже на нее похожа; ситуация приблизительно как в нынешней Сербии, в Югославии. Прозападная ориентация Грузии по этому сценарию не означает антироссийскую ориентацию, и Грузия, учитывая внешние и внутренние факторы, добивается создания общего государства с Абхазией. Это тоже будет не конечный результат, а определенная сделка, создающая возможность для того, чтобы перерасти в нормальное общество, или, наоборот, для следующей конфронтации, т.е. какой-то тайм-аут.

Сценарий № 4 – это тоже кипрский вариант, но не плохой, а настоящий, современный. Грузия живет так же хорошо, как Кипр, и Абхазия живет тоже неплохо. Грузия и Абхазия общаются между собой и в какой-то степени находятся в общем пространстве без конкретизации технологии нахождения в общем пространстве.

И вот та версия, – или, скорее, то пожелание, предложение, которое я не могу назвать возможным сценарием, – по которой и Грузия, и Абхазия становятся процветающими, плюралистическими, демократическими, помогают друг другу, дополняют друг друга, и не столь уж и важно, живут ли они в едином государстве или найдут другие формы сосуществования в одном пространстве. Я вчера упомянул

Люксембург по отношению к странам Бенилюкса. Так вот, такой кавказский Бенилюкс, где Пола становится почетной гражданкой Тбилиси и Сухуми, Паата теряет работу, потому что у нас все урегулировано, кое-кто уходит в маргинальную оппозицию, беженцы пышут здоровьем, и большая их часть возвращается в Абхазию, Батал живет преимущественно в Тбилиси, а мы с вами получаем очень высокую, хорошую пенсию... Всё это я вижу, всё могу прогнозировать, но не могу прогнозировать, в какой валюте мы будем получать большие деньги – в евро или в долларах. Спасибо.

Батал Кобахия. Все эти пять моделей, сценариев, это как бы такой пессимизм или реальные модели? Я тут не вижу ни одной реальной модели, которую вы себе серьезно представляете. У меня было ощущение, что вы с легким пессимизмом говорили о всех моделях. А какую вы предпочитаете? Какую видите выгодной?

Давид Бердзенишвили. Я предпочитаю 5-ый сценарий, но не против 4-го.

Нателла Акаба. Но против какого решительно против?

Давид Бердзенишвили. Решительно против 2-го и 1-го, а 3-й воспринимаю как возможность продвижения вперед.

Реплика. То есть как этап перехода к 4-му или 5-му?

Давид Бердзенишвили. Сейчас на номенклатурном уровне это законсервировано, но появляются новые внутренние игроки...

Арда Инал-Ипа. Может, я не совсем уловила, но, все-таки, какие ваши предложения? Что можно бы сделать для того, чтобы изменить ситуацию, есть ли промежуточные меры для достижения благоприятного исхода?

Давид Бердзенишвили. Я думаю, что для серьезного продвижения в урегулировании конфликта необходимо решить очень серьезные

проблемы в самой Грузии и в самой Абхазии. Это проблема власти в Грузии, это проблема расширения демократического пространства в Грузии – без этого я не вижу возможности серьезного...

Батал Кобахия. Когда вы думали об этих моделях, вы, наверно, представляли себе какие-то возможные модели государственного устройства? Вы специально этого не говорили или просто считали, что поскольку это абхазо-грузинская встреча, то вопросы Осетии, Джавахетии... т.е. у вас в Грузии достаточно много конфликтных ситуаций – с Аджарией, например. Представляли ли вы себе, как эти модели совместятся, в какое пространство и в каком качестве они войдут?

Давид Бердзенишвили. Я считаю, что Абхазия и Грузия являются политическими единицами. Что же касается Южной Осетии, Аджарии и других регионов Грузии, то они являются автономными частями Грузии, т.е. по нашему подходу Грузия устроена по принципу асимметричного регионализма, по аналогии с Испанией. Т.е. Южная Осетия, Аджария, Имеретия, Кахетия и т.д. – это автономные регионы Грузии, а Абхазия и Грузия являются государствообразующими единицами. Примерно такой же подход, основанный на асимметричном регионализме, у нас был и до войны, и перечень регионов в этой модели мы начинали с Абхазии, с полномочиями по аналогии со Страной Басков и т.д. С абхазской стороны тогда было предложение федерации. По полномочиям эти модели были очень близки. После войны, естественно, ситуация изменилась и Абхазия уже никак не вписывается в эту внутреннюю модель, поэтому и мы трансформировали свои подходы и считаем, что Абхазия – это отдельная единица, это сторона. С Батуми особых проблем не будет, главная проблема Абашидзе – как заработать побольше денег и обеспечить свою безопасность, безопасность своей власти, формально признавая верховенство власти Грузии. Южную Осетию мы рассматриваем отдельно от Абхазии, и я не понимаю, почему их надо рассматривать вместе: если, допустим, мы распространим эту модель на Южную Осетию, то возникнет ситуация, когда Южная Осетия является государством, а Северная Осетия государством не является. Это просто нонсенс.

Даур Начкебия. Я хотел бы вернуться к прошлому. Когда вы до войны приезжали в Сухум и предлагали своему руководству вроде бы повысить статус Абхазии, называть ее Республикой Абхазия, вы имели в виду конфедеративное устройство или что-то другое?

Давид Бердзенишвили. Мы это обсуждали преимущественно с Зурабом Ачба, достаточно активное участие принимал и Сергей Шамба. Мы это предлагали как разграничение полномочий. Разница была в том, что абхазская сторона говорила о будущем едином государстве как о федерации, а мы говорили о разграничении полномочий, как в Стране Басков. Вот в чем была разница, и мы не пришли к единому мнению и не смогли убедить тбилисское руководство даже в том, что мы предлагали. Что же касается проблем федерализации, Грузия тогда абсолютно не была к этому готова. Но потом мы решили двигаться поэтапно – сперва признать за Абхазией право называться просто республикой. Кстати, Грузия этим уже очень много выигрывала, но в Тбилиси этого не понимали: когда из конституции Абхазии убирали слова «союзная», «советская», «СССР» и т.д. – это, фактически, означало, что вся полнота государственной власти пока, на этом промежуточном этапе, остается за Республикой Грузия. Естественно, на этом нельзя было останавливаться, и мы собирались продолжать переговоры, чтобы прийти к общему выводу и увидеть, федерация ли это или что-то другое, но в любом случае работать в рамках общего юридического поля. Как вели себя, скажем, крымские татары с украинцами? Они всегда ставили серьезные вопросы, но, тем не менее, поддерживали Украину против Москвы и решали свои вопросы в рамках украинского юридического поля и территориальной целостности Украины.

Тенгиз Пачкория. А если, допустим, Южная Осетия и Абхазия не согласятся на такой статус, тогда что вы предложите? Вы сказали, что будет нонсенс, если Южная Осетия – государство, а Северная нет, но ведь Северная Осетия считается государственным образованием в составе России? Если Абхазия и Южная Осетия не согласятся, если другие регионы Грузии, которым вы даете автономный региональный статус, вдруг захотят побольше, тогда какую модель вы им предложите, не рассыплется ли это все?

Давид Бердзенишвили. Конечно, всякая реформа чревата опасностями. Что касается Аджарии, то она приняла свою новую конституцию и по этой конституции признает себя частью Грузии. В Аджарии не стоит проблема выхода из состава Грузии. Во-первых, их политическое руководство в этом не заинтересовано, у него другие проблемы, во-вторых, там просто нет идей, аджарцы не представляют себя вне Грузии – и батумское население, и население всей Аджарии. Там не в этом проблема. Идентификация аджарцев – это то, что они являются грузинами. Часть из них считает себя такими же обыкновенными грузинами, как имеретинцы, гурийцы, кахетинцы, другая часть считает, что они более автономны, но грузины. Они мусульмане, но не выходят за рамки грузинской идентичности.

Что касается Южной Осетии – да, там будут определенные проблемы, но там нет такого отчуждения между грузинами и осетинами, какое есть сейчас между грузинами и абхазами. В конце концов, «свободная экономическая зона» – рынок в Эргнети, на границе с Южной Осетией – работает, и обе стороны очень довольны. (Фактически неформальная такая оффшорная зона, этим живут и грузины, и осетины.) Я не думаю, что это будет непреодолимой проблемой. Вообще никто не ставит на один уровень проблемы Южной Осетии и Абхазии.

Батал Кобахия. Если бы мы вместе обсудили этот вопрос, может, обсуждение пошло бы совсем по-другому. Есть смысл подумать об этом.

Давид Бердзенишвили. Это уже другой вопрос.

Что касается Джавахетии, в принципе вопрос стоит так: она или остается в составе Самцхе-Джавахети, т.е. той большой административной единицы, которая сейчас существует де-факто, или выделяется в отдельную административную единицу, но о присоединении Джавахетии к Армении или о независимости Джавахетии речь не идет, это не на повестке дня. О том, что будет через 30 лет, я говорить не могу – мы сейчас решаем сегодняшние проблемы, решаемые в обозримом будущем. Я знаком с проблемой Джавахетии и в последнее время там бывал, не так остро там стоит вопрос. Вопрос во

многом стоит из-за того, что грузинская коррумпированная система мешает нормальной интеграции нормальных армян, граждан Грузии, потому что им мешают продавать свою продукцию в Тбилиси, потому что там столько полицейских постов и т.д. Там проблема решается путем демократизации. Мы предлагаем регионализацию Грузии, создание региональных парламентов, где они могли бы себя реализовать. Они были бы представлены в региональных правительствах. Т.е. это общие подходы административно-территориальной реформы и общей реформы.

Роман Дбар. У меня такого же плана вопрос. В принципе, были представлены все возможные теоретические варианты развития событий. Единственный, на мой взгляд, вариант событий, который не рассматривался (возможно, намеренно) – это военный вариант решения проблемы, хотя, скажем к примеру, третий сценарий где-то как-то предполагает и такой вариант развития событий. (*Шум в зале.*) Да, решение, скажем, абхазской проблемы военным путем. Дух демократизации? Мы-то все прекрасно понимаем, что независимо от того, демократична страна или недемократична, она не отказывается от ведения военных действий, поэтому мы не можем исключать решение проблемы именно таким путем. Насколько вы допускаете возможность решения проблемы целостности Грузии с помощью военных действий?

Давид Бердзенишвили. Возможность военных действий присутствует и в первом, и во втором, и, в меньшей степени, в третьем варианте. Возьмем худшую версию кипрского варианта. Нынешняя ситуация сама по себе, естественно, не ограждает нас от военных действий, но мне кажется, что по этому сценарию полномасштабной войны не состоится, так как у грузинского государства нет ни таких средств, ни такого желания – но военные столкновения были и, может, еще будут. При сохранении такой ситуации военные операции станут частью предвыборной политической кампании.

Что касается второго варианта, то, если Грузия станет частью российского пространства, а в Абхазии найдутся люди, которые не захотят вернуться к той известной иерархической триаде Москва –

Тбилиси – Сухуми, тогда я не исключаю такой возможности – не исключаю, что русско-грузинским военным подразделениям будут оказывать сопротивление абхазские отряды.

Что касается третьего варианта, с положительным исходом – там Грузия отказывается от военного решения, но если все же вспомнить процессы, которые сейчас идут в Югославии после победы Коштуницы, да и Запад вроде бы не очень сейчас защищает Косово и вообще албанцев... Но если в третьем варианте Грузия решит применить силу, думаю, это будет большой ошибкой. Может, будет угроза применения силы, но применения силы, скорее всего, не будет, а если все-таки будет, то никакого военного решения этой проблемы нет. Допустим, Грузия смогла победить в какой-то войне с Абхазией – грузино-абхазскую проблему это никак не решает: будет сильное абхазское движение сопротивления, и грузинские войска там не будут контролировать ситуацию. Это, по сути, означает отказ Грузии от демократического развития. Что хорошее, то связано с реальным решением проблемы, а стремление к военному решению проблем не приводит к их решению, от этого пострадают как грузины, так и абхазы.

Тенгиз Пачкория. Третий вариант у вас – это Грузия без Шеварднадзе и нормальное демократическое государство, я так понял, прозападной ориентации, условно скажем. А допускаете ли вы во втором варианте, что Грузия остается независимым государством, но с определенной российской ориентацией? Я так понял, вы имеете в виду, что Грузия входит в состав России, а допускаете ли вы, что Грузия остается независимым государством, но с российской ориентацией, и уже в этих рамках воссоздается та же триада, о которой вы говорите?

И второй вопрос. В каком из ваших вариантов (их могут быть еще десятки, вы, наверно, самые главные суммировали), в каком из ваших вариантов лучше всего, на ваш взгляд, представлено решение проблемы беженцев? И в каком объеме? Вот вы говорили о 94-м годе, о документе, связанном с возвращением какой-то части беженцев. Как вы себе представляете урегулирование этой проблемы? В первом варианте ясно, в пятом тоже примерно ясно, а во втором, тре-

тьем и четвертом – где лучше всего, и гуманнее, и эффективнее, представляется решение проблемы и каким путем? Будут ли возвращены все беженцы, желающие этого, или только часть – скажем, та, которая не принимала участия в боевых действиях?

Давид Бердзенишвили. Что касается союза с Россией, теоретически я не исключаю, что за десять-пятнадцать лет Россия, может быть, станет нормальным демократическим государством, значительной частью евро-атлантического пространства. Демократизацию России без вхождения в евро-атлантическое пространство я себе не представляю. Если Россия станет таким же Западом, как, скажем... – ну, представим себе: Западная Европа, Япония, между ними Россия, там Соединенные Штаты, и еще много на земном шаре демократических государств, в том числе и в южном полушарии – тогда Россия будет не на одной какой-нибудь стороне, а будет способствовать справедливому урегулированию проблемы. Вы очень обиделись на то, что я употребил слово «долгожители», но чтобы дожить до демократизации России, нужно быть еще большими долгожителями. А в нынешней ситуации, пока Россия ведет реваншистскую политику, она не является гарантом стабильности на Кавказе – наоборот, способствует сохранению очагов напряженности на Южном Кавказе и расправляется с людьми на Северном Кавказе.

Что касается беженцев. Я считаю, что все беженцы имеют право на возвращение. *Все* беженцы имеют право, и я не согласен с тем соглашением, где сказано: «кроме тех, которые» и выделяется группа, которая принимала участие в войне. Я считаю, что кроме того, что все беженцы имеют право на возвращение, они имеют право и на политические права в Грузии. Вы ограничены в гражданских правах, вы не принимаете участия в выборах, и я думаю, что в современной Грузии ваши права ущемлены. Поэтому мне кажется, что беженцы должны получить право быть полноправными гражданами Грузии, не дожидаясь, пока решится вопрос их возвращения в Абхазию. Те беженцы, которые захотят обустроиться в других частях Грузии и там и остаться, естественно, имеют на это право. И всем нам ясно, что по многим причинам не все сто процентов беженцев вернутся в Абхазию, но значительная их часть (думаю,

большая часть) туда вернется, если ситуация будет тому способствовать. Если русские и грузины заставят Абхазию вновь войти в ту же триаду в качестве нижнего, третьего члена, то и тогда возвращение беженцев будет не без проблем и их отношения с абхазами будут тоже натянутыми. И это далеко не решение проблемы. Это, наоборот, по сути, усугубит проблему. Это то же самое, что было в советское время. В советское время эта проблема была зажата, были тоталитарные институты, которые не давали возможности выразиться, а после снятия этих институтов мы пришли к конфликту. (Не обязательно надо было приходить к конфликту, но противостояние себя показало.)

Нателла Акаба. Не допускаете ли вы еще одного сценария – допустим, попытки отторжения Гальского района (а может быть, и более масштабной территории) и установления там грузинской администрации, что может привести к разделу Абхазии?

Давид Бердзенишвили. Это называется «сценарием Хаиндрава», и к разработке этого сценария причастны мы с Паатой. *(Смех в зале.)* Это один из сценариев и подходов Республиканской партии 97-ого года: грузины и абхазы неспособны жить вместе, проблем гораздо больше, чем точек соприкосновения, поэтому грузины и абхазы расходятся и идет раздел. Для Грузии мы предложили жирный кусок территории, а какой именно – это предмет переговоров. В этом случае 87 % беженцев возвращаются в свои дома, в прямом смысле этого слова, но для Абхазии это означает независимость за счет территории – независимость на значительно меньшей территории, чем нынешняя. А это означает, что Грузия и Абхазия не будут дружественными народами и странами не только в обозримом будущем... Я бы не хотел, чтобы это был реалистичный сценарий.

Нателла Акаба. А Грузия признает такое?

Давид Бердзенишвили. Да, это означает признание Грузией такой Абхазии – однако без особой радости.

Нателла Акаба. Хаиндрава этого не обещал. Он обещал, что она будет в составе Грузии.

Давид Бердзенишвили. В этой нашей концепции не написано прямо, что та часть, «абхазская Абхазия» – она отдельная, но это подразумевается.

Нателла Акаба. Мы поняли ваш намек.

Паата Закареишвили. Пусть это будет «вариантом Хаиндрава», а общее государство будет «вариантом Бердзенишвили». Мне это выгодно: оба варианта – наши.

Нателла Акаба. Пакт стабильности не упоминает ваш вариант.

Вопрос. Не допускаете ли вы и такой возможный сценарий в постшеварднадзевский период – не развитие демократических институтов, а авторитаризация страны и жесткий режим, построенный не на большевистской основе, а на «новых правых» и т.п.? В общем, какой-то вариант возврата к авторитаризму – может быть, чилийский вариант?

Давид Бердзенишвили. Я думаю, это привело бы Грузию к коллапсу. Этого я почти не допускаю. Я думаю, у Грузии нет ресурсов авторитаризма. А раз их нет, может, на каких-то выборах кто-то и выигрывает, но чтобы это продлилось больше нескольких лет, даже нескольких месяцев – нет, такую Грузию я не вижу.

Леван Рамишвили. Я хотел бы уточнить пятый, «бенилюкский» вариант. По-моему, в роли Бельгии там получается Абхазия, потому что после возвращения беженцев ту модель Бруно Коппитерса – т.е. модель отношений грузин и абхазцев – надо будет осуществлять уже в Абхазии.

Давид Бердзенишвили. Из этнически пестрой Абхазии получить плюралистическое демократическое общество – это очень серьезная

проблема, даже при таких тепличных условиях. По бельгийскому или по другому какому-либо варианту это будет – это проблема разрешимая, при условии предварительного разрешения...

Тинатин Хидашели. Я хотела бы сказать несколько слов о том, что спрашивал Тенгиз – о Южной Осетии. Немного запоздалый комментарий, но я хотела бы кое-что добавить к тому, что сказал Дато – почему неодинаково ставится вопрос Абхазии и Южной Осетии. Одной из причин является то, что лидеры Южной Осетии очень часто говорят о правах осетин, которые жили в остальной Грузии, т.е. для них проблемой является не только та территория, которая сегодня называется Южной Осетией, но и имущество, которое им принадлежало за пределами Южной Осетии. Проблема осетин в остальной Грузии такая острая, что они от этого не могут уйти и сами об этом всё время говорят.

Нателла Акаба. Они требуют компенсации?

Тинатин Хидашели. Они требуют полной компенсации и возвращения в те места, где жили, и для нас это козырь: значит, эти люди считают себя частью той страны, где они тогда жили.

Давид Бердзенишвили. Я дам справку: 65 тысяч осетин жили в автономной области в советское время, 100 тысяч – во внутренних регионах Грузии. И они владели грузинским языком, были очень интегрированы, поэтому эта проблема является фактором интеграции.

Тинатин Хидашели. Тот факт, что многие из этих осетин, которые жили в остальной Грузии, сейчас возбуждают дела в наших судах – по поводу жилища и т.д. – сам по себе показателен и означает, что они считают себя такой же частью страны, как и остальные ее жители.

Давид Бердзенишвили. Многих из них не очень любят в Северной Осетии. Мне часто говорили: «Что это вы культивировали антироссийские настроения? Они у нас такие антирусские, эти ваши осетины».

К ПРОЕКТАМ УРЕГУЛИРОВАНИЯ: ВОЗМОЖНЫ ЛИ ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ МОДЕЛИ?

I

Тот, кто берется за разработку какой-либо модели, не может не задаться вопросом о возможности ее осуществления. Сама разработка, в принципе, не представляет собой ничего особенно затруднительного. Компетентные специалисты и опытные политики, было бы желание и усердие, способны предложить различного рода проекты урегулирования и сосуществования. В условиях Абхазии встает при этом неминуемый вопрос о возможности реализации любого проекта и даже о создании самой такой возможности. Необходимо спланировать рамочные условия урегулирования, а не только согласительные пункты. Создать сами условия, при которых проектирование и моделирование имели бы смысл, что особенно трудно при хаосе и нестабильности, существующих в регионе. Нужна особая политика создания приемлемой модели, которая станет составной частью политики взаимоотношений между Грузией и Абхазией. Если этого не произойдет, любой проект урегулирования и сосуществования, кем бы он ни был предложен, даже если он будет отвечать нуждам и потребностям обеих сторон, может оказаться не более чем очередной утопией.

Создание условий и рамочных конструкций, придающих смысл работе над конкретными моделями сосуществования (не имеет значения промежуточными или окончательными), можно связать с тем, что на Западе называют *building motivation* (построение мотивации). Есть определенный философский смысл в этой связи. Восточное сознание (а Абхазия, чтобы там ни говорили, как впрочем, и Грузия, – Восток) является более инфантильным и инертным, чем западное, и часто демонстрирует неспособность представить, что активность человека может быть направлена не только на внешний мир, но и на внутренний. Я имею в виду не самопознание, а именно самопостроение, строительство и созидание, даже если кажется, что для этого

нет никаких предпосылок. Для такого рода сознания мотивация или есть, или ее нет, подобно тому, как и чувство – или оно есть, или его нет, если оно есть – то с ним ничего не поделаешь, если его нет, то с этим также ничего не поделаешь. Поэтому построение мотивации, как и воспитание чувств принадлежит, прежде всего, европейской цивилизации и работу над проектами и моделями сосуществования, размышления над условиями их осуществления, я рассматриваю как один из способов европеизации.

Создание рамочных конструкций и условий, то есть не просто проектирование и моделирование, но *политика* разработки и осуществления той или иной модели, представляется задачей первостепенной важности. На семинаре в Бад-Швальбахе, в Германии, в ноябре 2000 года, участники от абхазской и грузинской сторон столкнулись с проблемой рамочных условий. Из предложенных организаторами конференции тем для обсуждения – определение политического статуса, проблема беженцев и экономические санкции, были выбраны экономические санкции. У каждого из участников были, вероятно, свои причины, для такого выбора. Я остановился на этой теме потому, что экономические санкции представлялись мне побочным явлением в грузино-абхазском конфликте и потому наиболее легко устранимым. В ходе обсуждения обнаружилось, однако, что все не так просто, что снятие санкций является далеко не одноразовым актом, что это процесс, то есть нужна именно политика снятия санкций, то есть необходимо определение рамочных условий, делающих снятие санкций реальностью.

Вместо того, чтобы постоянно иметь в виду эти рамочные условия, участники дискуссии постепенно о них забыли и ударились исключительно в частные вопросы, которые вне общего, более широкого контекста, потеряли всякий смысл и практически завели в тупик, выход из которого можно было найти только вернувшись или, точнее, поставив частные вопросы в зависимость от общей задачи – снятия санкций. И так будет во всех случаях, где нет общей стратегии для той или иной области. Так произошло бы и с любой другой выбранной темой, если рамочные условия были бы преданы забвению. Поэтому подобно тому, как при обсуждении экономических санкций забыли о необходимости применения соответствующей по-

литики и ни к чему не пришли, так ни к чему не придут и в других случаях, если не позаботиться о политике определения политического статуса и о политике по поводу проблемы беженцев.

Следовательно, необходимо думать о политике проектирования и моделирования мирного сосуществования Грузии и Абхазии. К тому же проблема, о которой здесь идет речь, является многосоставной. Здесь приходится учитывать и держать в поле зрения сразу множество вещей. Любой, кто возьмется за конструирование какой-либо модели, должен будет, по выражению Мераба Мамардашвили, *держат собранными* все эти вещи, все привходящие обстоятельства и располагать их в определенных пропорциях и соотношениях.

До сих пор все предложения по поводу устройства государственно-правовых отношений между Грузией и Абхазией исходили, в основном, от независимых исследователей или групп исследователей. Хотя, возможно, при этом они отражали в той или иной мере либо официальную (но не явно высказываемую), точку зрения, либо точку зрения определенного политического спектра или партии (как в случае с предложениями республиканцев в Грузии). Как бы там ни было, это не меняет сути дела и все, до сих пор предпринимавшиеся попытки предложить какие-нибудь модели сосуществования можно рассматривать как частные попытки независимых исследователей, поскольку никакого явного политического или экономического лобби за ними не просматривалось. В результате, несмотря на заключающиеся в некоторых из них дельные и рациональные предложения, они так и остались не востребованными. Но при сложившихся обстоятельствах трудно ожидать другого. Любой проект, представленный кем-либо извне, будет содержать в себе те или иные невыгоды для той или иной стороны, и люди, от которых зависит принятие решений, но которые сами в разработке проекта участия не принимали, естественно, обращают внимание прежде всего на невыгодные аспекты возможного соглашения и поэтому отвергают его. Вряд ли поэтому можно представить ситуацию, при которой кто-то разрабатывает некий идеальный проект и он, пусть и после обсуждения, будет принят официальными властями и народом.

Следовательно, для создания режима наибольшего благоприятствования необходимо, чтобы в процессе разработки проектов госу-

дарственно-правовых отношений принимали участие не только специалисты, технологи, ученые, но и те, от кого зависит принятие решений – политики, представители официальных структур, влиятельные общественные деятели. Это совсем не означает, что предложения независимых ученых и институтов и академические контакты ученых, внешне не связанных с официальным уровнем, не нужны или бесполезны. Их ни в коей мере нельзя рассматривать как простое дополнение к отношениям на правительственном или правительственно-неправительственном уровне. Такие контакты имеют значение, как способствующие образованию групп влияния, и, во-вторых, как способствующие формированию научных элит (о значении элит в широком смысле этого слова я скажу чуть ниже).

II

Таким образом, встает вопрос о таком механизме разработки соответствующей модели, в котором принимали бы участие как политики, ответственные за принятие решений, так и специалисты, а также представители более широкой общественности, как с грузинской, так и с абхазской стороны. Речь идет о налаживании *процесса* выработки соглашения, внутри которого шаг за шагом можно будет продвигаться к цели. Возможно, началом такого процесса станет пицундская конференция, прошедшая в феврале 2001 года. Реальных результатов она не принесла и больше смахивала на очередной «обмен трупов»: грузинская сторона настаивала на статусе Абхазии в составе Грузии, абхазская утверждала, что статус независимого государства у нее уже есть и обсуждать здесь нечего. На том и расстались, но будем помнить, что это только начало, что в дальнейшем, может быть, удастся согласовать некоторые позиции, а также более правильную организацию и принцип подбора участников подобного рода встреч, в смысле представленности широкого общественно-политического спектра. Такого принципа надо последовательно придерживаться, расширив круг участников встреч за счет оппозиции.

Хотя пицундская встреча не являлась частью официального переговорного процесса и, судя по всему, закончилась безрезультатно, автор этих строк считает, тем не менее, возможным обратиться на нее

особое внимание. (Правда, это будет иметь смысл только при условии регулярного проведения такого рода конференций и более представительного подбора участников). Дело в том, что я лично склоняюсь к тому, что если и будет принята какая-либо модель отношений между Грузией и Абхазией, то, скорее всего, это произойдет на основе консоционализма, который является также наиболее приемлемой формой для политического устройства самой Абхазии.

Система, при которой «компромисс ищут и находят на высшем уровне» и которую «можно охарактеризовать как верхушечную дипломатию во взаимоотношениях элит, воспроизводящую модель международной политики»¹, представляется мне в данном случае наиболее подходящей. Согласие относительно промежуточной модели может быть принято на основе консоционализма, а это в свою очередь поможет становлению консоциональной практики в самой Абхазии, т.к. процесс принятия решений в ходе работы над проектом урегулирования, поможет приобретению навыков и умения работать на уровне верхушечной дипломатии и применять эти навыки и умение и в других случаях. Исходя из этого, мне хотелось бы, вопреки шаткости подобной надежды, видеть в Пицундской конференции такой же зачаток консоциональной практики, какой я вижу в тех встречах, которые проводятся в рамках проекта Полы Гарб.

Консоционализм представляется наиболее подходящей формой принятия решения и согласованного создания как промежуточной, так и окончательной модели, но есть в то же время ряд обстоятельств, препятствующих этому. Во-первых, консоционализм, как известно, предполагает уважение масс к элите, т.к. только таким уважением и доверием может быть обеспечено их благосклонное отношение к той модели урегулирования, которая будет предложена. Этот фактор в Абхазии отсутствует по отношению к официальным властям. За послевоенный период официальные власти из-за своей неразумной политики многое потеряли в глазах собственного народа, и говорить об уважении к ним масс можно только в очень относительном смысле. Однако можно предположить, что с течением времени положение на этом уровне постепенно изменится, что будет коррелировать с такой

¹ Рафаэль Нджоку. Что такое консоционализм?// Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии. Москва, 1999, с.302.

же постепенной, пошаговой работой над промежуточным проектом, потому что и работа над промежуточным проектом не есть одномоментный акт, а процесс, требующий немало времени.

Второй фактор – это необходимость «поддерживать секретность, чтобы избежать излишних межгрупповых ссор».¹ Определенный уровень секретности неизбежен в любом случае, но обществу регулярно, по мере продвижения работы над соглашением, должно периодически разъясняться, на каком этапе находится эта работа и какое согласие достигнуто по тому или иному вопросу. Хотя такой подход грозит ежеминутно нагаливаться на неподготовленность общества к каким-либо компромиссам с Грузией, на существующий высокий уровень недоверия, тем не менее, он неизбежен, чтобы избежать лишнего слухов и недоразумений, а также для целенаправленной подготовки общественного мнения. Благоприятное общественное мнение, в случае, если процесс урегулирования обретет реальные контуры, является условием для принятия решения и его умелое формирование и создание должно стать частью общей стратегии. Если этого не произойдет, то любое соглашение может быть отвергнуто обществом и усилия потрачены зря. Опыт 1995 года со злосчастным протоколом о грузино-абхазском урегулировании (чего бы он ни стоил) ясно показал это.

Итак – консоционализм как метод достижения соглашения и форма государственно-политического устройства для самой Абхазии. Я не буду здесь подробно останавливаться на втором моменте этой формулы, поскольку это уже выходит за рамки данной статьи (к тому же здесь возникает ряд вопросов и противоречий, требующих специального обдумывания), но, продолжая рассуждения об условиях и возможностях разработки и принятия промежуточной модели, нельзя не сказать несколько слов о государственности. Государственность есть третья сторона в треугольнике условий для принятия плана урегулирования. Первая сторона (метод) – консоционализм, вторая сторона – сам процесс разработки проекта, третья сторона – государственность. Эта сторона или это условие является самой проблематичной, но, думается, и самой несомненной. Государственность, о многих аспектах которой можно говорить, я беру здесь как инстанцию, способную принимать решение.

¹ Там же, с.303.

Если допустить, что модель будет принята, то встает вопрос о ее реализации, осуществлении. Это можно сделать только при условии наличия государственности как инстанции, способной принимать решения и проводить их в жизнь. Это, конечно, суженное понимание государственности или, как говорят политологи, частичное понятие государства. Но государство в полном, всестороннем смысле этого слова при существующих внешних и внутренних условиях Абхазии, невозможно и, например, урегулирование грузино-абхазских отношений в свою очередь выступает условием для такого рода государственности. Поэтому я сужаю значение этого термина до чисто функционального, но весьма важного как инстанции, способной принимать решения, инстанцией, обладающей властью что-то решать не на словах, а на деле. А такое частичное понятие государства не представляется невозможным реализовать и при нынешних условиях. Если этого не произойдет, никакие решения не будут осуществлены. Но эта сторона треугольника находится всецело в руках абхазов, и это условие может быть реализовано только ими самими. Здесь уместно напомнить высказывание Зураба Ачба: «Необходимо установить барьер, за ограниченной планкой которого пространство для любых договоренностей»¹.

Кроме того, сказанное о государственности имеет значение и в том отношении, что раз речь идет об урегулировании государственно-правовых отношений, то должно быть и государство (хотя бы в частичном смысле слова), с которым имеет смысл говорить о государственно-правовых отношениях. Государственно-правовые отношения можно строить только между государствами, иначе цель переговоров и построения модели теряется. Понятно, что я говорю не в смысле признанности или не признанности государства, в данном случае не это важно. Неважно, что государство не признано, важно, что оно существует, то есть может осуществлять контроль на своей территории, может гарантировать хотя бы минимальный правопорядок и стабильность, и может принимать решения, касающиеся жизни всего народа, как целого и представлять его реальные интересы. При выполнении этих условий мы можем говорить о наличии государственности вне зависимости от его признания или непризнания.

¹ Зураб Ачба. Если я не пойду в политику, то политика доберется до меня.// Спешу поделиться с вами. Сухум, 2000, с.4.

При невыполнении этих условий даже признание международным сообществом ничего не даст. Признание, хотя и очень важный акт, само по себе никакой государственности не создаст.

Несговорчивость абхазской стороны во многом проистекает от бессилия и слабости. Есть известное выражение Мишеля Фуко о том, что все решения опасны. И он уточнял – не все решения плохи, а все опасны, то есть какие-то проигрышные, а какие-то нет. Но в грузино-абхазском случае, похоже, все решения будут именно плохи при отсутствии инстанции, способной принимать решения. Абхазская сторона имеет гораздо меньше ресурсов, поэтому не идет на уступки. Уступить она может очень немного, а потерять может все. Во всяком случае, у абхазской стороны есть такой страх. Может показаться парадоксальным, но, исходя из этого, Грузия должна быть даже заинтересована в абхазской государственности, чтобы иметь действительно равноправного партнера по переговорам, с которым имеет смысл вести именно переговоры по государственно-правовым отношениям. Я далек от мысли призывать Грузию к содействию в деле становления в Абхазии нормального государственного правопорядка, стабильных институтов и твердой власти, но в ее силах, по крайней мере, не мешать этому. С этой точки зрения любые попытки давления, угроз, санкций и проч. совершенно бессмысленны. Грузинская политика в этом плане должна измениться и не ставить нормальные отношения с Абхазией в зависимость от прогресса в деле урегулирования, но наоборот, рассматривать прогресс в деле урегулирования, как зависимый от нормальных, по настоящему партнерских отношений с Абхазией. Все это безотносительно к определению статуса. И такая политика должна стать рамочным условием процесса разработки модели урегулирования, общего плана сосуществования.

III

Я не случайно уделил столько внимания условиям создания промежуточной модели и возможностям ее реализации. Это – основная проблема. Для, пожалуй, любого рода инициатив. Со времен Канта вопрос о том, как это возможно, стал принципиальным для любого интеллектуального обоснования.

В данной статье предполагается ситуация, когда стороны принимают решение совместно и совместно работают над созданием приемлемой модели. Мартен Тео Янс, рассматривая три пути урегулирования конфликта, отметил: «внешняя власть может навязать решение противоборствующим сторонам, исход конфликта может сложиться под влиянием ряда односторонних действий или же конфликтующие стороны могут решить уладить свои разногласия общими усилиями»¹. Если какое-нибудь решение будет принято, то естественно, нужно будет контролировать его выполнение, что предполагает наличие или создание механизмов и институтов, отвечающих за это. При слабости и ненадежности политических, социальных и правоохранительных структур противоборствующих сторон, становится очевидной необходимость некоторых международных гарантий. Абхазская сторона всегда с недоверием относится к такой возможности, в первую очередь из-за проблемы беженцев, для которых, в основном и требуются международные гарантии защиты. При возникновении каких-либо коллизий международные силы, в случае их задействования, могут быть использованы против Абхазии. Такая возможность, хотя бы, гипотетически существует, не говоря уже об опасениях. Поэтому проблема беженцев в промежуточной модели может быть рассмотрена только в ограниченном ракурсе.

Вообще же гарантии международного сообщества, международных институтов потребуются, скорее всего, в любом случае. Связано это как раз со слабостью грузинской и абхазской сторон, с отсутствием или частичным наличием государственности, в связи с чем объем и комплекс мероприятий, необходимых на всех стадиях достижения полномасштабного урегулирования, не может быть полностью взвален на их плечи.

Создание промежуточной модели определяется необходимостью и неизбежностью политики постепенного, нацеленного на долгосрочную перспективу выстраивания отношений между Грузией и Абхазией. Частичные проекты урегулирования государственно-правовых

¹ Мартен Тео Янс. Теория и опыт регулирования этнонациональных конфликтов: их применимость к грузино-абхазскому конфликту// Грузины и абхазы. Путь к примирению. Москва, 1998, с.209.

отношений можно рассматривать как закладку фундамента возводимого здания. Эту деятельность можно начать не дожидаясь решения вопроса об определении статуса. В частичной модели этот пункт можно опустить. Такие исследователи, как Георгий Анчабадзе предлагают и вовсе временно отложить переговоры о статусе Абхазии и наложить мораторий на самые спорные и болезненные темы.¹ Действительно, хотя невозможно и не нужно навязывать мораторий такого рода независимым ученым, специалистам, академическим кругам, но на переговорном уровне или на уровне конференции, призванной разработать и предложить промежуточную модель, этот временный мораторий будет необходим. Но относительно беженцев вряд ли возможно то же самое. В этом случае грузинская сторона может потерять всякий стимул к каким бы то ни было договоренностям. Вопрос беженцев не менее острый, чем вопрос статуса, но полностью обходить его не стоит. В частичной (промежуточной) модели можно предусмотреть частичное решение этой проблемы, как это и происходит, кстати говоря, в действительности.

Не дожидаясь решения вопроса о статусе, следует начать уравнивать нормальные отношения между республиками. Как пишет тот же Анчабадзе, надо отказаться от политики репрессий и огульного очернения противоположной стороны.² Пока сохраняется конфронтационный подход, все переговоры, встречи, консультации, прежде всего с участием официальных лиц (на неофициальном уровне все проще), будут рассматриваться частью, продолжением политики конфронтации и как средство не для нахождения приемлемого решения, а как способ протолкнуть одностороннее решение, что в любом случае невозможно.

Необходимо поэтому снятие экономических санкций с Абхазии, договоренность об открытии коммуникаций, прекращение апелляций к какой-либо внешней стороне с целью осуществить принуждение. Внешняя сторона может и должна принимать участие в грузино-абхазском урегулировании, ее содействие и помощь нужны, но нельзя требовать от нее силового давления в пользу какой-либо из

¹ Георгий Анчабадзе. Преодолевая поствоенный синдром.// Кавказский акцент, № 2, 2001, с. 3.

² Там же, с.3.

сторон. Это просто нереально. Поэтому отказ от таких обращений должен стать частью общей политики отказа от репрессий.

Частичный проект может, в основном, складываться из тех проектов урегулирования, которые уже предлагались, тех моделей, которые уже разрабатывались, но были нацелены на окончательное урегулирование. Наиболее рациональные и осуществимые элементы, будучи скомбинированы с добавлением некоторых новых предложений и с учетом сложившихся реалий, могут составить содержание промежуточной модели. Думается, снятие экономических санкций и открытие коммуникаций могут быть ее составными частями.

Само моделирование не является чем-то совершенно новым в истории грузино-абхазских отношений. В 1919-1920 гг., в период меньшевистской Грузии, когда Абхазия была занята грузинскими вооруженными формированиями, а статус Абхазии и ее отношения с Грузией нуждались в правовом оформлении, депутаты тогдашнего абхазского парламента работали над проектом конституции и были составлены различные проекты, балансировавшие на грани федерализма, конфедерализма, что объяснялось положением на тот период. После войны 1992-1993 годов первой попыткой определить контуры промежуточных отношений явилась статья 7 Заявления о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта от 4 апреля 1997 года. На сегодняшний день самый разработанный и подробный проект конституционной модели был предложен Вячеславом Чирикба¹ и, хотя абхазская общественность встретила не слишком благожелательно, тем не менее, в нем есть ряд рациональных и дельных предложений, которые можно воспринять. Другим конкретным, но недостаточно разработанным предложением является модель кондоминиума. В наиболее завершенной форме этот вариант получил выражение в статье Далилы Пилия «Модель для горячих точек». Модели кондоминиума как наиболее приемлемой формы урегулирования придерживается и московский этнолог Сергей Арутюнов.² Есть предложения и с грузинской стороны, но только в форме

¹ См. Вячеслав Чирикба. Грузия и Абхазия: предложения к конституционной модели. // Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии. Москва, 1999, с.387-435.

² См. Сергей Арутюнов. Еще один вариант урегулирования грузино-абхазского конфликта. // Аспекты грузино-абхазского конфликта, №4. Ирвайн, 2000, с. 98-102.

общих предложений о федерации и широкой автономии. Какая модель предлагалась Грузией (в форме разработанного проекта) и предлагалась ли она вообще на пицундской конференции, мне неизвестно. Официальные же сведения об этом очень скудны. Есть предложение Республиканской партии, представленное статьей Ивлиана Хаиндрава «Конфликт в Абхазии и возможный путь его урегулирования»,¹ предлагающее формулу «единство посредством разделения». Дальнейшую трансформацию этот принцип претерпел в работе представителя той же партии Давида Бердзенишвили «Единство через разделение. Проблемы регионализма Грузии и общего грузино-абхазского государства».²

Из всех этих предложений, возможно, только проект И. Хаиндрава носит черты именно промежуточной модели, т.к. сам автор подчеркнул, что предлагаемая концепция не является проектом всеобъемлющего договора. Остальные предусматривают именно проект всеобъемлющего договора, рассчитанного на долгосрочную перспективу. Однако концепция грузинского автора, основанная на разделении территории Абхазии на две части – северную Республику Абхазия и южный Абхазский край, абхазской стороной рассматривается как наименее приемлемая. Подобное разделение воспринимается как нарушение территориальной целостности Абхазии. Хотя проект Республиканской партии содержит и другие предложения, но уже пункт о разделении Абхазии, не будучи убран, делает невозможным все остальное. В статье Бердзенишвили принцип «единство через разделение» распространен на межгосударственные отношения, на отношения двух равноправных субъектов в рамках общего государства. Одним словом – концепция союзного государства. Здесь принцип «единство через разделение» приближен к реальности, но эта проблема выходит уже на определение статуса, а в промежуточной модели этот вопрос лучше всего опустить.

Какие меры можно принять, какие решения можно предложить в рамках промежуточной модели, кроме отложения на время вопроса о статусе и открытия транспортного коридора? В свое время, в

¹ См. Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии. Москва, 1999, с. 353-365.

² См. Аспекты грузино-абхазского конфликта, №4. Ирвайн, 2000, с. 88-95.

проектах конституции 1919-1920 гг., тогдашние абхазские политики предусматривали институт уполномоченного от Грузии при абхазском правительстве и уполномоченного от Абхазии при грузинском правительстве. Уполномоченные и с той и с другой стороны имели равные права. В проекте соглашения, подготовленного в то время, этим уполномоченным предоставлялось право в случае, если они усмотрят в тех или иных действиях или законопроектах, вносимых в народный Совет (тогдашний парламент – А.Л.) ущемление интересов той стороны, которую они представляют, вносить свои возражения, а если Народный Совет не согласится с ними, то вносить их в согласительную комиссию. Представляется возможным перенести эту меру и в нынешние грузино-абхазские отношения. Институт уполномоченных и создание Согласительной комиссии позволят расширить процесс институционализации грузино-абхазских отношений и могут рассматриваться как временная мера до полномасштабного урегулирования, до того как все аспекты отношений будут ясно и определенно очерчены. Эту меру следует рассматривать как преемственную по отношению к созданию в свое время Координационного совета, но Согласительная комиссия должна обладать более широкими функциями и полномочиями, фактически аккумулировать в себе весь спектр грузино-абхазских отношений, в том числе и разработку проекта полномасштабного урегулирования, но на регулярной основе, а не по мере возникновения «конкретных аспектов вопросов», как это было сформулировано для Координационного совета. Решения Согласительной комиссии должны иметь обязательный характер. Это – в случае нахождения решения. Если стороны не находят решения, то они по Лейпхарту, соглашаются не соглашаться. Может быть, тот же Координационный совет, выполняющий сейчас очень ограниченные функции, со временем перерастет в более полномочную и влиятельную Согласительную комиссию, функции которой могут быть расширены за счет придания ей более разносторонних политических функций. Фактически ее можно рассматривать как межправительственный и межгосударственный орган.

Думается, некоторые важные мероприятия можно провести в области экономических отношений. Гиа Тархан-Моурави предлагал идею превращения Гальского района в свободную экономическую

зону, временно подчинив ее международному режиму безопасности и добавлял – «следует отметить, что даже в сегодняшней напряженной ситуации Гали в определенной степени уже выполняет клиринговую и рыночную функцию для обеих сторон».¹ Превращение сколь нестабильного, столь и важного в экономическом и географическом отношении региона в стабильную зону в огромной степени содействовало бы положительной трансформации конфликта, не говоря уже о прочих выгодах. Абхазцев может смутить в данном случае международный режим безопасности, но всякие могущие быть для Абхазии негативные последствия этого, могут быть нейтрализованы точным, недвусмысленным определением гарантий и условий такого режима, степени участия и функций самих гарантов, безусловно. Для всех должно быть ясно, что Гальский район является неотъемлемой частью Республики Абхазия.

В экономической области чрезвычайно важной задачей для Абхазии является всесторонняя реабилитация как разрушенной во время войны части инфраструктуры, так и продолжающей деградировать после войны оставшейся части. Помощь во всесторонней реабилитации экономики была предложена в свое время международными организациями, в связи с чем Абхазию посещала миссия по определению нужд, которой было проведено всестороннее обследование и на основе его подготовлен объемистый доклад. Однако предоставление помощи Абхазии грузинская сторона увязывала с одновременным возвращением беженцев на всю территорию Абхазии, на что последняя не соглашалась, и не согласится, хотя своими силами в полной мере восстановить экономику не в состоянии. Но Грузия могла бы содействовать программе всесторонней экономической реабилитации Абхазии, во-первых, если будет достигнута договоренность относительно Гальского района, как свободной экономической зоны, что в первую очередь будет на пользу, проживающему там грузинскому населению. Во-вторых, могла бы быть разработана программа имплементации возвращения беженцев и определение отдельных локальных точек в других районах, куда могли бы возвратиться небольшие группы беженцев при согласии местного населения (это

¹ Гиа Тархан-Моурави. Грузино-абхазский конфликт в региональном контексте.//Грузины и абхазы. Путь к примирению. Москва, 1998, с. 150.

необходимое условие). В-третьих, абхазская сторона дает согласие на подключение к переговорному процессу по разработке соглашения представителей беженцев, хотя бы в качестве наблюдателей. Абхазская сторона ничего от этого не потеряет, зато уровень враждебности со стороны беженцев будет понижен. Этот шаг поможет осознанию ими сложившейся реальности и выработке более разумного подхода.

Абхазия должна иметь собственные вооруженные силы. В проектах 1919-1920 г., в которых также предусматривалась подобная мера, они комплектовались по территориальному признаку. Наличие собственных вооруженных сил является обязательным компонентом государственности и настоятельной необходимостью в условиях нестабильного окружения, как гарант безопасности. Абхазия заключает с Грузией специальный договор или включает отдельный пункт в совместное общее соглашение, где оговаривается, что территориальные формирования Абхазии не будут использоваться ни при каких обстоятельствах против Грузии, за исключением тех случаев, когда с ее стороны может последовать какая-либо попытка силового давления. Абхазия также обязуется не давать использовать свою территорию для каких-либо враждебных акций против Грузии со стороны третьего государства. О том же, какую положительную роль может сыграть цивилизованный институт вооруженных сил, я намерен более подробно говорить в дальнейшем.

Вводится также принцип двойного гражданства, по которому гражданин Абхазии, по выбору, может принять также гражданство какой-либо иной страны. Но эту меру надо увязать с введением и признанием новых абхазских паспортов. В частности, эту инициативу выдвигает в своем, пока еще не обнародованном варианте промежуточной модели, сухумский политолог Далила Пилиа.

В продолжение экономической линии рассуждения, можно заключить таможенное соглашение между Абхазией и Грузией. В случае открытия коммуникаций заключение такого рода соглашения будет даже неизбежным и станет началом цивилизованных отношений между сторонами.

Завершая размышления, я сведу воедино те посылки, которые здесь представил. Наиболее приемлемым путем разработки как про-

межучточной, так и полномасштабной модели и условием ее реализации является путь консоциализма и создания частичной государственности в Абхазии, которая в случае принятия промежуточной модели будет и частично признана, а также создание представительной комиссии или постоянно действующей конференции с участием всех сторон, не только посредников, но и представителей от беженцев. При соблюдении такой трехсторонней комбинации промежуточные и иные проекты мирного урегулирования и сосуществования представляется возможным и разработать, и реализовать.

Пола Гарб. До начала обсуждения у меня такой вопрос: какова последовательность мер по укреплению доверия, т.е. какие шаги может сделать каждая сторона? Допустим, с грузинской стороны таким шагом может стать снятие санкций. Каким может быть ответ с абхазской стороны?

Абесалом Лепсяя. Это уже отдельная проблема. Думаю, этот вопрос надо будет решать в рамках самого процесса. Дело в том, что снятие экономических санкций тоже требует соответствующей политики. Существует определенный уровень недоверия. Скажем, когда мы в Шляйнинге и в Германии говорили об этой проблеме и начали вдаваться в детали, вдруг обнаружилось, что даже абхазская сторона, заинтересованная в снятии экономических санкций, из-за отсутствия доверия может чувствовать какой-то подвох или требовать слишком больших уступок со стороны Грузии.

Проблема вот в чем: может быть, снятие этих санкций должно быть безусловным, а может, нужны какие-то ответные шаги и т.д., то есть должна быть выработана политика снятия экономических санкций. Но я думаю, что снятие санкций можно совместить (и такое совмещение, наверное, неизбежно) с каким-то таможенным соглашением – то есть снять экономические санкции, открыть коммуникации и достичь таможенного соглашения. Это, я думаю, в интересах Грузии тоже. Хотя здесь есть, может быть, чисто экономические нюансы, которые я могу и не улавливать, но мне представляется, что открытие коммуникаций отвечает интересам и грузинской стороны,

она в этом нуждается. А в интересах абхазской стороны – снятие экономических санкций. Так что таможенное соглашение и все необходимое надо, скорее всего, делать в одном пакете.

Нателла Акаба. У меня два вопроса. Первый вопрос: считаете ли вы возможным существование вооруженных сил, когда мы все понимаем, что это будут многонациональные вооруженные силы? Насколько реально, что абхазы и грузины будут служить в одной национальной гвардии, да еще и вооруженные, и это при том горьком опыте, который мы имеем?

И второй вопрос: считаете ли вы, что наши власти, (не знаю, как власти Грузии) готовы поделиться с нами и позволить нам тоже участвовать в переговорном процессе? Насколько я поняла, вы считаете возможным создание каких-то комбинированных групп... Конечно, в идеале это было бы хорошо, но я сегодня совершенно не вижу такой готовности со стороны наших властей – любая попытка предложить какой-то свой план вызывает совершенно жуткую их реакцию. Я это испытала на себе, когда ничего такого уж страшного не предложила, но это послужило поводом для трех статей, в которых меня фактически обвинили в предательстве национальных интересов. Как вы думаете, как это можно преодолеть?

Абесалом Лепсая. Я, кстати, говорил в начале своего выступления, что когда что-то предлагается или вообще кто-то занимается этой проблемой, власти смотрят искоса. Эта проблема действительно существует. Это своего рода проблема построения доверия между властями и общественным или оппозиционным спектром. (Потому что я считаю, что в этом должны принять участие и оппозиционные силы. Скажем, в Грузии Республиканская партия является оппозиционной, и другие оппозиционные силы могут участвовать тоже.)

Нателла Акаба. Каков реальный путь подключения неофициальных лиц к официальному переговорному процессу?

Абесалом Лепсая. На сегодняшний день власти действительно отвергают такую возможность. Но, во-первых, возможны изменения и

в самой власти, во-вторых, я предлагаю только модель. Конечно, встанет вопрос: в течение какого времени она может быть осуществлена и как подключить тот или иной спектр общества к работе над такими проектами? Этот вопрос я оставляю открытым, я не могу сейчас на него ответить. Мне лично кажется, что то, что я предложил – это единственный путь, чтобы к чему-то прийти, другого пути я просто не вижу. Другой путь – тот, что у нас уже есть, т.е. власти где-то что-то решают, что-то предлагают, но что-то не принимается, а что-то отвергается. Но если может быть выработана какая-то модель, то необходим консенсус со стороны тех, кого эта модель будет касаться, иначе это вряд ли будет возможно. На сегодняшний день власти, к сожалению, действительно не готовы и не хотят. Возможно, бывают исключения. На Шляйнингской встрече, в которой я принимал участие, было по одному, по два представителя от неправительственных организаций, все остальные были официальные лица, но это были переговоры неофициального уровня. Дело в том, что когда я предлагаю конференцию, то имею в виду, что эта конференция – не переговорный процесс, это конференция, работающая над самой моделью и предлагающая властям определенные решения. Но с властями должна быть договоренность о том, что предложения конференции будут приняты.

Что касается армии. Я имел в виду, что надо узаконить сегодняшнее положение. Служат грузины в армии или не служат – это уже другой вопрос. Может быть, со временем, когда положение стабилизируется и начнется процесс примирения, и они смогут служить. Почему не допустить, что они смогут служить в армии? Но это уже другой этап. Сейчас надо узаконить ту ситуацию, которая уже существует, независимо от того, служат там грузины или нет.

Тенгиз Пачкория. Неужели в вашем проекте нельзя было предложить что-то большее в языковом вопросе? Я уже не говорю об армии и т.д. Вы говорили только о культурной автономии. Грубо говоря, если вы идете путем создания общего конфедеративного государства, естественно, встает вопрос о двух, может, трех, а может, и большем числе государственных языков на территории Абхазии. Вы предлагаете максимум того, что можете предложить?

Абесалом Лепсая. Это не максимум того, что я могу предложить, это максимум того, что можно сделать, исходя из ситуации. Что касается культурной автономии, то это, конечно, старый термин. Относительно языка я имею в виду, что грузинское население должно иметь возможность полностью реализовать функции языка в быту и т.д., получать образование, как оно этого хочет и может.

А что касается политического момента, то это не политический момент в обычном понимании. Я говорю здесь о политическом участии в смысле консоциализма. То есть, если в Абхазии, допустим, утвердится эта модель консоциализма, то в результате консенсуса, общественного договора, грузинская община сможет так же участвовать в общественной жизни на долевого основе, как и остальные национальные общины. Естественно, она будет иметь соответствующие политические права. Но для этого должно быть соответствующее соглашение, и там это должно быть оговорено. Мне сейчас сложно сказать заранее, как это пойдет, это было бы немножко легкомысленно с моей стороны. Что касается государственного языка, то подразумевается использование его как бюрократического языка, как языка межнационального общения. То, что вы говорите – это уже более широкий спектр, в этом смысле должны выпускаться газеты и т.д., это нормальное явление и, я считаю, обязательное.

Леван Рамишвили. Мой вопрос касается устройства Абхазии. Я хотел бы услышать от вас уточнение: как эти общины – грузинская, абхазская и другие – будут сосуществовать друг с другом? Есть опыт разных стран, есть опыт Ливана, опыт Бельгии. В некоторых странах это федерация, в других найдены иные решения, но если мы хотим, чтобы Абхазия была стабильной и жизнеспособной политической единицей, то без определенного баланса это вряд ли получится. Как вам видится этот баланс? Какова будет политическая форма внутригосударственного устройства Абхазии?

Абесалом Лепсая. Это уже выходит за рамки промежуточной модели. Но думаю, что сбалансированной моделью для политического устройства является как раз модель консоциализма. Именно она

позволяет создать баланс интересов на основе общественного договора.

Батал Кобахия. Ты говорил о возможном двойном гражданстве. Какое второе гражданство для нынешних жителей Абхазии ты имел в виду: грузинское, российское или еще какое-нибудь? Это первый вопрос.

Как я понял, практически, в условиях промежуточного периода возможно возвращение беженцев. Как ты считаешь? Допустим, существует промежуточный период, который не устраивает ни грузин, ни абхазов. Разумеется, надо думать о будущем устройстве, более стабильном статусе, который устраивал бы всех. За этот период могут вернуться все беженцы. Не будет ли эта ситуация дестабилизировать дальнейший процесс определения политического статуса Абхазии и ее взаимоотношений с Грузией?

И третий вопрос. Ты предложил очень много решений, которые или можно реализовать, или нельзя, и я предполагаю, что у тебя есть какая-то еще более дальняя перспектива. Что ты имеешь в виду после промежуточного периода? Когда человек делает какие-то шаги, несколько шагов, то между чем и чем, в какую сторону? То есть, возможно блестящее будущее или не очень блестящее, что ты предполагаешь?

Абесалом Лепсяя. Я не знаю, что такое блестящее или не блестящее будущее. Разумеется, мы надеемся, что будет лучше, если удастся найти решение по каким-то вопросам, это естественно. Но, может быть, здесь произойдет землетрясение, и мы все провалимся, и неблестящего будущего тоже не будет, этого я не знаю. Промежуточная модель – это один из этапов урегулирования отношений. Я предполагаю, что если процесс начнется, то он приведет, или может привести, к полному урегулированию, а это нужно всем, чтобы стать частью современного мира.

Что касается возвращения беженцев, я здесь не говорю о полном возвращении беженцев. Этот вопрос не входит в промежуточную модель, я его не упоминал и не знаю, откуда ты это взял.

Батал Кобахия. Но был же разговор о том, что, возможно, беженцы смогут возвращаться, что в промежуточный период возможно возвращение. Кто-то допускает, что вернутся все, кто-то – что половина, но нельзя же сказать, что 382 из них, например, могут, а остальные не могут. Я совершенно согласен с Давидом – либо они могут вернуться, либо нет. Если он преступник, он должен прийти и отвечать за свои деяния по законам государства, в которое он вернулся. Я не знаю, кто будет регулировать этот вопрос.

Абесалом Лепсая. Есть право на возвращение беженцев, и мы знаем, как грузинская сторона ставит этот вопрос, но есть и реальность. Сегодня все понимают, что полное возвращение беженцев просто невозможно, даже если в Абхазии этого захотят. В том-то и заключается смысл промежуточной модели, чтобы делать сегодня то, что можно сделать сегодня. Не то, чтобы отменить и запретить полное возвращение беженцев, а не предрешать его на этом этапе. Признать ту реальность, что на промежуточном этапе это невозможно. Однако можно провести ряд акций в Гальском районе. Я не исключая даже частичную имплементацию такой программы, при этом можно предусмотреть какие-то частичные ограничения, а где можно, исследовать на местах... Скажем, могут возвращаться по принципу родственных связей и т.д. Какие-то меры можно предусмотреть, но только в очень ограниченной форме. Все это надо рассматривать в целостности. Осуществление этих шагов в комплексе может изменить ситуацию в целом, и, может быть, будет прогресс, или окажется, что прогресс невозможен, но это тоже какой-то результат.

Насчет двойного гражданства. Это касается, естественно, не только гражданства Грузии. Я предложил его, в основном, с прицелом на беженцев – если они возвратятся, то смогут иметь двойное гражданство, захотят – грузинское, но, естественно, при условии, что станут и гражданами Абхазии. Мне кажется, двойное гражданство – это тоже определенная уступка с нашей стороны. Что же касается всего населения Абхазии, то оно может иметь и другие гражданства. Это тоже должно быть законено.

Роман Дбар. Из всего, что было сказано, мне больше всего понравилось предложение, что, может быть, мы все провалимся. (*Смех в зале.*) Хочу дополнить: пусть Сочи тоже провалится, чтобы никому не было обидно.

А вопрос у меня такой. Не создается ли впечатление, что все это на самом деле уже существует и действует, и постоянно действующая конференция – это ничто иное, как Координационная комиссия? Люди уже имеют двойное гражданство, причем разных стран, санкции тоже постепенно снимаются, каким-то образом компенсируются, и все эти процессы уже идут без всякой постоянно действующей комиссии. Не есть ли это, так сказать, попытка зафиксировать существующую на самом деле ситуацию?

Абесалом Лепсая. Конечно, в какой-то мере это так, но только в какой-то мере, потому что двойное гражданство имеет далеко не все население. Наша молодежь вообще ходит без паспортов.

Батал Кобахия. Двойное гражданство – это значит, у нас будет абхазское гражданство? Какое оно будет? Признанное международным сообществом?

Абесалом Лепсая. Это гражданство, конечно, должно быть признано.

Батал Кобахия. Тогда все остальное не имеет значения. (*Смех в зале.*)

Абесалом Лепсая. Что касается санкций, это еще вопрос, работают они или не работают. Для кого-то они работают, для кого-то, может, и нет. Потому развивается криминальная экономика. Естественно, криминал обходит любые санкции и самую жесткую блокаду. Кстати, институционализация этого поможет построить нормальные экономические отношения, а не криминальную экономику.

Эмзар Джгереная. Мне кажется, что вопросы, затронутые Абесаломом, самые что ни на есть конкретные. Если этот проект будет продолжаться и мы будем обсуждать такие вопросы, наша работа станет интереснее, все проблемы станут конкретными. Такие промежуточ-

ные модели – как лакмусовая бумага: они показывают, в чем именно суть противоречий, какая проблема самая сложная и какие новые проблемы могут возникнуть в дальнейшем. Эти вопросы волнуют всех: как именно все должно происходить, как должен идти этот процесс?

У меня такой вопрос. Стратегическим «кто» в каком-то смысле являемся и мы. Но если говорить о промежуточной модели, нужно задаться вопросом – есть ли и в нынешнем правительстве люди, которые могут стать стратегическим «кто»? Есть ли в нынешней ситуации вообще такие люди, которые могут быть заинтересованы в реализации подобной модели? Мне, конечно, не нужны имена, но представима ли такая ситуация? Некоторые инициативы неправительственных организаций не реализуются. Наши инициативы мы можем донести, но как их осуществить? Как вы себе это представляете?

Абесалом Лепсяя. Я могу ответить так: если речь идет о персоналиях (не именах), то я допускаю, что там есть заинтересованные люди.

Давид Бердзенишвили. Вы сказали, что люди могут вернуться в Гальский район и иметь двойное гражданство – абхазское и грузинское. Означает ли это, что их права будут защищены? Означает ли это, что существуют органы местного самоуправления? Означает ли это, что грузинские школы в Гальском районе субсидируются абхазским бюджетом?

И еще насчет гражданства. С одной стороны, это промежуточное соглашение – без обсуждения статуса. На данный момент Абхазии как независимого государства нет, то есть она не признана, но, тем не менее, будет абхазский паспорт, который, насколько я понял, будет приниматься грузинской стороной, российской стороной и всеми заинтересованными сторонами. Таким образом, этот статус будет легализован в этом сравнительно узком кругу. Это так? Тогда вопрос. В Гальском районе фактически создается грузинская местная власть, выборная власть. Будут ли субсидироваться грузинские школы в Гали? Хотя бы на бумаге?

Абесалом Лепсая. У нас и абхазские школы страдают. Я думаю, что должны быть органы местного самоуправления, а вопрос субсидирования немножко посложнее. Наверное, это будет зависеть от общего экономического положения. Поскольку абхазские и любые другие школы находятся в плачевном состоянии, то можно будет предусмотреть общую программу финансирования всех школ – естественно, и в Гали тоже.

Нателла Акаба. Можно дополнить? Практически, в Гальском районе есть грузинские школы. Не знаю, насколько открыто они называются грузинскими, но грузинский язык там преподается, и даже преподавание других предметов ведется на грузинском языке. Но абхазские власти и вообще абхазское общество с некоторой настороженностью относятся к тому, что обучение ведется по грузинским программам. Так, изучение истории идет по грузинским учебникам. Таким образом, детям с детства прививается историческая доктрина, которая совершенно не устраивает абхазов. Естественно, это беспокоит абхазскую сторону. Вас интересовала официальная позиция? В Министерстве иностранных дел Абхазии я слышала такую точку зрения, что гальцы, конечно, имеют право обучаться на грузинском языке, но должны быть соответствующие учебники, которые устраивали бы абхазскую сторону.

Тинико Хидашели. Кто будет составлять эти учебники?

Нателла Акаба. Я не знаю. Обо всем этом, наверное, надо говорить. *(Шум в зале.)* Извините, а вы считаете, что абхазы могут допустить, чтобы на территории Абхазии (по крайней мере, мы считаем это территорией Абхазии) преподавалась история в том контексте, что будто бы абхазы – пришельцы? Или другая теория – дваборигенности? Это идеология, которую мы не принимаем.

Тенгиз Пачкория. Это все советские учебники.

Нателла Акаба. Советские учебники были разные. Были грузинские советские учебники, были российские, были абхазские. Но сей-

час речь идет о грузинских учебниках и о соответствующей идеологии. Согласитесь, одно дело преподавать на грузинском математику, а другое дело – историю. (*Шум в зале, спор.*)

Леван Рамишвили. У нас начинается программа Мирового банка, предусматривающая реформирование системы среднего образования. Идеологизированные учебники нас тоже не устраивают. И, наверное, наши историки найдут в себе силы написать что-то почестнее. Будут объявлены тендеры, и все будет делаться по конкурсу. Но вообще-то, надо предоставлять право выбора школам и родителям, это моя личная точка зрения. Если кто-нибудь в Джавахети хочет изучать историю великой Армении от Китая до Атлантического побережья, то это его право, пусть изучает.

Багал Кобахия. Я хочу ответить на вопрос Давида, будут ли школы Гальского района финансироваться из государственного бюджета. Что значит «будут»? Даже если не заработает промежуточная модель, даже если мы вообще разбежимся в разные стороны или объединимся – гальские школы уже финансируются из бюджета Абхазии. Другое дело, что плохо финансируются, и другое дело, что существует «нижняя зона», которая не контролируется ни грузинами, ни абхазами – там школ просто нет, и дети сегодня не учатся. Вы, вроде бы, говорите о базовых правах человека, но забываете при этом какие-то основные вещи.

Разумеется, в Джавахетии могут изучать историю Армении. Но если в той же Джавахетии будут обучать истории Грузии, написанной армянами с армянской точки зрения, вы, скорее всего, будете смотреть на это несколько иначе. Если учебник будет написан каким-нибудь дашнакцутюновским историком, в тексте которого Грузия вообще будет отсутствовать, то наверняка даже Институт свободы, который сегодня отличается таким гражданским радикализмом, будет смущен. Разговор не о том, что в Гали собираются закрывать школы. Когда мы говорим о том, что все имеют право обучаться на своих языках, мы понимаем, что даже если бы мы очень не хотели этого, то не могли бы не сказать. Армяне могут, русские могут, все могут, а грузины не могут? Это нереально, а реально то, что сегодня

они обучаются на своих языках. Вопрос в том, по каким учебникам? К сожалению, у нас даже в абхазских школах сегодня абхазских учебников не хватает. Кто-то помогает. Но простите, в Грузии издание учебников тоже финансируется не на грузинские деньги, и финансируется достаточно хорошо.

Приведу один пример того, как сегодня решаются такие проблемы. Очень важно, как воспринимаются некоторые инициативы. Это нужно знать, если мы в самом деле хотим построить приемлемые взаимоотношения и сделать некоторые шаги к доверию. Есть такой интересный проект в грузинском фонде Сороса – издание абхазских книг. Понимаете, в чем дело: есть некоторый оттенок безнравственности в том, что сначала сжигаются все наши архивы и библиотеки, а потом в Грузии будут издаваться абхазские книги. (*Шум, спор.*) Эти книги издаются не абхазскими учеными, некоторые из них публикуются без согласования по поводу авторских прав. (У некоторых людей странное отношение к проблеме абхазских публикаций.) Почему бы не помочь абхазским издательствам самим издавать эти же книги на абхазском языке? Почему бы не самим абхазам решать, что им в первую очередь необходимо, что наиболее актуально? Очень хорошо: роскошно издавать наши книги в Грузии, где сотни беженцев, как вы говорите, не имеют элементарных условий для существования! Хорошо издавать абхазские книги с массой ошибок, книги, по которым, простите, люди вообще не должны заниматься, потому что нельзя допускать такое количество ошибок!

Это пример определенной политики, когда из Грузии нам опять приносят что-то готовое. Это, я думаю, делается для Совета Европы. Это делается для того, чтобы убедить абхазское общество, что вы хорошо к нам относитесь. То доверие, которое мы пытаемся строить, мы должны регулировать сами. Посредники, которые помогают строить это доверие, могут его же и нарушить. Абхазское общество в большинстве своем не считает нормальным такое положение дел, когда в Абхазии не имеют возможности издавать книги на абхазском языке, но почему-то эти книги издают для нас на роскошной бумаге в Грузии. И в принципе, кто ими особенно-то пользуется? Наверное, авторы изданий, обучая кого-то абхазскому языку.

Разговор не об этом, это очень сложный, щекотливый вопрос, и понимаю, что вам сложно об этом судить, потому что вы, действительно, чуть ли не в первый раз увидели нас – троих-четверых абхазов – и теперь здесь делаете далеко идущие выводы в контексте прав человека. Подумайте о правах человека, имея в виду, что мы тоже люди, тоже имеем свое национальное достоинство, человеческое и просто личное. Надо хорошо знать ситуацию, потому что если там принимают решения, совершенно не зная ситуации, то это и приводит к войне. Чаще всего так и бывает.

Тенгиз Пачкория. Допустим, грузины не имеют права издавать книги для Абхазии без согласования с абхазами. А, например, для своего внутреннего потребления? Это был совместный проект, насколько я знаю. Может быть, вы не в курсе?

Батал Кобахия. Знаете, в чем дело? Это тайные совместные проекты. Пусть сегодня открыто скажут, кто в нем работает. *(Шум, спор.)*

Давид Бердзенишвили. ...Там, кстати, работает и абхазка, у которой семья, насколько я знаю, живет в Абхазии. Я имею в виду радиопередачи на абхазском языке, и это ваше право – слушать или не слушать их. Но та девушка владеет и абхазским, и грузинским, она – за абхазов, семья ее живет в Абхазии, и я бы не относился к этому так враждебно...

Батал Кобахия. Мы говорим совершенно о другом. У нас тоже есть грузинское радио, и оно не самое лучшее грузинское радио, которое существует. Никто не имеет права его запретить. Разговор не об этом. Но когда предлагается гуманитарный проект в отношении абхазской культуры и для абхазов, то надо спросить, насколько он нам нужен и насколько мы готовы его принять.

Тинатин Хидашели. Батал, ты когда-нибудь задавал себе этот вопрос: для кого это делается?

Батал Кобахия. Это делалось для абхазов.

Тинатин Хидашели. Нет, не для абхазов, я очень хорошо знаю, потому что в моей организации я печатала абхазскую конституцию. За нее не платили ни цента, потому что мы ее напечатали бесплатно. Я очень хорошо знаю, для кого это делалось. Это абсолютно не так, как ты говоришь. (*Шум, спор.*)

Арда Инал-Ипа. Я хотела бы сказать несколько слов по поводу учебников. Георгий Анчабадзе говорил, что сейчас в Грузии готовятся некоторые новые учебники. И в одном из новых учебников абхазская история опять основывается на гипотезе Ингороква. Я считаю, что необходимо соотнести преимущества той демократии, когда каждый пишет и преподает что хочет, с тем негативным, что это может внести в развитие наших отношений... (*Шум, спор.*) Во всяком случае, такой учебник либо сейчас печатается, либо уже напечатан... Я хочу закончить эту тему и сказать, что эта теория, которой уже не было в советских учебниках последних лет, по которым вы обучались, вновь появляется в учебных программах, по которым будут обучаться современные дети. Не знаю, будут ли это экспериментальные школы или какие-то другие, но не задумываться о том, по каким учебникам будут заниматься гальские дети, мы не можем. Может быть, это было бы очень демократично, но мы не можем позволить себе такую демократию, не думая о последствиях подобной идеологии.

Пола Гарб. Мне кажется, что все согласны с тем, что идеологизированные учебники плохие, и это нас объединяет. Давайте закончим на этом и вернемся к обсуждению.

Арда Инал-Ипа. В этот раз мы несколько поменяли формат встречи: был приглашен эксперт, специалист по проблемам конфликтов в регионах, далеких от Кавказа, и мы имели здесь свежий взгляд человека, владеющего интересной методологией. Думаю, что, может быть, не сегодня, но позже мы почувствуем, что это было достаточно полезно. Хотелось бы оценить эту новую форму работы и подумать о возможном продолжении.

Так что вопросов, касающихся проекта, очень много, но сегодня мы должны, в первую очередь, обсудить эти два доклада.

Тенгиз Пачкория. На мой взгляд, выступление Давида Бердзенишвили было очень интересным. Я согласен, что в конце 80-х – начале 90-х годов абхазская сторона сумела мобилизовать все имевшиеся ресурсы, сплотив номенклатуру, интеллигенцию и другие силы для достижения тех целей, которые поставило абхазское движение. Не могу не согласиться и с тем, что поражение умеренного крыла грузинских политиков и победа – может быть, временная – радикалов в лице звиадистов сыграла тогда очень негативную роль для Грузии. Хочу добавить (возможно, Давид со мной согласится), что абхазская сторона сумела тогда, в тех условиях, использовать тактические и стратегические ошибки грузинских политиков и руководства..

Коснувшись событий 91-го года, Давид напомнил нам о законе, о выборах, о сделке; может, кому-то это и не нравится, но это произошло: 28 – 26 – 11. Помню совместную пресс-конференцию, которую проводили после этой сделки в Сухуми Владислав Ардзинба и Како Асатиани – председатели Верховного Совета Грузии и Абхазии. Еще тогда политики неоднозначно оценили это событие. Да и сейчас одни считают, что этот закон позволил на время смягчить ситуацию, отодвинуть начало конфликта, другие – наоборот, что это ускорило созревание конфликта, так как абхазская сторона фактически получила большинство.

Что же касается тогдашних переговоров о возможностях разграничения полномочий между Тбилиси и Сухуми, в которых участвовали некоторые грузинские и абхазские политики, конечно, было бы гораздо лучше, если бы удалось договориться тогда. Но, мне кажется, что даже если бы удалось, то, возможно, это не стало бы гарантией от обострения ситуации и вооруженного конфликта. Хотя сейчас трудно гадать. Думаю, что ни грузинские, ни абхазские политики, ни руководство не использовали тогда все рычаги. Об этом я говорил руководителям обеих сторон в разных формах – во время интервью, на пресс-конференциях и т.д.

Давид нам напомнил, что в начале 92-го года в Верховном Совете Абхазии была весьма оригинальная ситуация. Он сослался на сло-

ва Владислава Ардзинба, который не только вам, Давид, но и не раз потом говорил, что грузинская фракция требует дать оценку тому, что произошло в Тбилиси. Я хотел бы немножко пояснить – я присутствовал на всех сессиях того парламента довоенного созыва. От имени фракции такого требования не было. Выступило несколько депутатов – ортодоксальных звиадистов, несколько человек, которые ставили вопрос о том, чтобы Верховный Совет дал оценку происшедшему в Тбилиси. Они предлагали свой вариант. В силу сложившихся обстоятельств (выборы были в конце 91-го года), большинство в грузинской фракции составляли звиадисты. Половина из них были ортодоксальные, фанатичные звиадисты, другие им симпатизировали, но были готовы к компромиссу. Во фракции было и меньшинство – отнюдь не звиадисты, но они в то время по разным причинам публично не высказывались против Звиада (наверное, у них были на то свои основания). Так что я считаю, что Владислав Григорьевич дал вам одностороннюю информацию, потому что от имени грузинской фракции вопрос в такой категоричной форме не ставился. Хотя, конечно, все это создавало дополнительную нервозность и ставило руководство Верховного Совета и абхазскую фракцию в очень неловкое положение.

Помню слова Александра Золотинковича Анкваба, депутата, который, отвечая на выступление ортодоксальных звиадистов, говорил, что Звиад Гамсахурдия – это минувшая темная ночь Грузии. Кстати, после этих слов грузинские депутаты больше не ставили так вопрос – может, они очень глубоко осмыслили эти слова.

Что касается моделей, которые предложил Давид. Естественно, можно спорить, оспаривать, расширить количество вариантов, но я уверен (пусть на меня будут наклеивать ярлыки, я привык), что у Грузии будет реальный шанс урегулировать абхазский конфликт только тогда, когда она скорректирует свою внешнюю политику. Когда она сможет урегулировать – не на бумаге, а на самом деле – отношения с Россией. Речь здесь ни в коем случае не идет о вхождении Грузии в состав России. Речь, на мой взгляд, идет о том, что независимое грузинское государство, имея в определенной степени пророссийскую внешнеполитическую ориентацию, получит шанс для решения многих своих проблем – в том числе, для урегулирования абхазского кон-

фликта. Но не в таком разрезе, как говорил Давид. Он, как сам выразился, представил этот вариант в мрачных тонах, но это его право. Что касается мыслей Абесаломы, то они требуют тщательного изучения, воспринимать их на слух очень сложно. Но если говорить экспромтом, я, если вы не обидитесь, считаю, что это очень хитрая форма заманить грузин (не только беженцев, а вообще грузин) в этот маленький капкан и в завуалированной форме добиться от Грузии признания независимости Абхазии. (Думаю, вы не обидитесь.) Здесь иногда я слышал от абхазских коллег и партнеров, что грузинская сторона создает множество разных проектов для того, чтобы как-то заманить абхазскую сторону. А вот здесь, мне кажется, у вас в очень хитрой форме... с чем-то можно согласиться, с чем-то нет, но это попытка добиться своего другим путем... Кто хочет, пусть попадает в этот капкан. Это их право.

Даур Начкебия. У меня вопрос к Тенгизу. Каким способом решится наш конфликт, когда Грузия обратится к России и солнце опять начнет вставать с севера?

Тенгиз Пачкория. Я понял, вы процитировали выступление кандидата в члены политбюро 78-го года. Я далек от тех мыслей, о которых вы думаете. Абсолютно не нужно здесь сгущать краски... Чтобы ответить, я напому несколько выдержек. Некоторые известные, авторитетные абхазские политики – в основном, Зураб Ачба – прямо говорили, что абхазский фактор и противоречия между грузинами и абхазами во многом были умело использованы северной страной для того, чтобы оказать давление на Грузию, чтобы она не вышла из сферы влияния России, из орбиты России. Об этом говорили и другие абхазские политики.

Нателла Акаба. А вы сами с этим не согласны?

Тенгиз Пачкория. Естественно, были использованы. В 1988 г., когда в Тбилиси была первая студенческая голодовка – ноябрьская – тогдашний первый секретарь компартии Грузии Джумбер Патишвили (может, упоминание этой фамилии и не всем здесь приятно),

встречаясь со студентами в актовом зале университета, ответил на один вопрос, который ему задали: если Грузия захочет отделиться от Советского Союза, что будет с Абхазией и Южной Осетией? Он прямо ответил: отберут, отнимут.

Нателла Акаба. Но ведь не отобрали?

Тенгиз Пачкория. Юридически нет.

Вы хотите, чтобы я расшифровал, как это будет? Когда стратегические интересы России и Грузии в какой-то степени будут совмещены и Россия получит от Грузии в качестве уступки или компромисса по стратегическим вопросам то, что она ожидает, при сохранении независимости Грузии, тогда рычаги урегулирования этого конфликта могут быть самыми разными. Но не за счет крайностей, как некоторые предполагают. Вооруженный путь будет абсолютно не нужен. И Россия, естественно, не позволит – даже если кто-то захочет – посягать на права абхазов, ущемлять их, это будет при максимально расширенных правах Абхазии. А если через 15-20 лет Грузия опять захочет выйти из орбиты России, то абхазский фактор опять будет использован.

Кстати, насчет прав. Если беженцам будет предоставлена возможность вернуться, они с большим удовольствием захотят пользоваться широкими правами Абхазии в составе общего, федеративного или конфедеративного, государства. Почему бы нет? Чем больше децентрализации в условиях компромисса, тем лучше для тех, кто там будет жить.

Олег Дамения. Вы очень много говорили о российском влиянии на жизнь Грузии. Все это правильно, я тоже полностью разделяю тот взгляд, что Россия всегда использовала и использует существующие противоречия между Абхазией и Грузией, и Абхазия была использована в качестве рычага давления на Грузию, и т.д. Формулировки разные, но суть остается неизменной, это понятно.

Как вы смотрите на такие сценарии развития событий (тем более, в докладе Давида это тоже есть): если Грузия, скажем, будет формироваться, развиваться без Абхазии, как тогда Россия будет оказы-

вать свое влияние или давление на Грузию? И не допускаете ли вы, что коль скоро Абхазия столь негативно используется против Грузии, то, может, хоть вы и не желаете, но не лучше ли вообще отказаться от своих притязаний на Абхазию?

Тенгиз Пачкория. Это очень сложный, философский вопрос. Здесь уже затрагивалось в какой-то степени, что некоторая часть грузинских политиков, возможно, и допускает такую мысль, но я, по-моему, вчера уже сказал, что реально, де факто Абхазия отошла или ее отпустили. Но тогда другие страны, в том числе Россия, будут искать – и найти несложно – другие рычаги давления на Грузию. Не только территориально-географический и этнический моменты, но и экономические и другие. Здесь всегда дилемма.

Я считаю, что, если бы Россия захотела до конца реализовать возможность того, чтобы Абхазия отошла и де факто, и де юре, то она приложила бы к этому усилия. Но она не прилагает, потому что хочет использовать этот мощный рычаг для оказания давления на Грузию, чтобы держать Грузию в подвешенном состоянии. И чем раньше грузинское руководство поймет, что для того, чтобы этому противостоять, надо искать несколько вариантов: либо быть сильным самому, либо найти сильных союзников, либо поменять ориентацию и ориентироваться на Россию... Когда нет сильных союзников, которые реально помогают, когда нет своих сил, чтобы бороться и противостоять давлению такой большой, гигантской страны, остается выход – поменять внешнеполитическую ориентацию. Но это не означает какие-то антизападные или антиамериканские настроения, Боже упаси. Я дистанцируюсь от необольшевиков, или ортодоксальных, которые ратуют за Советский Союз: они сами отталкивают часть населения Грузии от про-русской ориентации своими ортодоксальными, необольшевицкими призывами.

Я считаю, что Россия пока не идет на то, чтобы допустить юридический отход Абхазии, потому что если она допустит это здесь, то должна будет допустить это и где-то еще. Для нее это опасно. Знаю, что 6 лет назад, это особенно не афишировалось, но была попытка одной страны поставить вопрос о юридическом признании отхода

Абхазии в одной из международных организаций, но Россия торпедировала это дело.

Нателла Акаба. Что же это за страна, за интересы которой вы так переживаете?

Тенгиз Пачкория. Это кулуарные сведения, поэтому я не имею права сказать, это не публиковалось.

Роман Дбар. Понятное дело: война уже почти 8 лет как закончилась, и на протяжении всего этого времени, да и в процессе вооруженного конфликта, Абхазия служила своего рода рычагом, с помощью которого воздействуют на Грузию.

Понятно и то, что нельзя бесконечно долгое время использовать один и тот же рычаг, потому что и те, на кого давят, и те, кем манипулируют, как-то пытаются избежать перегрузки, поэтому наступает момент, когда эти механизмы перестают работать. Мне кажется, что такое время, в определенном смысле, наступило. Невозможно бесконечно долго оказывать давление. Как вы себе представляете, кто следующий, с помощью которого будут произведены такие рычажные движения?

Тенгиз Пачкория. Движения уже осуществляются – в виде того же визового режима. Я неоднократно говорил на очень высоком уровне в Москве, что, введя визовый режим с Грузией, Россия еще дальше оттолкнула от себя не только руководство Грузии, но и грузинское общество и ту его часть, которая по многим причинам хотела поддерживать и сейчас желает поддерживать теплые, хорошие, уважительные духовные, политические и иные отношения с Россией. И я думаю (и об этом неоднократно говорили грузинские политики), что подобными действиями, фактически само того не желая, руководство России помогает Соединенным Штатам и западным странам постепенно вытеснять Россию из Грузии и с Южного Кавказа – и духовно, и политически, и экономически. Это была очень неадекватная мера. У меня нет такого комплекса, но у какой-то части политиков появился комплекс ущербности: почему только нам ввели визо-

вый режим? Причина, конечно, очень своеобразная: чеченский терроризм. Как будто они пользуются визами или проходят через КПП! Это форма наказания. А какой будет следующий рычаг, я не хочу гадать.

Роман Дбар. Если говорить не о механизме, может ли какая-нибудь этническая группа внутри Грузии быть использована как очередной рычаг?

Тенгиз Пачкория. Думаю, что уже были попытки использовать эти факторы, но не получилось. Поэтому сейчас расчет сделан на социальный фактор...

Нателла Акаба. Может быть, вместо того, чтобы самим постоянно служить средством для манипуляций и такую же судьбу готовить своим детям и внукам, чем постоянно находиться во власти каких-то больших политических игроков, не лучше ли пойти на сделку? Не считаете ли вы возможной для себя жизнь в независимой Абхазии, где будут гарантированы все права грузинского населения, которое возвратится в свои дома? Теоретически.

Тенгиз Пачкория. Если говорить откровенно, я не верю, что нынешнее абхазское руководство в состоянии гарантировать права грузинам (и не только грузинам). Не хочу никого оскорбить, но я даже теоретически не допускаю такой возможности.

Я не хочу кричать о том, что я самый большой патриот, но то, что закладывается с детства и каким сам человек себя воспринимает, все это чем дальше, тем сильнее становится. У других, может, почему-то рассеивается, но я лично просто не мыслю для себя жизни в другой стране или другом государстве, кроме Грузии.

Прожив 5 лет на Украине, имея прекрасную возможность работать и учиться дальше, я не захотел оставаться, а хотел жить там, где жил до 93-го года. Что касается других – не знаю, я не вправе за них отвечать, но я, например, исключаю такую форму. Не в обиду никому будь сказано, естественно.

Леван Рамишвили. Я хотел бы высказаться насчет возможности пророссийской ориентации Грузии. Для меня внешняя политика – это продолжение внутренней политики, и когда речь идет о нашем стремлении войти в Евросоюз, то это совсем не просто – стать членом международного бюрократического организма. Евросоюз – это демократия и свободный рынок. Когда мы говорим, что должны стать членами НАТО, это не просто и не только гарантии безопасности, но это и гражданский контроль над армией.

Если посмотреть на Россию, что мы имеем? Коррумпированное государство, во главе кагэбэшники, слабый гражданский сектор... Запад для меня – это не просто помощь Грузии против России, не просто союзник против России или той же Абхазии. Запад для меня – это стратегический союзник против главного нашего врага, коррумпированных грузинских бюрократов. В этом смысле главная проблема для Грузии – это не столько Абхазия, сколько реформа наших общественных и конституционных институтов. Абхазию, которую мы потеряли, мы потеряли не просто как какую-то географическую часть нашей страны. Для многих – это та Грузия, которой больше нет, и ностальгия по поводу Абхазии – это определенное стремление к реставрации. Реставрации не только территориальной целостности, а и того общественно-политического строя, который у нас существовал до потери Абхазии, и я не очень-то хотел бы туда попасть.

Если мы посмотрим на соседнюю Армению, которая победила в карабахском конфликте, то что мы там имеем? Это сверхмилитаризованное государство, где все основные сферы общественной жизни контролируют полувоенные, полуфеодалские лидеры.

Катастрофа в Абхазии была катастрофой для той Грузии, которая для меня совершенно неприемлема. И военное поражение в Абхазии показало нежизнеспособность той модели общественного устройства, которая у нас существовала. В этом смысле военное поражение послужило определенным стимулом для общественного обновления. После падения Сухуми пали и другие бастионы старого режима, и был дан определенный стимул реформам. Так что можно сказать, что минус всегда гораздо продуктивней, чем плюс. Совершенство иногда подавляет.

Лучше, по-моему, не стремиться к тому, что было раньше, надо найти новые формы взаимоотношений, и эти новые формы будут гораздо более приемлемыми и для грузинского общества, и для абхазского. О формах можно спорить, есть разные варианты. Наверное, сейчас очень трудно говорить о вероятности осуществления взаимоприемлемых форм сосуществования, но не сегодня, так завтра будет шанс их осуществить, я в этом уверен. Не надо отказываться от этих попыток. Отказ от существующего курса – это отказ не только от определенного внешнеполитического курса, но и от шанса создать новую Грузию. А для меня это абсолютно неприемлемо.

Олег Дамениа. Я один из ветеранов этого проекта. Извините, если нескромно или некорректно выражаюсь, но хотел бы отметить свое большое удовлетворение нынешней нашей встречей. На предыдущих встречах я не встречал таких откровенных заявлений, какие слышу в эти дни со стороны наших грузинских коллег. Мне это очень приятно. Я немножко оторван сейчас и от Грузии, и от Абхазии, и, пожалуй, этот проект – единственная возможность общаться со своими грузинскими коллегами.

Стало быть, хотя на эмоциональном, бытовом уровне мы часто друг друга упрекаем, порой даже ругаем, но, мне кажется, что, несмотря на все трудности и беды, которые выпали на долю Грузии и Абхазии, нравственные устои в Грузии пока еще сохранились, и это меня очень радует, так как это является основанием для тех перспектив, на которые я рассчитываю. Я не думал, что в Грузии после Нико Чавчавадзе и Отара Джиоева кто-то еще может вот так рассуждать о судьбе Грузии без Абхазии. Когда бы и где бы я ни общался с грузинами, они всегда говорили, что не представляют себе Грузии без Абхазии, начинались долгие рассуждения, но я всегда, слушая все эти рассуждения, ощущал некоторое опасение, что эта любовь к Абхазии не всегда нравственна. А нравственное начало должно быть основой взаимоотношений между людьми, независимо от того, являются ли они представителями одного этноса, одного государства или разных государств.

И вот в этих проектах Давида есть один вариант будущей модели жизни Грузии и Абхазии, где Грузия решает свои собственные задачи, а Абхазия сама решает свои.

Мне кажется, что это было бы наиболее приемлемым вариантом – не для того, чтобы воздвигнуть между Грузией и Абхазией китайскую стену, а как раз для того, чтобы создать базу для конструктивного, нравственного, полезного взаимодействия двух этих обществ. Хотим мы того или нет, но мы в самом деле находимся на одном географическом пространстве и друг от друга никуда не денемся.

Сегодня абхаз, если он настоящий патриот, должен, несмотря на то, что раны еще кровоточат, желать здоровья, благополучия не только себе, но в первую очередь грузину, ибо это его сосед. Пока в Грузии не будет порядка и благополучия, вряд ли мы сможем и у себя в Абхазии этого добиться, независимо от того, будут ли наши государства самостоятельными и независимыми. Это вовсе не означает, что они не будут поддерживать политико-правовые, экономические, культурные и прочие отношения, ибо ни одно из этих обществ самостоятельно, изолированно самодостаточным быть не может. Но в силу ряда обстоятельств, коль скоро мы с вами говорим о ненасильственном урегулировании конфликта, то, конечно же, на этом этапе Абхазия должна решать свои собственные задачи, а Грузия – свои. Может быть, будущее поколение – возможно, и не столь далекое – захочет жить в составе грузинского государства, если оно будет лучше обеспечивать потребности абхазского общества, нежели государство, построенное абхазами. Мы ведь этого тоже не знаем, во что выльется то государство, которое мы в своем сознании сегодня моделируем.

Поэтому, видимо, и абхазское общество, и грузинское должны пройти какое-то испытание. Я полностью разделяю мнение, что грузины сегодня на историческом переломе. На самом деле не только Грузия и Абхазия, но и весь Кавказ, да и все мировое сообщество переходит из одного состояния в другое – это вообще переходный период в глобальном масштабе. На Кавказе это весьма остро проходит, потому что нам приходится неимоверно ускоренными темпами переходить из одного состояния в другое. Потому этот процесс проходит весьма болезненно. Порой мы не выдерживаем этих темпов, этого исторического ритма, поэтому здесь, в кавказском регионе, и имеют место такие катаклизмы.

В данном случае хочу констатировать сам факт того, что грузинская общественность, люди в Грузии, анализируя ситуацию, сами

высказывают такую мысль. Мне кажется, что, во-первых, это показатель интеллектуального потенциала грузинского общества. Во-вторых, на самом деле Грузия олицетворяла какую-то свою собственную форму демократии. Если мы будем говорить о грузинской культуре раннего средневековья или позднего, или даже XVII, XVIII, XIX века, то увидим, что Грузия была довольно-таки оригинальной страной, оригинальным обществом, она на самом деле была цивилизованным обществом в лучшем смысле этого слова. Только вот в XX веке исторические катаклизмы, конечно, сбили Грузию с истинного исторического пути. Я хочу в чем-то возразить нашему молодому коллеге Левану. Ретроспектива, несомненно, нужна. В истории есть, конечно, то, что нам сегодня мешает, от этого, естественно, надо отмежевываться. Но историческая ретроспектива чрезвычайно важна и нужна, без этого мы будущее не построим. Будущее должно опираться на какие-то базовые положения, которые строятся на истории данного общества.

И второе, что мне хотелось бы сказать. Конечно, во взаимоотношениях Абхазии и Грузии возникнут трудности серьезного характера. Одно дело, когда об этом говорит Давид Бердзенишвили или Эмзар Джгереная. А что же говорит остальное грузинское общество или политическая элита? У них тоже своя логика, свои интересы, от которых они то ли не хотят, то ли не могут отказаться. Конечно, этот фактор очень серьезный. Наша беда еще и в том, что Россия тоже не захочет, чтобы Абхазия оказалась вне политического пространства Грузии. В этом Россия не заинтересована. Россия как раз хочет – и не скрывает, что хочет – чтобы Абхазия оставалась в составе Грузии, но Грузия при этом должна быть ориентированной на Россию. Но коль скоро это так, значит, нашим грузинским коллегам, и нам тоже, надо думать, каким образом лишить Россию этого рычага давления. Как добиться того, чтобы мы не были рычагом. Мы в Абхазии должны об этом думать, но и вы тоже должны думать, как это сделать.

Дело-то еще и в том, что несмотря на разные периоды – была и романовская Россия, потом советская, теперь демократическая – российская политика по существу не изменилась и вряд ли в ближайшее время изменится. Особенно российская политика на Кавказе. Это является ее ахиллесовой пятой. А потому чрезвычайно важно, на мой

взгляд, как само кавказское сообщество, в данном случае Грузия и Абхазия, будет осмысливать и понимать эти проблемы и процессы, в какие политические конструкции это будет выливаться. Это очень важно.

Я, может быть, повторяюсь, но мне было очень приятно, потому что здесь я услышал некоторые размышления и выкладки в этом направлении. Во всяком случае, есть идеи, которые могут служить нам серьезным подспорьем.

Что касается ориентации. Это имеет важное значение. Ориентации бывают разные: политические, геополитические, социальные, экономические, экологические, культурно-цивилизационные и т.д. Конечно, стремление к Европе, к европейским ценностям, не чуждо и Абхазии. Абхазия тоже имела различные ориентации в своей истории – то на Грецию, то на Византию, то на Турцию, то на Россию, и сегодня вновь, как часто говорят, Абхазия пророссийской ориентации. Думаю, уже многие понимают, почему у нас пророссийская ориентация. В первую очередь, потому, что мы не хотим и не можем быть оторванными от Северного Кавказа, а Северный Кавказ остается в составе российского политического пространства. Однако наши интересы не только на Северном Кавказе, но и на территории Турции, Ближнего Востока. И когда мы говорим о наших интересах, то мы должны учитывать и Северный Кавказ, и Ближний Восток. То же самое хочу сказать относительно Грузии и грузинских интересов – в Абхазии это тоже должны понимать.

При всем том, какие бы процессы не происходили, какие бы модели не вырабатывались и не крутились бы в нашем сознании, мне кажется, в самое ближайшее время мы должны четко осознать то необходимое, что нужно грузинам и абхазам. Насколько это нам удастся реально, я не знаю, но мы должны отказаться от двух мифологем, которые серьезно нам мешают сближать позиции и налаживать мосты доверия друг к другу. Мы в Абхазии должны избавиться от мифологемы, что грузины наши враги, но в этом нам должны помочь грузины. А с другой стороны, сами грузины тоже должны избавиться от мифологемы, что Абхазия является частью Грузии. Пока эта мифологема будет присутствовать в учебниках или в сознании, самосознании детей или взрослых, мы никогда не сможем урегулировать

ровать этот конфликт. И мы никогда не приблизимся к тому результату, которого ждем от той или иной модели. Ни одна из этих моделей не даст нам того результата, к которому мы стремимся.

Спасибо большое и извините, если я не так складно выразился, но я хочу еще раз высказать свое удовлетворение докладами, и особенно докладом Давида Бердзенишвили, не только докладом, но и беседой. И, кроме того, я в первый раз здесь познакомился с калбатом Тинико, с Эмзаром, и мне их мысли, соображения, подходы очень понравились. Жаль, что не знаю, в какой мере они влияют на грузинское общество, но приятен сам факт, что есть такие люди. Леван, конечно, тоже. Мне интересна стала сама Республиканская партия, в которой люди так свободно, глубоко и широко мыслят. Спасибо за внимание.

Арда Инал-Ипа. Я хотела бы возразить Роме по поводу его реакции на выступление Абесаломы. Он сказал, что то, что предлагает Абесалом, у нас уже фактически существует. Мне кажется, наоборот: того, что предлагает Абесалом, у нас вообще нет. Нет группы людей, которая постоянно бы думала о новых подходах к урегулированию. Нет систематической работы, а тем более, не собраны интеллектуальные силы вокруг этой задачи.

Если действительно будет создана такая постоянно действующая конференция, перед которой будет поставлена определенная задача, то это было бы важным шагом вперед. И я благодарна Абесаломе за действительно интересную идею.

Эмзар Джгереная. Во-первых, должен сказать, что речь господина Олега Несторовича меня очень тронула. Я вспомнил рассказы наших учителей, все как-то оживилось в памяти – бывшие хорошие отношения. Я был этим тронут.

Во-вторых, хотел бы выступить против пафоса выступления господина Тенгиза. Дело не в том, что я защищаю Абесалому, он сам себя может защитить. Не стоит за нашими или вашими предложениями подозревать какие-то уловки или хитрости. Я думаю, что присутствующие здесь достигли той степени доверия, когда можно обойтись без хитростей. Я предлагаю такую модель: под А или Б подразу-

мевать только А и Б и больше ничего. Мы не сможем дальше продолжать работу, если всякий раз под А или Б будем подразумевать разные вещи. Это, так сказать, необходимое условие для диалога. С подозрениями диалог и взаимопонимание не получаются.

Тенгиз Пачкория. В политике без хитростей не бывает.

Эмзар Джгереная. Но мы не политики... Я могу сказать о себе, что я лично не политик и никогда не стану политиком. Я представляю интересы свои и своих друзей, как гражданское лицо.

Тенгиз Пачкория. Проект Абесаломы касался политики и имеет прямое отношение к политике. Я вас понимаю, но никакого оскорбления здесь не было. Он касался политической модели, поэтому, думаю, Абесалом не обиделся на мои слова. В политике без хитростей и капканов не бывает, и не только в политике, но и в общении, и во встречах.

Давид Бердзенишвили. Я тоже хочу высказаться по поводу дискуссии. Очень интересная дискуссия. Поскольку мы на этом заканчиваем дискуссионную часть и завтра переходим на планы, то хочу поблагодарить вас всех и высказать одно такое свое представление, свой обобщенный вывод.

Я думаю, что большинство из нас, да и не только мы, но вообще все наши мыслящие сограждане охвачены одной парадигмой. Эту парадигму можно назвать парадигмой независимости. И для грузин, и для абхазцев основная ценность – это независимость, она составляет некие рамки, в которых мы то спорим, то соглашаемся. Но реально мы ведь живем в мире, где взаимозависимость является более реальным фактом, чем независимость. Сегодня в реальном мире взаимозависимость доминирует над суверенитетом. Я не учу и не прощечствую, но считаю, что в какой-то момент нам придется перейти на словарь взаимозависимости.

Например, когда Тенгиз говорил об ориентации, и Леван с ним спорил, а Олег Несторович говорил о мифологемах, от которых надо избавляться, все же присутствовал момент, связанный с опасением –

кто что у кого отнимет и кто уязвим в плане потери своей независимости. Наверное, нам надо подумать о том, в чем мы друг от друга все-таки зависим и как жить в этом мире, где глобализация будет доминировать над регионализацией. Есть тенденции глобализации, взаимозависимости, и регионализации. Я думаю, что мы вступаем в эпоху, где присутствуют обе тенденции, но все-таки основной акцент будет на глобализации. А регионализация будет возникать как реакция на глобализацию.

Поэтому мы должны научиться новой парадигме мышления, чтобы рассматривать наши взаимоотношения и перспективы с этих позиций. У меня нет конкретных рецептов или конкретных проектов, но я хотел бы подчеркнуть, согласно какой парадигме мы живем в настоящий момент. Спасибо.

Роман Дбар. Я хотел бы выразить признательность за очень интересные сообщения. Прозвучали не только взгляды на проблемы и их оценка, были высказаны и очень интересные идеи. Я хотел бы сказать о грустной стороне этого процесса.

Во-первых, я бы сравнил наш процесс, в котором участвую уже больше двух лет, с игрой «О, счастличик!». В этой игре есть несгораемые суммы, когда ниже некоторого уровня уже нельзя опуститься. Мы проходим какие-то этапы, и я думаю: какой же несгораемой суммы мы достигли и что может быть в итоге?

Лично для меня может быть такой вариант: в случае самого отрицательного развития событий, Паата как-нибудь найдет мои останки и передаст моим родственникам. *(Смех в зале.)* У него большой опыт. Вот несгораемая сумма. В любом случае существуют какие-то грустные несгораемые итоги.

Но я бы хотел сказать, что другим очень грустным моментом является то, что мы, два народа, в этом мире оказались вообще неспособными руководствоваться разумными вещами. Нами руководят скорее социальные инстинкты, нежели разумный подход.

В этой ситуации можно даже сказать, что в нашем регионе для абхазского народа, являющегося очень маленьким народом, самую большую угрозу несет в себе грузинский народ. То есть, ни один народ на земле не будет уничтожать абхазов, а вот грузинский народ

может их уничтожить. Причем физически. И вот как это ни звучит – и грустно, и зверски – но на самом деле можно себе представить, как это могло бы происходить, и это уже происходило. Я говорю о том, что составляет грустную часть. И это в самом деле так. И при этом мы стоим перед невозможностью решить данную проблему, потому что время идет, и мало что меняется в обществе, которое должно было бы найти какие-то способы решения проблемы. Жесткость высказываний растет с каждым годом. И даже сегодня, будь возможность решения этой проблемы силой, она была бы решена силовым путем. Каждый день можно сталкиваться с тем огромным количеством страданий, которые вызывает это противостояние, в нашем обществе во всяком случае. И когда мы говорим о возможности глобализации, то я, конечно, к этой идее отношусь не очень хорошо. Но вижу, что единственный способ решения наших проблем лежит именно в этой области. Более развитые идеи, возможно, будут блокировать наши социальные инстинкты и не дадут нам возможности решать проблемы в таком жестком и неприглядном виде.

Я хотел бы сказать и о проблеме привлекательности. Понимаю, что грузинская сторона очень хотела бы видеть Абхазию в составе Грузии. В каком виде, это уже другой вопрос. Но мы никогда не говорим о взаимной привлекательности. Речь идет скорее о какой-то территории, чем об этнической привлекательности, возможности вовлечения в цивилизационный процесс, взаимного культурного обогащения. Потому что очень трудно себе представить сложение двух культур в ситуации, в которой мы находимся, чтобы получить положительный результат, а не большой минус.

Каждый раз, когда мы встречаемся, мы пытаемся тщательно прощупывать моменты, связанные с возможностью продвинуться хотя бы на какой-то шаг вперед. Но я думаю, что в нашем обществе существует во много раз более продвинутые формы практического взаимодействия, нежели то, о чем мы с вами говорим. Потому что есть люди, которые свободно ездят по обе стороны границы. Есть люди, имеющие родственников по обе стороны, и совершенно спокойно общаются. Есть люди, которые очень активно торгуют. И это вовсе не обязательно криминальные элементы, которые ездят в Тбилиси и привозят товар в Сухум, а из Сухума везут в Тбилиси или на какие-то

другие рынки. То есть достаточно практичные люди, которые уже перешагнули сторону теории и перешли к реальной жизни. Я думаю, именно среди них, в их представлениях о жизни, может быть, имеет смысл искать модели наших взаимодействий.

И чтобы совсем уж не было грустно от моего выступления, я хотел бы пожелать, чтобы мы были более откровенными. То, что, к примеру, могут происходить столкновения каких-то наших мнений – это гораздо более полезно и приятно, чем молчаливая, улыбчивая сторона наших встреч, скрывающая искренние представления о жизни.

Даур Начкебия. Я с удовольствием выслушал оба эти выступления. Доклад Давида мне понравился своей конкретностью, доклад Абесаломы абстрактностью. У них, если вы заметили, сложился такой тандем, и оба доклада дополнили друг друга. Конечно, не все нюансы уловимы на слух, но думаю, когда они будут напечатаны, то дадут реальную, или очень близкую к реальности, картину того, что существует, что возможно и что хотят присутствующие здесь.

И чтобы как-то скрасить грустный тон Романа, я хотел бы добавить, фантазируя, один пункт к тем, которые перечислил нам Давид. Как бы я хотел, чтобы это произошло! Здесь, мне кажется, больше зависит от грузинской стороны. Идея в том, чтобы переиграть всех – и северных, и южных, и западных, и восточных игроков. То есть разрубить гордиев узел, не дожидаясь, пока из сознания грузинского общества уйдет та мифологема, о которой сказал Олег Несторович – что Абхазия является неотделимой частью Грузии. Для этого в Грузии должен появиться политический лидер масштаба генерала де Голля во Франции, который признает Абхазию.

Какие выгоды от этого?

Мне кажется, что первая выгода для самой Грузии. У меня такое ощущение, что Абхазия – это какой-то рудимент, тормозящий развитие Грузии. Создается ощущение, что Абхазия очень мешает грузинам стать свободными в полном смысле слова, мешает всему их развитию, демократии, это какой-то дурной сон, который навещает их каждую ночь. Поэтому, освободившись от Абхазии, Грузия, мне кажется, вздохнет свободнее. Мне кажется, здесь присутствует некото-

рый религиозный момент: Грузия должна дорасти до того, чтобы смириться с этим.

По версии историков, которых мы все недолюбиваем, Абхазия стояла у истоков грузинской государственности. Я не хочу быть плохим пророком, но, если пофантазировать, то, афористически выражаясь, Абхазия может стоять и у конца грузинской государственности. Опять-таки продолжая религиозную тему, мне кажется, Абхазия послана Грузии как испытание, и Грузия с этим испытанием пока не справляется. Абхазия ей мешает. Это прямая выгода.

Рычаги, о которых мы говорили, от которых мы все скрипим, то есть давление на Грузию через Абхазию, этот главный рычаг автоматически исчезнет, если переиграть больших игроков.

Для нас это выгода, потому что Абхазия, ее непризнанность, ее подвешенное состояние вызывает чувство ущербности, потому что мы – нигде. Мы, вроде бы, есть, но паспорта у нас советские, т.е. того государства, которого давно нет. Географически мы как будто существуем, но в мировом пространстве, духовном – мы как фантом, фантазм, как мы любим выражаться на этой встрече, и это создает ощущение ущербности, тормозит наше культурное, духовное, экономическое и всякое другое развитие.

Таким образом, Грузия, не признавая Абхазию, способствует ее внутренней деградации. Она проводит все ту же советскую политику, только в другой форме. Получив такое признание, мы, абхазы, конечно, покажем результаты. Я не уверен, и нет гарантий, что в ближайшее время мы построим государство, но почему-то думаю, что Абхазия с этим справится, но мешает Грузия. Ее объятия – теперь уже объятия не в прямом смысле, но флюидные какие-то объятия – все еще душат Абхазию. У меня такое чувство. Поэтому, мне кажется, Грузия должна сделать такое усилие, чтобы раз и навсегда решить эту проблему. Это вовсе не исключает сближения наших народов, может, даже будет способствовать, когда мы признаем друг друга, как разные независимые единицы. У меня такое ощущение, что завтрашний день открывает более широкие перспективы, чем эти черепашьи шаги к урегулированию конфликта, которые делаются на государственном уровне, и усилиями энтузиастов и всех миролюбиво настроенных людей. А решение больше зависит от Грузии, чем от

Абхазии. Абхазия может получить признание только от Грузии, вот какая зависимость Абхазии от Грузии. Судьбоносная зависимость. Нас никто не признает, пока Грузия этого не сделает, она должна быть первой, кто нас признает, поэтому на ней лежит самая большая ответственность. Если Грузия действительно желает Абхазии процветания, выживания и т.д., то должна первой ее признать. Я не политик, но мне кажется, что через это она легче сможет решить многие свои важные проблемы и сама внутренне освободится.

Тут такая историческая параллель, я еще раз напоминаю: историки говорят, что Абхазия была у истоков грузинской государственности. Это было тысячу лет назад, и теперь история повторяется, но в зеркальном отражении, и опять с Абхазии может что-то начаться или закончиться, но уже в другой форме.

Абесалома и Давида благодарю за очень содержательные выступления.

Арда Инал-Ипа. Даур, Абхазия в твоём понимании должна только ждать или она тоже что-то должна делать?

Даур Начкебия. Нет, ждать – это худший вариант. Мы все равно будем этого добиваться. Но мы должны помочь друг другу. Мы же все говорим, что освящены такими крепкими узами.

Арда Инал-Ипа. Это я поняла, но каков наш выход? Выход из этой истории для Грузии – это изменить отношение к Абхазии. А перед каким вызовом стоит Абхазия, какую свою внутреннюю задачу она должна решить? Это ведь наше испытание – непризнанность, деградация. Что мы должны сделать? Мы видим, что должна сделать Грузия, но я не верю, что что-то может реально, радикально измениться, если мы просто будем ожидать, когда кто-то сделает свой нравственный выбор.

Даур Начкебия. Ждать? Нет. Вот вчера говорилось – наш зарубежный гость так понял – что абхазы и грузины все еще самоидентифицируются через образ врага. Не знаю, как в грузинском обществе, но в абхазском уже так устали от такой жизни, что уже не конструируют

образ врага. Для меня и для многих моих знакомых грузины и Грузия не являются врагами. Честно говоря, грузины и Грузия, в некотором роде, для нашего духовного опыта – это прошлое. Внешние проблемы нас уже меньше волнуют, чем внутренние проблемы абхазов и абхазского общества. Мы должны строить внутри свое государство, не дожидаясь, пока Грузия нас признает. Тенгиз говорил о варианте, когда Россия может более активно выступить на стороне Грузии, и Давид не исключал возможности, что в случае возобновления военных действий абхазские подразделения окажут сопротивление. Я уверен, что они окажут большое сопротивление, потому что стремление к тому, чтобы построить свое государство, очень велико. Окажут сопротивление не только этим, но и натовским силам тоже. Это я говорю совершенно серьезно. Имею право так говорить, потому что в некотором роде причастен к войне. Я потерял на войне родного брата, потерял очень много близких людей, и ради памяти брата, а это не проходит бесследно, так насильно переиграть нас и насильно куда-то включить, мне кажется, уже невозможно. Или мы исчезнем как народ, или будем сопротивляться и не позволим.

Тенгиз Пачкория. Вам не кажется, что вы явно преувеличиваете возможности абхазов в разрушении грузинского государства? Наверное, исходите из результатов войны? Я, естественно, не хочу никого оскорблять, но прекрасно известно, какие мощные силы оказывали поддержку абхазам.

И еще один вопрос, по поводу политики. В последней части вашего выступления вы сказали, что будете сопротивляться. Когда я предполагаю, что Грузия примет российскую ориентацию, то я думаю, что в этом варианте соответствующие силы постараются привести к власти в Сухуми такую группу абхазцев, которая будет настроена так же. То есть этим силам будет нужно не единое абхазское общество, готовое к сплоченной борьбе.

Даур Начкебия. Я отвечаю на первый вопрос: когда я говорил о разрушении грузинского государства, то совсем не имел в виду, что абхазы пойдут и захватят Тбилиси. Нет, я имел в виду те психологические, если хотите, интимные, отношения, которые сложились на про-

тяжении веков между абхазами и грузинами. Я имел в виду нашу зависимость, духовную зависимость. Это есть, и нельзя это отрицать.

Теперь о тех силах, которые поддерживали Абхазию во время войны. Силы были разные, грузин тоже поддерживали разные силы. Но давайте возьмем списки тех, кто погиб на этой войне, кто держал оружие в руках, кто шел в атаку, кто сложил головы. Это самый главный показатель. А кто выпустил автомат Калашникова и дал тебе или ты купил у него – это второстепенный вопрос. Нет войн, которые бы заканчивались из-за отсутствия оружия. Оружие всегда найдется. И из корыстных целей обычно добывается. (*Шум в зале, спор.*)

Какие бы спекуляции не были вокруг этой войны, зерно, стержень войны для абхазского сознания – это борьба за свободу. Если свобода – пустое слово, тогда вы правы. Если независимость – пустое слово, если все это только политическая игра, то да. Но стержнем всего, что произошло в 92-м, 93-м и последующих годах, была борьба за свободу и выживание абхазского этноса. Абхазское общество считало, что не может, оставаясь в лоне Грузии, выжить как этнос. Во всяком случае, это мое представление об этой войне. Поэтому я говорю, что эта свобода куплена такой ценой, что мое поколение так просто с ней не расстанется, не даст себя поставить на колени, даже если будут крайние формы.

Насчет российского варианта. Опять-таки вы рассуждаете как политик, хотя политик здесь Давид. Вы говорите, что в абхазском обществе будут к этому времени созданы какие-то силы, которые будут свертывать руководство и т.д. Мне кажется, это все на протяжении моего поколения невозможно.

Нодар Сарджвеладзе. Еще вопрос по поводу вызова. Значит, для Грузии абхазская проблема – вызов. А вот непризнание Грузии – тоже вызов для Абхазии? А если продолжить этот вопрос – допустим, Грузия никогда не признает Абхазию, не появится этот человек, о котором говорил Олег Несторович, тогда что предпримет Абхазия?

Нателла Акаба. Можно, я отвечу? Мне кажется, что тогда мы все останемся марионетками, актерами, играющими в чужие игры. Все будет продолжаться так, как сейчас. Что нам еще остается? Мы же не

можем сказать, что раз Грузия нас не признает, мы отказываемся от своей независимости. Фактически Абхазия будет оставаться вне Грузии, и все. А юридически...

Даур Начкебия. Думаю, тут возможны два сценария. Один, если политическая обстановка внутри Абхазии не изменится к лучшему или наступит какой-то спад. Но есть большие надежды, что политическая обстановка внутри Абхазии изменится и Абхазия – непризнанное в мировом масштабе государство – все равно будет самодостаточной политической единицей. Наше общество работало с конца войны, и работает сейчас. Передовая, мыслящая часть нашего общества, не ожидая милости от природы, в данном случае от Грузии, продолжает строить свое общество, чтобы оно стало самодостаточным и жизнеспособным. Только такой путь остается. Во всяком случае, в обозримом будущем никакого другого пути нет.

Нателла Акаба. Для меня это тоже очень важный вопрос, и мы каждый день его себе задаем, и каждый день по-своему отвечаем. Я думаю, что вопрос признания – второстепенный или четырехстепенный, потому что главное – это то, что я ощущаю себя живущей в независимой Абхазии, и, в принципе, совершенно неважно, будет ли у Абхазии свое посольство в Лондоне. Думаю, что вот это признание может лечь непосильным бременем на наши плечи и даже усложнить наше существование. Главное, чтобы мы сами себя признавали и вели как независимое государство, а не оглядывались на север или на запад, не думали, как поступить, чтобы не обидеть или не раздражать кого-то. Мне кажется, что, собственно говоря, признание не играет такой уж важной роли для Абхазии.

Олег Дамения. Вопрос поставлен по существу. На самом-то деле исторический вызов есть и у Грузии, и у Абхазии. Грузинское общество должно искать свой ответ на этот вызов, а абхазское общество – свой. Как мы ответим на эти вызовы, такими и будут наши перспективы.

Каким я представляю себе ответ на этот вызов. Вряд ли есть основание думать, что в ближайшее время Грузия признает нашу неза-

висимость, вряд ли нам следует думать, что Россия признает. Но, несмотря на это, как говорила Нателла Нуриевна, мы не можем перестать существовать, ведь народ представляет собой определенный социальный организм, систему, общность. Мы должны в этих условиях находить формы и способы, механизмы выживания. То есть пока эта общность существует, она должна стремиться к тому, чтобы поддерживать свое существование, воспроизводить себя и обеспечивать свою безопасность. Другого пути, другого смысла или другой цели у этой общности я не вижу. Сегодня легко критиковать то, что произошло, президента, парламент. Но чрезвычайно важно, на мой взгляд, правильно сформулировать ту задачу, которую нам предстоит решать. И в этих условиях, условиях изоляции, блокады, Грузия будет нам противостоять, будет мешать, а мы будем мешать Грузии, я с Дауром здесь согласен – мы друг другу сегодня исторически серьезно мешаем. В этих условиях нам нужно адаптироваться к политическим реалиям и находить способы и формы выживания. Я согласен с Дауром и Абесаломом, что наши нынешние власти и в Грузии, и в Абхазии оказались неспособными предложить обществу соответствующие современным условиям механизмы решения реальных задач. А ведь государственные структуры, органы управления для того и создаются, чтобы помочь решать обществу эти задачи. Вот так я себе представляю.

Нодар Сарджвеладзе. Я уверен, что ожидать признания – это нереально, это иллюзия. Потому что, если допустим, я признаю, или Эмзар, или Тенгиз, это ничего не значит – должны признать власти. А власть не признает элементарно из-за того, что такое решение непопулярно. Каким бы гуманным не было руководство, как бы оно ни думало о будущем Грузии, в любой момент истории это непопулярное решение приведет к потере власти. Поэтому это нереально, будь то власть Шеварднадзе или какой-нибудь будущий президент, все равно.

Нателла Акаба. Думаю, что властям Абхазии тоже совершенно невыгодно, чтобы Грузия нас признала. Это очень удобно: есть причина всех наших бед. Это реальность, и мы об этом говорим. Это вы-

годно и вашим, и нашим властям, и так будет продолжаться еще очень долго. Но ничего, мы тоже приспособились так жить, и будем так жить.

Арда Инал-Ипа. Нодар спросил, что будет делать Абхазия, если Грузия так и не признает ее независимости. Думаю, что Абхазия, считая это несправедливостью, не должна продолжать эту несправедливость. Если Грузия так относится к нам, то мы не должны так же относиться к Гальскому району или вообще к грузинскому населению или к нашим меньшинствам. Поэтому я думаю, что нашим ответом должно быть построение более справедливого общества, в котором налажены сложные межнациональные отношения. Может быть, это очень идеалистически звучит, но я говорю о желаемой позиции – установке абхазского общества на то, чтобы разомкнуть этот круг. Где-то нужно не воспроизводить, не отвечать несправедливостью на несправедливость. Я считаю, что наш вызов – это соблюдение прав меньшинств и других национальностей. Несмотря на нашу демографическую и языковую проблему, все-таки необходимо найти возможности достойного сосуществования с другими народами и уважать их права, а не заканчивать путь справедливости именно на абхазском народе и дальше не видеть схожих проблем и прав других. Если мы хотим строить государство, а не культурную автономию, то мы должны решить эту проблему. Мне кажется, наш вызов именно в том, чтобы с ней справиться.

Абесалом Лепсяя. Очень грустно было слушать многое из того, что сейчас говорилось. Я, конечно, не хочу никого обижать, но здесь имеет место очень инфантильный настрой. Мне кажется, все эти разговоры, что Россия за нас решит проблему (я уже не говорю о таком курьезе, что будто бы торговцы на границе устроят нормальные грузино-абхазские отношения), и т.д. – это ужасный инфантилизм. Мы, может быть, действительно не готовы к тому, что называется строительством серьезных отношений. Мы не смогли перешагнуть эту грань. Само собой ничего не построится. Во всяком решении, безусловно, есть определенный риск. Есть такое выражение: все опасно. Но когда говорят, что все опасно, это не значит, что все плохо. Это

значит: если хочешь что-то решать, нужно со всей ответственностью идти на определенный риск.

И еще один момент. Как мне показалось, мы оказались неготовы к промежуточной модели. Не в том смысле, что предложения были приняты или не приняты, а сам наш подход к промежуточной модели – тоже отражение инфантилизма: «или мы сразу все получим, или ничего не получим». Никогда ничего из такой политики не выйдет. Я, если говорить откровенно, вообще считаю это немужским подходом. Моя личная политика здесь состоит в том, что хотя от меня как от конкретного лица мало что зависит, но моя ответственность перед самим собой диктует мне такой стиль поведения, и я не жду, когда за меня что-то решит Россия или торговец на границе. При таком подходе мы ни к чему не придем.

Паата Закареишвили. Я как раз хочу сказать, что никакой грусти не должно быть. Абхазия никогда не сможет помешать Грузии развиваться, это абсурд, для меня это абсолютно неприемлемо. Грузии мешает не Абхазия, а неспособность решения абхазского вопроса. Вот в чем проблема. Сейчас Грузии, например, мешает коррупция, а не Абхазия. Сейчас для меня гораздо более важной проблемой в Грузии является коррупция и тысячи других вопросов, и один из самых последних вопросов, как она будет относиться к Абхазии. К сожалению, руководство уже решило вопрос отношений с Абхазией в августе 1992 г., очень неудачно и очень глупо. Сейчас ему уже не до Абхазии. В Абхазии никакой мистики нет. И не дай Бог, чтобы Грузия не сделала ни одного шага, тогда она не состоится как государство и не сможет решать вообще никакие вопросы, в том числе и абхазские. И абхазы сами будут решать свою судьбу, и сейчас должны решать, и ни в коем случае не должны ждать, пока Грузия бросит им это признание.

Даур Начкебия. Мы и не ждем.

Паата Закареишвили. Нет, ваше выступление было пронизано именно этим духом, мистикой, прошлым, которое было тысячи лет назад... Этого не должно быть. Если вы готовы как государство, вы не должны никого ждать, вы, как корабль, должны плыть в любую пого-

ду. То же самое и мы. Если у нас будут общие какие-то точки соприкосновения, то мы обязательно соприкоснемся, я уверен. В мире идут интеграционные процессы, и как бы мы не развивались, мы обязательно будем вместе: в одном государстве, в разных ли, но наши дороги будут общие, почти одинаковая валюта, иначе мы не выживем в этом мире, иначе не получится ничего.

Я хочу ответить Роману, которого очень люблю и уважаю, что Грузия неспособна на войну. Грузия была способна на войну только потому, что у нее были какие-то остаточные ресурсы Советского Союза. Она сейчас сидит абсолютно на нуле. Либо Грузия станет демократическим государством, либо вообще ничем не станет, поэтому ни твоих костей, ни моих костей нигде искать не понадобится. Так что в этом плане могу тебя успокоить. *(Смех в зале, шум.)*

Даур Начкебия. Сразу видно, что ты имеешь дело с грубой реальностью.

Паата Закареишвили. Для меня очень важно показать абхазам, что Грузия очень медленно, но что-то делает и какие-то процессы там идут. Мы стараемся не приглашать сюда людей, которые, увидев абхазов, будут говорить: «как хорошо» и хлопать в ладоши. Мне всегда хочется приглашать сюда людей, которые имеют какое-то влияние на общество. Вот эти люди точно имеют какой-то выход на общество. Иногда у меня складывается впечатление, что некоторым из вас невыгодно видеть новую Грузию. То есть спокойнее видеть старую Грузию, агрессивную, неспособную. Мы хотим, чтобы вы видели, насколько наши желания искренни, хотим показать вам, как у нас идут изменения.

Батал Кобахия. Это не зависит от нашего желания, мы же должны это видеть...

Нателла Акаба. Надень розовые очки...

Паата Закареишвили. Нет-нет, розовые очки как раз не нужны, надо снять черные очки, больше ничего. Например, ни один серьезный

закон в Грузии не проходит в парламенте, если не проходит через руки Тинико и Левана, которые здесь находятся. Они об этом не кричат, но это не значит, что это не так. Нас в самом деле мало, но мы в тельняшках, и мы очень многие вопросы закрываем в Грузии, перекрываем, можно сказать. Не мы принимаем решения, но мы контролируем вопросы, на которые можем влиять. И мы приезжаем сюда, чтобы дать вам возможность это увидеть. Другое дело, захотите ли вы это увидеть. Мы хотим, чтобы вы увидели, что в Грузии какие-то процессы, в любом случае, происходят. И эти процессы наступательные. Они медленные, к сожалению, но наступательные. Если вы этого не хотите слышать, то тогда многие из нас просто зря тратят время. Если мы не будем верить друг другу, если будут какие-то задние мысли: вдруг это не так, вдруг они нам врут – диалог никогда не состоится. У меня абсолютно нет никакого желания пускать вам пыль в глаза и приглашать тех людей, которые якобы что-то делают, но на самом деле ни на что не способны и приехали просто Сочи посмотреть.

У нас какая ситуация сейчас в Грузии? В Грузии реакционеры – либо ни на что не способные лентяи, либо безинтеллектуальные радикалы, экстремисты. Интеллект сейчас абсолютно не на стороне реакционеров. Это я могу смело сказать. Если кто-то что-то делает в Грузии, мозгами шевелит, то обычно это люди, которые хотят утвердить демократические, гражданские ценности. Эта группа очень мала, я иногда шучу, что знаю их всех в лицо, но на самом деле их больше.

Я хочу, чтобы мы в нашем движении доверяли друг другу. Если доверия нет, нам будет очень тяжело продвигаться вперед. Это ощущение возникло после выступления Батала, когда мы говорили об учебниках истории. Сложилось впечатление, как будто мы ничего не знаем. Кто-то другой знает, а мы не знаем, что происходит.

Нателла Акаба. Но он не вас ведь имел в виду.

Паата Закареишвили. Но у меня сложилось такое ощущение.

Роман Дбар. Самой страшной проблемой является, понятное дело, не Абхазия, а коррупция.

Реплика из зала. Или короче: режим Шеварднадзе. Просто Шеварднадзе, если совсем коротко.

Роман Дбар. Нет, я думаю, что смена одного лидера другим ничего не даст. Коррупция вообще присуща восточному образу жизни, и перешагнуть через это очень сложно. *(Спор в зале.)* ...Сколько будет длиться эта битва, когда можно будет сказать, что коррупция не представляет угрозу обществу?

Батал Кобахия. Паата, не хочешь ли ты сказать, что пока вы с коррупцией не покончите, вы не сможете реально найти общий язык с абхазами?

Паата Закареишвили. Безусловно. Абхазский вопрос может решить только развитое, сильное государство. Если мы сейчас признаем Абхазию, это не значит, что все будет в порядке. Признание Абхазии (дай Бог, чтобы оно произошло) произойдет только при сильном государстве. Но это будет очень долгий процесс. Может быть, это будет последний аккорд. С признания Абхазии начнется настоящая государственность Грузии. Но это будет очень поздно, поэтому вам не надо ждать.

Тинатин Хидашели. Паата сказал почти две трети из того, что хотела сказать я. Я хотела ответить на то, о чем говорил Даур, о прогрессе Грузии, о зависимости прогресса от решения абхазского вопроса. Леван, Паата и я уже тысячу раз говорили об этом, и не знаю, почему это так трудно понять. Почему вы нам не верите, когда мы вам абсолютно искренне говорим, что сегодня Абхазия – не проблема в Грузии? Я хотела сказать и о коррупции, но Паата уже говорил. Не буду повторять. Единственное, что может разрушить грузинскую государственность – это коррупция, больше ничего. Состоится ли наша государственность, зависит от тех чиновников, которые сейчас сидят на своих местах и думают только о том, сколько накопить себе и своим семьям, и больше ни о чем.

Я очень далека от мысли, что нас много, что нас тысячи и мы можем устраивать тысячные демонстрации, вывести народ на улицы

и т.д. Во-первых, Грузия маленькая страна. Во-вторых, Тбилиси еще меньше. Нас немного, но нас достаточно, могу вас уверить. Сегодня в Грузии очень много людей, которые, как говорил Паата, может быть, непосредственно и не решают вопросы, но оказывают очень сильное влияние абсолютно на все, что случается в Грузии. Здесь часто говорится о том, что мы представляем лишь какую-то часть общества и к остальным не имеем отношения. Я хочу вас уверить, что это не так. И я сейчас уже говорю от имени моей организации – не просто как гражданка Грузии, а как председатель одной из самых крупных организаций, в численном смысле. У меня каждый день происходят контакты более чем со 120-130 людьми. Это статистика, в которой вы можете убедиться в каждом нашем издании. За год это очень большие цифры. Эти контакты абсолютно разные, и я хочу сказать, что мы пытаемся строить свое государство не только через то, что будет в Абхазии, а через то, что будет в той стране, где мы живем. Я в самом деле собираюсь в ней жить и никуда не собираюсь уезжать. Но собираюсь бороться за то, чтобы мои дети жили в такой Грузии, в которой я хочу, чтобы они жили. И это для меня самое главное. Повторяю: без Абхазии или с Абхазией – это для меня самая малая проблема. Для меня большая проблема, чтобы я жила в государстве, чтобы грузинская государственность состоялась. И я верю, что тогда конфликт будет решен. Я не знаю, как он будет решен – будем ли мы жить в разных странах или нет, но абхазы, наверное, уже сами решат, как им быть и с кем им лучше быть. С российской ориентацией, с грузинской, или с какой-то еще.

И последнее, что я хотела бы сказать по поводу этих отношений. Самое главное, что делает наша организация за последние полтора года – это очень тесные контакты с насильственно перемещенными лицами. Это уже не та ситуация, когда я просто потратила целых 5 лет в абхазской комиссии, когда возникает ощущение, что они не знают, о чем идет речь. Они, и правда, не знают и никак не поймут, что это уже не одно государство. И уже невозможно говорить о том, что если сегодня напишешь в грузинский парламент какой-то закон о статусе Абхазии, то парламент завтра его примет. Так было вчера, но сегодня и, я уверена, завтра могут позвонить и спросить: где твой проект? То есть, в последние полтора года мы пытаемся говорить с

людьми, с которыми никто в Грузии не говорит, с гражданами, с которыми никто не говорит как с людьми. Они просто инструмент, которым все время манипулирует и ваши лидеры, и наши лидеры. Например, месяц назад в Конституционном суде у нас было дело от их имени – об их праве на участие в выборах. К сожалению, мы не смогли выиграть это дело, и Конституционный суд отказал... Мы могли пойти отстаивать их права всего с пятью подписями, даже с одной. Просто мы хотели, чтобы как можно больше этих людей поняли важность того, чтобы они были интегрированы в тех местах, где они живут. И почему мы пошли в декабре 2000 года, а не в декабре 99-го? Потому что в декабре 2000 года у нас было уже 5 тысяч человек, которые сказали, что хотят голосовать там, где живут. Мы опять не смогли выиграть это дело, но я уверена, что завтра обязательно сможем – может быть, другими способами, может быть, через изменения в законе о выборах.

Есть и второй прогрессивный момент, которого мы смогли добиться. Это дело осетин, которые уехали из Грузии. В судах лежат дела о собственности осетин, которую они потеряли в Бакуриани, Боржоме и Лагодехи. В 98-м, 99-м годах мы проиграли в суде 34 дела. По всем 34-м делам суд заявил, что грузины, которые живут в оставленных домах, должны там жить... В 2000 году мы уже выиграли 60 дел. Я уверена, что этот процесс уже не остановить. Сейчас есть очень большое доверие к нашей организации. Сейчас они к нам обращаются уже сотнями. Обращаются не только те, кто вернулся и живет где-то в Грузии. Мы получаем письма, документацию, из Владикавказа, из Москвы, из других стран, где они живут. То же самое делается сейчас и с турками-месхетинцами. То есть для меня есть другие проблемы и другая методика, по которой я собираюсь помочь моей стране стать демократичной, уважающей права меньшинств. Я уверена, что этот процесс о собственности осетин в какой-то мере будет способствовать решению грузино-осетинского конфликта. Потому что осетинское государство уже не будет манипулировать проблемой беженцев-осетин, если осетины станут сотнями возвращаться в остальную Грузию. Хотя бы этого аргумента у них уже больше не будет. Я помню, в 97-м году в Осетии мне сказали, что осетины никогда не будут говорить с нами до тех, пор пока Грузия не проявит готовность

что-то делать с их проблемами. Сегодня, когда я там была в феврале, я привезла эти судебные дела и показала, что это происходит. У меня были дела и в судах Цхинвали, где до сегодняшнего дня отказывают грузинам. Мне пока ничего не обещают, но, по сравнению с 97-м годом, по крайней мере готовы что-то рассмотреть, обсудить и решить.

Чтобы закончить это выступление, хочу сказать, что мы все, кто участвует в подобных встречах – люди, которые хотят и реально могут влиять на свое общество через маленькие дела. Это потому, что я точно знаю, какой я хочу видеть Грузию через 10 лет. Но, к большому моему сожалению, я не вижу того же в ваших выступлениях – я не вижу, в какой институциональной форме вы видите свое государство. А я знаю, чего я хочу, потому что моя проблема – не Абхазия. То, что говорил Даур, приводит меня к мысли, что для Абхазии Грузия – это тема, то есть вы хотите, признания Грузии и после этого собираетесь что-то делать, а для меня это не проблема. В этом вся разница между нами.

Батал Кобахия. А мы всегда говорим о Грузии, никогда не об Абхазии. Потому что, когда вы говорите об Абхазии, то имеете ее в виду как часть Грузии. Поэтому мы говорим только о Грузии.

Тинатин Хидашели. Батал, я говорю тебе, что я не имею в виду Абхазию как часть Грузии!

Батал Кобахия. Я с удовольствием прослушал оба доклада. Даур действительно правильно сказал, что один – более конкретный, другой – более глобальный. Это хорошо, что есть какие-то сценарии, которые мы могли бы обсуждать, и хорошо, что началась такая дискуссия. Мы – маленькое общество, но за нами есть еще большое общество, в котором те или иные сценарии тоже вызовут дискуссии, потому что это для всех очень важно. Абесалом в своем докладе очень понятно и конструктивно говорил, что надо, чтобы в разработке этих моделей сосуществования участвовали различные спектры общества. И этого у нас сегодня нет. Наверное, грузинские участники встречи могут больше влиять на верхние эшелоны власти. Мы такого влияния не оказываем, хотя нельзя сказать, что наша точка зрения оста-

ся незамеченной – напротив, она действительно вызывает различные эмоции и действия. Трудно, конечно, зафиксировать, где именно и как мы повлияли, но все-таки определенное влияние есть. Мне представляется, что три встречи: афинская, стамбульская и ялтинская вряд ли могли состояться, если бы не было встреч на неправильнейшем уровне.

Я думаю, что это – то, что я могу сделать. Мой возможный вклад в продвижение процесса – это стараться развивать гражданское общество, что мы и делаем. В принципе, это даже внутренняя проблема. Вы говорите, что проблема Абхазии не столь важна. Но я не думаю, что это так. Может быть, мы не владем той информацией, которой владеете вы, но я думаю, что и эта проблема очень важна. Я не думаю, что вопрос Абхазии – это совсем уж последняя проблема, после коррупции, после законов. (*Шум, возражения.*) Я хочу сказать, что мы должны строить отношения, и тут должно учитываться все. Даже если у вас будет построено совершенно развитое демократическое гражданское общество, даже тогда это, наверное, будет моя проблема – доверять или не доверять. Если я не верю в мою безопасность, ни ваши требования, ни призывы к совести ничего не изменят, я буду продолжать бояться, значит, надо это обсуждать и не надо удивляться, раздражаться и впадать в пессимизм.

Какие-то силы нас привели к такому силовому противодействию. Но проблемы все-таки есть и сейчас. Мое участие в улучшении ситуации заключается в том, что я должен дома очень много работать. Сейчас вся деятельность, которую я считаю для себя наиболее приемлемой и необходимой – это развивать гражданское общество у нас в Абхазии. Если каждый гражданин действительно сможет работать так, как мы с вами работаем, ситуация станет лучше. Но сейчас не хватает ресурсов, жители районов не имеют даже возможности читать газеты. Мы в Сухуме и Гаграх, допустим, читаем, а в селах и газет-то нет: у нас очень плохие коммуникации, не только из-за внешней блокады, но и внутренних маленьких «блокад» много. Например, нет моста – и уже почта не поступает в села, нет автобуса – и нет почты. Не будет же человек каждый день 20 километров пешком ходить за газетами. Один раз пойдет, но второй раз не пойдет. Нам с ними еще нужно говорить. Я не знаю, может, наше общество захочет

реализовать какую-то другую модель. Честно говоря, диалога с обществом у нас практически нет. И с властью как такового диалога у нас, может быть, тоже нет, но мы часто догадываемся, чего они хотят. Думаю, что у них тоже проблемы, но это уже другой разговор... Я думаю, что вы не должны обижаться, когда мы резко говорим. Было бы хуже, если бы мы обходили острые вопросы и потом, садясь в автобус, говорили: зря просидели три дня.

Думаю, что если наша реакция по поводу одного маленького проекта вызвала у вас бурю эмоций, я бы на вашем месте просто задумался, почему этот проект вызывает у абхазов такую негативную реакцию. Я допускаю, что не у всех абхазов это вызывает одинаковую негативную реакцию, но все-таки вы не со всеми абхазами разговариваете. И это можно было обсудить. Но раз это вызывает реакцию, то не надо меня гасить. Уже гасили, понимаете, хорошо от этого ни вам, ни нам не стало, честно говоря. Надо все обсуждать. Тем более нас тут всего-то 10-15 человек. Думаю, что мы просто должны быть смелее. Смелее думать о будущем, смелее говорить о том, что мы сейчас из себя представляем. Если бы я мог дать конструктивную модель, которую восприняли бы и грузины, и абхазы и все сообщество, то уверяю вас, я бы это сделал. Я нашел бы на это ресурсы, средства, информацию. Но мы с вами сегодня пока только думаем об этом. Я нашел бы на это ресурсы, средства, информацию. Но мы с вами сегодня пока только думаем об этом. Полезно то, что мы имеем возможность публиковать наши размышления и обсуждения. Может быть, не все население Грузии и Абхазии прочитает эти материалы, но какие-то люди обязательно прочитают и будут их анализировать. Потому что через месяц после того, как книги разойдутся, я совершенно уверен, что я услышу трансформированные мысли и идеи, которые будут наполняться жизненной реальностью, которую я, может быть, прозевал. Потому что, сознаюсь, мы живем на такой безумной скорости, развивая гражданское общество – иногда мчимся мимо всех, мало кого замечая. Может быть, мы пробежали мимо, пропустили какие-то простые истины, которые где-то рядом. Прошу прощения, если я кого-то обидел своей эмоциональностью, но я действительно не могу говорить о многих вещах бесстрастно и это, конечно, моя проблема. Было бы лучше, если бы я мог быть очень от-

страненным и обо всем говорить спокойно, но эта проблема меня очень задела и думаю, что вас тоже. Даже Левана, который не знает, что такое война в Абхазии – он там не был и впервые абхазов увидел только в прошлом году. Я думаю, это задевает всех, просто в разной степени. Какая разница – один палец режешь или десять. Боль чувствуется каждый по-разному и невозможно соизмерить его боль, мою боль, твою боль. Важно, что она у нас есть.

Нателла Акаба. Я постараюсь быть очень краткой. Батал правильно сказал, что мы должны говорить обо всем, что нас волнует, даже если это волнует только одного. Мы не можем отказать ему в праве говорить об этом. И действительно, надо, наверное, научиться быть очень терпеливыми.

Мне кажется, что сегодня Тинико и Леван затронули очень важную тему. Мы, действительно (я имею в виду абхазов), мало говорим о том, какой бы мы хотели видеть будущую Абхазию, какой мы собираемся ее строить. Но я думаю, что есть извиняющие нас моменты (хотя все равно надо это преодолевать). Если для вас сегодня фактор Абхазии не решающий, то, к сожалению, так сложилось, что для нас фактор Грузии – решающий. И понимаете, все, что мы будем говорить и думать о той будущей Абхазии, которую мы хотели бы видеть, это будет все-таки через призму грузинской проблемы, через проблему возвращения беженцев. Наслаивается столько всяких проблем, что очень трудно сегодня конструировать будущую Абхазию. Я, конечно, согласна, что это надо делать. Но в условиях, когда у нас такое закрытое общество, когда лишь единицы могут куда-то выезжать и видеть, как живут люди в других странах, когда все знания основаны на советском опыте, который, как вы знаете, весьма негативный... В Абхазии слово «автономия» и сегодня вызывает буквально аллергию и бешенство. Надо понять это общество. А чтобы понять, наверное, надо там побывать и пообщаться с людьми там, где даже разговор о правах меньшинств у наших высокопоставленных людей, претендующих быть демократами, вызывает нервную реакцию, потому что они думают о том, как это может быть осуществлено в аспекте возвращения беженцев и положения в Гальском районе. Трудно сказать, что такое меньшинство. В Абхазии вообще все были меньшинства-

ми. Не было никого, кто составлял бы большинство населения... *(Реплики.)*

Нодар Сарджвеладзе. ...Я думаю, что Тинико и Леван просто акцентировали проблему коррупции. Я, например, так это воспринял. Это жизненно важная проблема. Но на самом деле проблема коррупции и абхазская проблема взаимосвязаны. Так не бывает, чтобы одна проблема была оторвана от другой. *(Реплики.)*

Нателла Акаба. В конечном итоге, во время обсуждения с Джон Полом Ледерахом мы все-таки, наверное, поняли, что так и не смогли найти общих интересов. Вот это очень трагично, потому что это означает, что мы все еще разделены. Если мы, наконец, пойдем, как мне кажется, что нам уготована какая-то особая миссия на Кавказе, то знаю, что у многих это вызовет негативную реакцию. Но я чувствую интуитивно, что Абхазия и Грузия должны найти какие-то формы взаимоотношений, которые будут влиять на ту модель отношений, которая будет сконструирована на всем Кавказе. И может быть, нам суждено найти формулу разрешения этого геополитического соперничества, которая поможет примирить интересы России и Запада на Кавказе. Это, конечно, огромный вызов для нас.

Даур Начкебия. Боюсь, что меня не слушали. Дело в том, что здесь тоже проявилась дискриминация. Какая? Когда Давид сказал: пятым пунктом я помечтаю, ему позволили. А когда я сказал, что я тоже хочу пофантазировать, меня стали критиковать... *(Смех в зале.)* Я не знал, что у вас такая антипатия к метафорическим выражениям и истории. Поэтому, когда я сказал о мистике, надеюсь, вы поняли, что это метафора.

Еще я сказал такую фразу, если помните: что меня и мое общество на 90% волнуют внутренние проблемы, а не внешние. И это значит, что признание Грузией Абхазии или непризнание уже не столь актуально для абхазского общества. Но я не понял, почему так горячо и темпераментно отреагировал уважаемый Паата на это заявление. *(Реплики.)* ...Я не говорил, что для вас Абхазия – главная проблема, я говорил, что это одна из проблем. Если бы она не задевала вас за живое, не была бы проблемой... *(Реплики.)*

Зураб Чиаберашвили

ОБРЕЧЕННЫЕ НА СОВМЕСТНУЮ ЖИЗНЬ Для решения грузино-абхазского конфликта не хватает демократии

Пусть заглавие моей статьи никого не обидит. Хотим мы или нет, абхазским и грузинским народам всегда придется жить вместе – «вместе» в географическом смысле этого слова. В едином ли государстве или, если взглянем на проблему пошире, в едином пространстве ценностей – вопрос пока открытый и ждет полноценного ответа. И дать этот ответ никто из нас отдельно не сможет. Ни абхазская, ни грузинская сторона не в силах навязать какое-то решение друг другу и мировому сообществу. Перед нами долгий путь, и те, кто боится устать, обречены на неудачу – им не решить накопившиеся проблем.

Суть конфликта на данном этапе

Политика – это совокупность высказываний и действий. Так как в действиях обе стороны ограничены (к счастью), нам придется проанализировать те высказывания, которые слышались из Тбилиси и Сухуми в течение 8-9 лет.

Даже мимолетный взгляд на этот период показывает, что никакого изменения в этой риторике практически не произошло. Риторика и грузинских, и абхазских властей направлена не на другую сторону, а только на тех, на кого распространяется их скудная власть: и Шеварднадзе, и Ардзинба стараются оправдать свои действия в глазах своих сограждан и этим продлить свое присутствие на посту лидера нации. Один из них не в силах покончить с риторикой «возвращения Абхазии», второму не удастся ни на один процент отказаться от зависящей независимости.

Несостоявшиеся государства. Тот факт, что ни та, ни другая сторона конфликта не предлагала какого-нибудь плана его урегули-

К сожалению, участники конференции имели возможность ознакомиться с этой статьей (точнее, с ее первоначальным вариантом) только в печатном виде – автор приехать не смог. – *Ред.*

рования, свидетельствует о том, что стороны не сумели сформировать эффективные государства – государства, в которых правительства определяют основные для общества проблемы и выдвигают планы для решения этих проблем.

Если в маленькой (по сравнению с Грузией) Абхазии и существует какая-то консолидация (в основном, определяемая ненавистью к грузинам), то только чтобы обеспечить квазитоталитарную систему власти. Что касается решения жизненно важных для простых граждан проблем, такая задача перед сухумскими властями и не стоит – они, в основном, должны заботиться о сохранении независимости. Что сравнится с этой «грандиозной» задачей?

В самой же Грузии о какой-нибудь консолидации и речи нет. Ни противостояние с Россией (вопрос военных баз, ситуация в Панкисском ущелье или визовый режим), ни абхазская, ни осетинская проблема, ни экономические трудности – ничто не заставит общество как-то среагировать на бездействие собственного правительства. А консолидация общества вокруг позитивных ценностей – это только мечта для отдельных людей. Кроме абстрактного «Шелкового Пути», для реализации которого тоже ведь нужно способное к управлению правительство, Эдуард Шеварднадзе не предлагал грузинскому обществу ничего. Как и Владислав Ардзинба, он тоже не в силах решить главную задачу: способствовать развитию и процветанию собственного народа.

Но давайте зададим вопрос – а могло ли быть, чтобы политические элиты обеих сторон действовали иначе? Была ли у абхазов и грузин возможность самим, без каких-либо посредников, найти общий язык? Что определяло собой неэффективность властей в Сухуми и в Тбилиси?

Это порочный круг: пребывание в состоянии фактической войны с Грузией мешало Абхазии (тому обществу, которое осталось на территории бывшей Абхазской АССР после войны 1992-93 гг.) заняться проблемами, важными для создания нормального государственного устройства. А не построив нормального государственного правления, Абхазия лишает себя возможности определиться в главном вопросе – как налаживать хоть какие-нибудь нормальные, человеческие отношения с Грузией.

Тем временем Тбилиси, периодически объявляя «абхазскую проблему» главной проблемой дня и обещая беженцам «возвращение Абхазии» к такому-то году, тоже был занят вовсе не устройством государства, а устройством жизни отдельных привилегированных членов правительства. При таком положении дел правительство Грузии и не могло выдвигать каких-либо инициатив для решения конфликта.

Взаимная ненависть политических элит. В какой-то момент политические элиты обеих сторон осознали, что такое состояние, может быть, и невыгодно для народов, но вполне пригодно для достижения личных целей самих членов этих элит. Чем больше ненависти, тем дольше урегулирование конфликта. Чем дальше откладывается урегулирование конфликта, тем сильнее позиции тех, кто больше всех повинны в создании такой порочной ситуации.

Тамаз Надареишвили перед каждым парламентскими выборами становится неоценимой фигурой в глазах правящей партии Грузии: за Надареишвили числится не меньше 50 тысяч голосов – стереотип действует. А то, что условия жизни Надареишвили и просто-го беженца несопоставимы, не в счет: как Ардзинба занят укреплением абхазской государственности, так и Надареишвили занят «возвращением Абхазии».

Пусть абхазы поймут, что сидящие перед ними грузины – это вовсе не те, у кого сейчас власть в Грузии. Это люди, которых сами абхазы должны как-то поддерживать, если хотят, чтобы во главе Грузии стояло правительство, решающее проблемы, а не банда коррумпированных лиц.

Пусть грузины представят себе, что было бы, если в этой страшной войне победили грузины. Ведь трагикомические фигуры нашей новейшей истории – Китовани или Иоселиани – до сих пор были бы героями и победителями. Какой была бы тогда политическая жизнь в Грузии? Сейчас черт те что, а тогда что было бы?

Пусть грузины это учтут. Пусть посмотрят на тех, с кем сидят сейчас за одним столом, и отдадут себе отчет, как трудно отдельным людям в Сухуми выражать взгляды, не совпадающие с официальной точкой зрения абхазского правительства.

Я повторяю: заявления политических элит обеих сторон предназначены для своих же. И те, и другие боятся, что кто-то подловит их на «предательстве собственного народа». Они боятся ненависти собственного народа и этим способствуют разжиганию ненависти между абхазскими и грузинскими народами. Ни те, ни другие не заботятся о том, что как-то смягчить напряжение между народами, между обычными людьми, между теми, кто многие годы жили вместе.

Пропасть между народами. И вот здесь мы приходим к еще одной проблеме – к пропасти между народами. Я думаю, что «возвращение беженцев» – это не гуманитарная, не экономическая, не демографическая, не этническая, а в первую очередь политическая проблема. Политическая в том смысле, что прямое общение грузин и абхазов прежде всего повлияет на политические фоны и в Тбилиси, и в Сухуми. Угасание ненависти между простыми людьми обязательно скажется на судьбах тех, кто строит свою политику на ненависти.

А кто строит эту политику – до сих пор неясно. Грузины обвиняют в разжигании конфликта русских, абхазы, со своей стороны, выражают скепсис по поводу нейтралитета ООН и других посредников. Здесь мы уже сталкиваемся с конъюнктурой сегодняшнего дня.

Конъюнктура сегодняшнего дня

Третья сторона. В конце ноября руководители внешнеполитических ведомств четырех непризнанных республик – Нагорного Карабаха, Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья – учредили на встрече в Тирасполе постоянно действующий координационный орган – Совещание министров иностранных дел, отметив при этом, что создание миротворческого контингента в рамках организации ГУУАМ, объединяющей Грузию, Украину, Узбекистан, Азербайджан и Молдову, противоречило бы интересам Сухуми, Цхинвали, Степанакерта и Тирасполя.

Абхазам трудно (да и нет надобности) отрицать свои «особые отношения» с Россией. Не будем цитировать депутата госдумы Алксниса – об этих отношениях говорят факты:

- в России проходят подготовку 17 абхазских таможенников;¹
- сотрудники сухумского Института судебных экспертиз в этом году пройдут практику в Краснодаре и Ростове-на-Дону.²

Это говорит только о том, что повседневная жизнь, а значит, и ментальность, абхазов связана с южной Россией. И грузинам придется стараться, чтобы простой абхаз переключился от такой зависимости от России именно на отношения с Грузией. Но, повторяем, для этого сама Грузия должна быть государством, самой Грузией должны править эффективные менеджеры политики.

Но на сегодняшний день это невозможно, ибо не только Сухуми, но и Тбилиси ментально зависит от России. Иначе не оценить высказывания грузинских политиков, которые связывают решение абхазской проблемы с выводом российских баз с территории Грузии. Я не преуменьшаю роль (негативную) России в этом конфликте, но именно для урегулирования конфликта мы и должны стараться постепенно уменьшать эту роль.

Представитель парламентской фракции “Промышленники” Иракий Батиашвили выступает с собственным планом урегулирования конфликта. На первом этапе предполагается расширение ареала действий российских миротворческих сил до р. Гумисты, введение в эту зону подразделений грузинской полиции и госбезопасности, создание объединенного российско-грузинского штаба и парафирование документа о дальнейшем пребывании российских военных баз в Батуми и Ахалкалаки. Сам Батиашвили признает, что согласие на пребывание российских баз – большая жертва с грузинской стороны, но других перспектив в плане урегулирования он не видит. По его словам, Россию сейчас не интересуют базы в Вазияни и Гудауте, ее внимание перенесено на базы в Батуми и Ахалкалаки, на границе с Турцией – членом НАТО.³

Бросается в глаза наивность этой позиции: как будто самих абхазов нечего спрашивать – прикажет им Москва, и все. Хотя иногда так и есть. Но, например, в интервью агентству Прайм-Ньюс заместитель министра обороны России Александр Косован сказал, что Россия вела продолжительные и непростые переговоры с абхазской стороной, добиваясь согласия Сухуми на выполнение ре-

¹ Прайм-Ньюс, 14 февраля 2001.

² Прайм-Ньюс, 1 февраля 2001.

³ Прайм-Ньюс, 7 февраля 2001.

шения прошлогоднего стамбульского саммита ОБСЕ по выводу гудаутской базы.

Сухуми против расширения зоны ответственности российских миротворцев, с инициативой которого выступил грузинский парламентарий. В интервью тому же Прайм-Ньюс специальный представитель лидера Абхазии по вопросам урегулирования конфликта Анри Джергения заявил, что абхазская сторона “ни под каким видом” не пойдет на изменение формата пребывания российских миротворцев в зоне конфликта. По его словам, главная задача российских “голубых касок” – нахождение на линии разграничения огня и менять это решение нет смысла.

Специальный представитель Генерального секретаря ООН по грузино-абхазскому урегулированию Дитер Боден, комментируя инициативу грузинского парламентария, сказал Прайм-Ньюс, что на данном этапе правовой базой, определяющей зону ответственности российских миротворцев, является Московский документ 1994 г. и вопрос о внесении в него изменений не рассматривается.¹

Что же касается гудаутской базы, Сухуми с Москвой, разумеется, нашли общий язык: министр иностранных дел непризнанной Республики Абхазия Сергей Шамба заявил, что в обмен на согласие абхазской стороны на беспрепятственный вывод части российского вооружения с этой базы, осуществленный в декабре в соответствии с требованиями ОБСЕ, Сухуми получил от России гарантии безопасности. В интервью Прайм-Ньюс он сказал, что согласие Абхазии было дано “на определенных условиях”, назвать которые он категорически отказался, ограничившись сообщением, что Москва и Сухуми достигли компромисса, который “в достаточной степени удовлетворил абхазскую сторону”.² Через несколько дней Шамба заявил, что “в Сухуми готовы рассматривать вопрос о подключении Абхазии к российско-белорусскому союзу или иным межгосударственным объединениям, но пока только на теоретическом уровне”.³

Грузино-абхазский конфликт и мировое сообщество. Абхазы очень резко реагируют именно на уменьшение роли российской сто-

¹ Прайм-Ньюс, 13 февраля 2001.

² Прайм-Ньюс, 11 января 2001.

³ Прайм-Ньюс, 14 января 2001.

роны в переговорах или подключение других стран и организаций к миротворческим усилиям. “Откровенно прогрузинской”¹ называет Анри Джергения позицию известного американского политолога, бывшего советника президента США по национальной безопасности, Збигнева Бжезинского, выступившего за ввод в Абхазию международных подразделений. Чтобы урегулировать конфликт, надо, прежде всего, покончить с внутренней и внешней интервенцией на этой территории, что, в свою очередь, удастся, если на смену иностранным вооруженным силам туда придет настоящее военное представительство ОБСЕ, заявил Бжезинский журналистам в Вашингтоне, отметив при этом, что многое будет зависеть от того, в каких масштабах “власти другой страны” захотят эксплуатировать абхазскую проблему для осуществления политического давления на Грузию и ограничения ее независимости.²

Комитет межпарламентской ассамблеи ОБСЕ, заседание которого проходило 22-23 февраля в Вене, единогласно принял резолюцию об учреждении специального комитета по вопросу Абхазии. (В заседании приняли участие делегации 54 государств.) В принятой Комитетом резолюции выражается глубокая озабоченность возможностью значительного ухудшения напряженной ситуации в зоне конфликта, а также риском возобновления конфликта в случае, если беженцы и вынужденные переселенцы не получают возможность безопасного и достойного возвращения в свои дома. Комитет будет регулярно отчитываться по ситуации в зоне конфликта и о проделанной работе перед Межпарламентской ассамблеей. С 1998 г. делегация Грузии постоянно ставила в Межпарламентской ассамблее вопрос о целесообразности учреждения специального комитета по вопросу Абхазии, но из-за позиции российской делегации создать эту структуру до сих пор не удавалось.³

В середине февраля под эгидой Совета Европы и ООН в Пицунде состоялся двухдневный семинар “Государственно-правовые аспекты урегулирования конфликта”, прошедший при сопредседательстве специального представителя Генерального Секретаря ООН Дитера

¹ Прайм-Ньюс, 13 февраля 2001.

² Прайм-Ньюс, 3 февраля 2001.

³ Прайм-Ньюс, 24 февраля 2001.

Бодена и комиссара Совета Европы по правам человека Альваро Хиль-Роблеса. Дитер Боден назвал этот семинар “первой попыткой” грузинской и абхазской сторон приступить к обсуждению самого болезненного вопроса – о статусе Абхазии. По мнению помощника абхазского лидера, Астамура Тания, семинар носил научный характер, но, тем не менее, имел “определенное политическое значение”. Как сообщил Прайм-Ньюс Астамур Тания, абхазские участники семинара предложили вести диалог в правовом русле, создавшемся, когда после развала Советского Союза Абхазия объявила себя независимым государством – по мнению абхазской стороны, разрыв отношений между Тбилиси и Сухуми произошел именно в связи с этим фактом. Грузинская же сторона и представители ООН настаивали на том, чтобы считать причиной разрыва отношений вооруженный конфликт 1992-93 гг. Тания назвал эти действия грузинской делегации и представителей ООН, так же как и предложение рассмотреть проект готовящегося под эгидой ООН документа о разграничении полномочий между Тбилиси и Сухуми, “попыткой создания новой государственно-правовой базы переговоров”. По его словам, Сухуми на это не пойдет и вести переговоры на таких условиях не будет.¹ Во время переговоров с Боденом в Сухуми Владислав Ардзинба отказался обсуждать этот документ о разграничении полномочий. Как сказал Дитер Боден спецкору Прайм-Ньюс после встречи, абхазская сторона считает вопрос о статусе решенным, а свою независимость – закрепленной конституционно.²

В интервью Прайм-Ньюс глава сухумского внешнеполитического ведомства Сергей Шамба заявил, что, несмотря на политическое давление ООН, Абхазия не откажется от зафиксированной в своей Конституции независимости и готова вести речь только о равноправных государственно-правовых отношениях. В ООН должны это понять и проявлять большую гибкость, как это делает главный посредник на переговорах – Россия, сказал Шамба.³

¹ Прайм-Ньюс, 13 февраля 2001.

² Прайм-Ньюс, 12 февраля 2001.

³ Прайм-Ньюс, 6 февраля 2001.

Новые вопросы

Абхазская проблема для Грузии. Напрашиваются грустные вопросы.

Думали ли когда-нибудь те, кто выступает за прозападную ориентацию Грузии (и я в том числе), как совместить эту ориентацию с пророссийской ориентацией абхазов, если грузины хотят, чтобы абхазы жили вместе с ними в едином государстве? Отдают ли эти люди себе отчет в том, какой будет позиция абхазов и абхазской части этого «единого государства», если в (необозримом) будущем гражданам такого гипотетического государства придется голосовать за присоединение к западным структурам безопасности? Или абхазов не принимать в расчет?

В феврале президент Шеварднадзе заявил, что не исключает возможности объявления Грузии к 2005 г. нейтральной страной, если ее народ примет такое решение. Для меня странно не только то, что Тбилиси не интересуется позицией Сухуми по этому вопросу, но и позиция самого Сухуми: к возможности объявления нейтралитета официальный Сухуми относится равнодушно. В интервью Прайм-Ньюс Анри Джергения назвал вопрос о нейтралитете внутренним делом Грузии. Абхазию не интересует, станет ли Грузия нейтральной страной или войдет в НАТО, сказал Джергения. По его словам, «Сухуми больше интересует, как Грузия собирается выстраивать правовые отношения с независимой Абхазией».¹

Но ведь то, «как Грузия собирается выстраивать правовые отношения с независимой Абхазией», зависит и от того, как Грузия собирается выстраивать правовые отношения с мировым сообществом. Ведь признание независимости Абхазии зависит не только от России или Грузии, но и (даже, может быть, прежде всего) от того окружения, в котором нам приходится жить.

Другой трудный для самих грузин вопрос: как бороться с «ос-танками» той ужасной войны? Когда на территории страны партизаны действуют практически полуофициально, это ничего хорошего не говорит о самой стране. Как с ними быть? Как избавиться от тех, кто время от времени делает громкие заявления для того, что-

¹ Прайм-Ньюс, 18 февраля 2001.

бы стороны не смогли прийти к компромиссу? Тамаз Надареишвили, например, не устает утверждать, что руководство Грузии, настаивающее на мирном решении проблемы и продолжении переговоров с сухумскими сепаратистами, таким путем Абхазию никогда не вернет.

«В любой другой стране, где часть территории оккупирована, а сотни тысяч людей стали беженцами, действующие в тылу врага партизаны получают поддержку властей, но в Грузии всё происходит наоборот», – заявляет Надареишвили. В интервью Прайм-Ньюс он заявил, что грузинские партизаны гораздо увереннее чувствуют себя на территории, оккупированной врагом, нежели на территории, контролируемой властями Грузии. На своей территории эти люди испытывают постоянное чувство страха, так как в любой момент их могут арестовать грузинские правоохранительные органы, поэтому они вынуждены отказываться от вооруженной борьбы против сепаратистов, заявляет Надареишвили. По мнению Надареишвили, развитию партизанского движения серьезно повредил и подписанный с сухумскими сепаратистами 11 июля 2000 г. протокол, согласно которому те, кто пропагандирует силовой метод решения абхазской проблемы, будут привлекаться к уголовной ответственности .¹

Министр внутренних дел Абхазской Автономной Республики в изгнании Мамука Начкебия опровергает обвинения сухумских властей в том, что «легитимные власти автономии» поддерживают связи с партизанским движением, но отмечает, что сочувствует партизанам. Как заявил Мамука Начкебия на пресс-конференции, правоохранительные органы автономии в изгнании владеют информацией о деятельности партизан. По его словам, исходя из сложившейся в Абхазии ситуации, нет ничего удивительного в том, что в этом регионе действуют партизаны. Министр отметил, что если бы не занимал нынешний пост, сам сформировал бы партизанский отряд.²

Проблема Грузии именно в этом: у рычагов стоят люди, абсурдности высказываний которых нет предела. Как устроить государство, чтобы так настроенные люди не влияли на процесс урегулирования конфликта?

¹ Прайм-Ньюс, 14 февраля 2001.

² Прайм-Ньюс, 2 февраля 2001.

Тамаз Надареишвили считает, что для решения абхазского конфликта необходимо нормализовать грузино-российские отношения с учетом интересов Тбилиси и Москвы в этом регионе. Возвращение Абхазии под юрисдикцию Грузии зависит только от позиции России, сказал он в интервью Прайм-Ньюс. По его словам, вся позиция Запада по Абхазии не идет дальше признания территориальной целостности Грузии и призывов к мирному решению проблемы. Он сказал, что в случае, если Россия окажет реальную помощь в урегулировании абхазской проблемы, Грузия могла бы учесть интересы Москвы в регионе и пойти на сохранение российских военных баз на своей территории на приемлемый для обеих сторон срок. Он назвал “объяснимой” позицию Москвы, которую раздражает движение соседней Грузии к НАТО.¹

Вот за такими заявлениями и видится реальная заинтересованность Надареишвили: пусть Грузия по-прежнему зависит России, но ему дадут рычаги правления в Сухуми. И такими заявлениями он тянет Грузию в «лоно» России не меньше, чем абхазы и грузино-абхазский конфликт.

Грузинская проблема для Абхазии. В том, что проблема Грузии существует в Сухуми, нет сомнения. В ноябре абхазские власти проводили в Очамчирском районе военные учения с использованием тяжелой техники. На учениях отрабатывалось отражение атак грузинской армии со стороны Кодорского ущелья и со стороны акватории Черного моря.

Но не только тбилисская проблема стоит перед Сухуми. Ведь не только в Тбилиси – и в Сухуми есть «партия войны». Как достойным развитием и процветания абхазам отобрать у нее первенство в определении политики? Ведь зависимость от конфликта так велика, чтобы на решение других проблем не остаются сил.

А как строить отношения с Северным Кавказом, если помощь чеченцам со стороны Грузии гораздо больше, чем со стороны Абхазии? Вице-премьер правительства Ичкерии Ахмед Закаев обвинил Россию в инспирировании участия чеченских добровольцев в грузино-абхазском вооруженном конфликте 1992-93 гг. В интервью, переданном в Прайм-Ньюс агентством “Чеченпресс”, Закаев сказал, что

¹ Прайм-Ньюс, 29 января 2001.

“по прошествии определенного времени стало абсолютно ясно”, что за этим конфликтом и участием в нем некоторых чеченцев стоит Россия, строящая свою политику в отношении кавказских народов по принципу “разделяй и властвуй”. Чеченцы считают, что без российского вмешательства грузины и абхазы легко и скоро придут к взаимному согласию, отметил Закаев.¹

Мои выводы однозначны: в таких условиях урегулирование конфликта невозможно. И абхазы, и грузины, и мировое сообщество должны стремиться к тому, чтобы за столом официальных переговоров сидели люди, *реально заинтересованные в безопасности и процветании собственных граждан*, ставящие целью не абстрактное «урегулирование грузино-абхазского конфликта» – а то, как устроить жизнь друг с другом, чтоб не мешать друг другу в развитии.

Когда сядут за стол такие люди? Когда и в Тбилиси, и в Сухуми будут демократия и зачатки экономических условий для развития, когда борьба за власть будет конкуренцией политических групп, а не схваткой старых лидеров.

А пока этого нет, мы обречены жить в состоянии фактической войны.

¹ Прайм-Ньюс, 15 февраля 2001.

SUMMARIES

Natella Akaba. The Stability Pact for the Caucasus as a Model of Caucasian Integration (pp. 20-32)

The idea of a Stability Pact for the Caucasus was first discussed at the OSCE summit in Istanbul in November 1999, but it is not really a new idea. Even while the regions of the Caucasus were in different empires and the people were involved in bloody internecine conflicts, a sense of cultural unity prevailed. There have been many attempts to unite the Caucasus but only unification from the top down has been successful.

After the collapse of the USSR the idea of Caucasian integration was raised once again. The proposed Stability Pact for the Caucasus, as the authors point out, is more a multilateral initiative than a precise plan.

An analysis of the proposals in the pact on the status of Abkhazia does not reveal anything new in the approach to the settlement of the Georgian-Abkhaz conflict, which is essentially to preserve the old hierarchical relationship between Georgia and Abkhazia (as well as between Azerbaijan/Nagorno-Karabakh and Georgia/South Ossetia). In light of this inequality the three unrecognized states naturally are not inclined to accept this idea of the pact. If one of the goals is to preserve the weak (or failed) states of the former Soviet Union, it is not enough motivation for Abkhazia, Nagorno-Karabakh and South Ossetia to endorse the Stability Pact for the Caucasus.

The idea of a Caucasus community is appealing, but the relationship between the different members of the community must be based on equality and justice. It is necessary for the three de-facto independent countries to be active members of the discussion on the future of the South Caucasus.

David Berdzenishvili. Tbilisi–Sukhumi: Before and After the Interim Period (pp. 141-148)

Confrontation between Georgian and Abkhaz nationalist movements reached its summit on March 17, 1991 when the Georgians boycotted the all-union referendum and the Abkhaz voted for the preservation and renewal of the Soviet Union. By that time the radicals in the Georgian nationalist movement prevailed, and the more moderate forces inclined toward dialogue with Abkhaz organizations (“We can still find a way to the hearts of the Abkhaz!” declared V. Vekua at a rally of Georgian activists in Sukhumi, December 1988) had become much weaker. The moderates had not developed serious political organizations in Tbilisi or Sukhumi. The result was that the leaders who came to power in Tbilisi essentially denied the Abkhaz their right to self-identification.

In early 1992, after Gamsakhurdia was ousted and before Shevardnadze returned to Georgia, Republicans (members of the official Consultative Council) and Gia Anshabidze went to Sukhumi to renew dialogue. Unfortunately, another approach prevailed in the Georgian government and war broke out. (There were probably forces in Abkhazia who also had an interest in this confrontation.) In late July of 1995 an agreement seemed to have been reached, but it was not signed. Since then the situation has essentially not changed.

These are possible scenarios for the future: (1) The worst version of the Cyprus model (the status quo); (2) Georgia and Abkhazia recognize that Russia is in charge; (3) Georgia is not yet a normal democratic country but begins to look like one (something like Serbia today) and manages to reach an agreement with Abkhazia to create a common state; (4) The current situation in Cyprus – Georgia and Abkhazia are doing well enough, have some relations with each other in a common space (without specifying status); (5) (This is more wishful thinking than a possibility.) Democracy and prosperity prevail, Georgia and Abkhazia have close relations and it doesn't matter whether they are in the same state or have some other forms of coexistence (perhaps something like Benelux).

Zurab Chiaberashvili. Doomed to Live Together: Not Enough Democracy to Settle the Georgian-Abkhaz Conflict (pp. 221-232)

On both sides of the Kodori the population is reconciled to the fact that their governments are not doing anything to improve living standards. In Abkhazia the people are in solidarity with their government against a common enemy, but there is no such consolidation in Georgian society.

These are the factors that impede settlement of the conflict:

1. *The governments are concerned with other more important problems.* The Sukhumi government is still in a state of war fever, and the Tbilisi government is concerned only with the personal welfare of its own circle.
2. *The Abkhaz are accustomed to looking to Russia, not Georgia to solve their problems.* For instance, this year the staff of the Institute of Forensics will intern in Krasnodar and Rostov-on-Don. Has anyone in Georgia who supports pro-Western orientation thought about how this orientation can be reconciled with the pro-Russian orientation of the Abkhaz if we want to live together in the same state?
3. *Many Georgians also still hope for help from Russia which has no interest at all in resolving the conflict.* The head of Georgia's "war party", Tamaz Nadareishvili, and the former head of the Georgian State security service,

Irakly Batiashvili, M. P., are pushing Georgia toward Russia (no less than the Abkhaz). In order to get back Abkhazia they are willing to even agree to preserve Russian military bases in Batumi and Akhalkalaki. According to Batiashvili, under those conditions Russia would gladly return Abkhazia to Georgia. For Russia it is much more important to maintain these two bases on the border with Turkey (member of NATO) than the bases in Abkhazia (in Gudauta) and in the outskirts of Tbilisi (Vaziani).

4. *The uncompromising stance of the Abkhaz government.* An example of this was evident at the recent Abkhaz-Georgian seminar on “State and Legal Aspects of the Settlement of Conflicts” where the Abkhaz participants insisted that the starting point of negotiations should be the legal collision that developed when the USSR collapsed. The Georgians argued that the legal divide between Georgia and Abkhazia occurred as a result of the Abkhaz-Georgian war, not the collapse of the Soviet Union. While the seminar was underway, Astamur Tania, aid to the Abkhaz president, was quoted in Prime News as saying that under no circumstances would the Abkhaz negotiate on the basis of that premise.
5. *The influential “war parties” in both Tbilisi and Sukhumi.* No progress in the negotiations is possible as long as the former head of the Abkhaz Ministry of Internal Affairs, who lives in Tbilisi, can state that the partisan war in Abkhazia is perfectly normal.

The return of refugees would renew contact between Georgians and Abkhaz and this would help to improve the political climate both in Tbilisi and Sukhumi.

Arda Inal-Ipa. Understanding the Interests of the Parties (pp. 86-96)

It is necessary for the Georgian-Abkhaz dialogue to begin analyzing national interests. A shift in the strategy of settlement from a discussion of positions to an attempt to analyze and understand the interests and fears of the parties will help identify mutually acceptable formulas for peaceful coexistence. This could stimulate the official negotiation process. It is also important to analyze interests because, along with conflicting interests, the parties may also have compatible interests that neither side can deny or exclude. It is also possible that a thorough analysis could help reveal common interests. It is hoped that a clear understanding of compatible or even common interests will help the sides articulate constructive positions.

Such a dialogue, however, is complicated not only because it is hard to understand the interests of the other side. It is also rather difficult to understand and articulate one’s own interests. It is not only necessary to examine Georgian

and Abkhaz interests, but also those of the external parties involved. This is not an easy task. For instance, unlike the Western powers whose actions in the Caucasus are rather consistent and are articulated clearly, Russia has contradictory economic and political interests and its policies are not consistent. Russia often declares one set of interests, but its policies are based on others. This is equally true of Russia's policies with regard to both the Abkhaz and Georgian parties.

It is hard to talk about interests when the policy of the state is not consistent, the hierarchy of interests are not clear, and there is not a balance between domestic and foreign interests. Therefore it is not enough to urge the parties to negotiate based on interests. All the parties have to work on understanding their own interests, developing criteria and justification for their national interests.

Abkhazia's main national interests are stability and the preservation of Abkhaz identity and culture. Therefore its policy should be to ensure the republic's stable development in these complex geopolitical conditions. The internal aspect of its national interest is to integrate its multiethnic society, and develop civic and political democratic institutions that guarantee the rights of all citizens. The external aspect is to ensure peaceful settlement of the Georgian-Abkhaz conflict and Abkhazia's subsequent integration in the world community.

Obviously both Abkhazia and Georgia have a common interest in settling the conflict and creating a synthesis of political and social guarantees that will ensure peace and security. Also compatible are the interests of developing democratic institutions and civil society. Only these measures can create the conditions in Abkhazia and Georgia for guaranteeing human rights, which is necessary to make progress on issues that today seem unresolvable. One such problem is that of the refugees, which is also an interest of both parties.

Thus, if Abkhaz and Georgians study and understand each other's interests and fears it may be possible to reconcile their differences. An analysis of the interests of both parties will help determine compatible and common interests that are adequate to reach interim solutions.

Emzar Jgerenaya, Zaza Shatirishvili. Georgia–Abkhazia: Identity Issues (pp. 61-75)

Abkhaz identity exists and it does not matter when it developed. People in Georgia do not want to understand this. We are not sure that this is understood in Abkhazia. The point is that ethnic identity does not depend on historical argumentation, that is on proving who created ethnic monuments earlier. This

historical approach compels Georgians to maintain that “contemporary Abkhaz” migrated to Abkhazia in the 16th-17th centuries (which means that contemporary Abkhaz are not the original Abkhaz) and compels Abkhaz to seek evidence that they have lived in the area since prehistoric times.

Paradoxically, historical argumentation turns Abkhaz and Georgians against each other and at the same time connects them together because it forces them to think about these issues with the same mentality. Georgians and Abkhaz equally trust historical argumentation. The only difference is that to Georgians Abkhazia is a historical province of Georgia and to Abkhaz it has been a separate entity that time and again throughout its history has been the victim of Georgian imperial ambitions.

The Abkhaz academic, Oleg Damera, believes that in order to find what Georgia and Abkhazia have in common it is necessary to look within the Caucasus context. What is Caucasus identity to the “average contemporary Georgian?” Roughly speaking, Caucasus identity to a Georgian is a sense of being connected to a particular landscape, a certain kind of national character (pride, militance, respect for elders, etc.), and characteristic physical features, that is, a trivial set of superficial characteristics that no one can deny.

According to Oleg Damera, Abkhaz culture takes Caucasus identity very seriously, and does not think it is at all trivial. Unlike contemporary Georgians, the Abkhaz believe this identity has profound and global significance.

It is impossible to find a common identity that has profound and global significance to both the Abkhaz and Georgians. All that binds Abkhaz and Georgians is what divides them – territory.

Tiniko Khidasheli. The Stability Pact for the Caucasus (pp. 7-14)

The authors of the pact argue justifiably that one of the main conditions of political stability in the region is economic stability, that is, economic development. It is unlikely, however, that the European Union will provide the necessary economic assistance, especially since the Caucasus countries will not be admitted to the Union in the near future.

As the authors of the pact point out, in order to preserve their states the countries of the Caucasus will have to develop according to the principles established by the democratic world community: “We are not Russia or the United States to be accepted by others just as we are.” These principles are well known and were not invented by the Stability Pact for the Caucasus. They are: guaranteeing human rights, minority rights, creating conditions for the peaceful coexistence of different communities, democratic and pluralistic governments, the transparency of state institutions, maximum rights of local self-government with minimum interference from the central government and clear division of

jurisdictions, and an asymmetric administrative structure. The value of the pact is that these theoretical and practical principles are presented in a single document and are adapted as much as possible to our realities.

It is amusing to read in the pact the abundant statements by presidents and foreign ministers of the Caucasus countries confirming their adherence to the principles of peace and democracy. It is as if the pact's authors really believe the statements.

The weakest part of the document is about the most painful subject – administrative-territorial structure. The authors do not make any distinctions between Abkhazia, Ajaria, Tskhinvali and Javakheti. All these areas with such different circumstances require different approaches.

The idea of Caucasus integration may seem appealing, but our countries are unlikely to abandon their desire for full independence, something that they have fought so hard for all these years. This is another painful subject.

Abesalom Lepsaya. Are Interim Models of Settlement Feasible? (pp. 158-173)

1. Anyone who tries to develop models must think about their feasibility. Developing models is not particularly difficult. Competent experts and experienced politicians are capable of generating various proposals for settlement and coexistence. The inevitable question in the case of Abkhazia is whether any proposal can be implemented or even whether it is possible to create this capability. It is necessary to plan the framework for a settlement, not only the points of the agreement. It is especially hard in light of the chaos and instability that prevails in the region to create the conditions in which it makes sense to develop models. It is necessary to have a policy promoting the creation of acceptable models, a policy that will be at the heart of relations between Georgia and Abkhazia. Without this, any proposal for settlement and coexistence will be utopian no matter who develops it and even if it meets the interests and needs of both sides.
2. Political leaders, experts and representatives of the public in Georgia and Abkhazia must find a mechanism for generating a model for settlement. It is necessary to establish a process for developing an agreement, a process that will gradually lead to the goal.
3. Consociation is the best model for both an interim and a final agreement.
4. Whatever model is adopted it will have to be implemented. This can happen only if there is a state capable of making and implementing a decision.

5. Since political, social, and law enforcement structures on both sides are weak and unreliable it is obvious that some international guarantees will be necessary.
6. A partial proposal could be developed on the basis of settlement proposals and models that have already been put forth as final solutions. An interim model could consist of a combination of the most rational and feasible elements of existing proposals, plus some new proposals that take into account the current realities. An end to economic sanctions and open communication could be core elements.

К сожалению, в 5-й выпуск нашего сборника вкралась досадная неточность: доклад Марины Пагава “Перемещенные”, зачитанный на конференции в Конобееве, был опубликован с пометой: “Доклад не зачитывался на конференции.”

Редакция приносит автору свои извинения.

